

Литературный МІХ №1(15) 2015

Главный редактор

Елена Владимировна
Мошко

Интернет-магазин
www.artlitmix.com

Центр современной
литературы и книги
на Васильевском

Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д.10
www.litcenterspb.com
группа в контакте:
sclik

15-й выпуск

№1 2015

ТЕКСТЫ С ПОДТЕКСТОМ

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтические ступеньки

Мария Агапова.
Я знала всё почти о Вас 2

Действующие лица

Ирина Волкова-Китаина
Жили-были в России и СССР 3

Книжный салон

Надежда Воронова
Ладожские этюды. Стихи 22

Павел Короленко
Свет сентября. Стихи 24

Иван Кутыркин
Битва со скалой. Стихи 24

Александр Гайдышев.
Счастливая карусель детства
(Рассказы из книжки для тех,
в ком живет ребенок) 26

Книжка для друзей

Андрей Григорьев
Саквояж 59

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35381 от 18 февраля 2009 г.

www.artlitmix.ru

Я знала всё почти о Вас,
Бездельник!
Что Вы немножко Ловелас
Без денег.

Что вы не любите халву,
Не пьёте...
И расписала randevu
В блокноте.

Потом сменила камуфляж
Без лоска
На перманентный макияж,
Причёску...

Достала с трюфелем пакет,
И с соком,
И туфельки на каблуке
Высоком...

Потом сидела и ждала
Три года.
Менялись беглые дела,
Погода...

Томились трюфели в плену
Пакета.
Дразнили туфли тишину
Паркета...

И эта пара каблуков
Волшебных
Была причиной оков
Душевных.

Потом я съела пармезан,
Конфеты,
Забыв про строгий рамазан,
Диеты,

И шоколадку целиком,
И трюфель...
И убежала босиком.
Без туфель.

Мария Агапова

ИРИНА
Волкова-Китаина

Жили-Были В РОССИИ и СССР

Эссе

Наш класс отмечал какой-то год окончания школы. За столом кто-то сказал: «Мы все похожи, потому что...», и неожиданно в этот момент Люба Серегина, моя соседка по столу, крикнула: «Как в Старом Рахино!»

– Люба! – Я повернулась к ней. – Ты знаешь Старое Рахино?!!

– Да. У меня большая родня там жила. Я туда ездила. Сейчас мы все посмотрели друг на друга, по-родственному, как в Старом Рахино. Я сразу его вспомнила. А почему ты о нём спрашиваешь?

Я ответила: «Я тоже знаю его».

Старое Рахино

О Старом Рахино я слышала каждый день, пока была жива моя бабушка Рослова Мария Никитична. Сделанная более ста лет назад в уездном городе Крестцы её, шестнадцатилетней девушки, фотография с надписью: «Милой подруге Кити от Мари», возвращённая ей подругой уже при мне, висит в моей комнате как произведение искусства, и как искусство я воспринимаю теперь бабушкины рассказы о её родине.

Вот бабушка везёт меня в Максимилиановскую поликлинику. Трамвай в начале пятидесятых годов ходил в Ленинграде мимо Исаакиев-

ского собора. Я спрашиваю: что это? Она отвечает: Исаакиевский собор. В Старом Рахино тоже большой собор, но там ещё и колокольня есть!

Когда мы жили рядом с лесом, она меня в него не пускала. Тут тебе не Старое Рахино! Это у нас в лесходишь, как в залу! За версту видно и дорогу домой, и Рахино. А чистота! Грибы будто на выставке стоят. А птиц! Не отлавливай их, так они бы весь лес склевали. Наши мальчишки голыми руками ловили глухарей, куропаток, тетёрок!

Всем агитаторам, ходившим перед выборами по домам, она называла адрес своего рождения торжественным голосом: «Село Старое Рахино! Крестецкий уезд! Новгородская губерния! Россия!» – Иногда я смеялась над старомодными словами: уезд, губерния. И тогда она показывала мне свой паспорт. Там всё так и было написано. Единственное это я считала реальностью, всё остальное принимала за сказки. Однажды читала мне, как Емеля поймал в проруби щуку, вдруг закрывает книгу и говорит: «Твоя бабушка тоже щуку поймала!» – «Где?!» – «В Старом Рахино! Щука в Холове, в нашей речке рыбок ловила. Раз стояла в воде, караулила добычу, а бабушка хватя её рогатиной под самые жабры – и на берег. Голова щуки от старости мхом поросла. Ростом она была с человека!» Рассказывала бабушка ещё о таинственной «Чёртовой кухне» – озере на окраине села, в котором черти круглые дни варили обеды. Вспоминала она и четыре сопки, усеянные её любимыми ландышами и земляникой.

Из рассказов её и её сестёр мы, их внуки, никогда не бывавшее в Старом Рахино, знали о многих его жителях. Если кто-то выглядел глупо, сёстры говорили про него: «Да он Ляля Большаков», или самому ему: «Ляля, ты Ляля!». Так в Старом Рахино звали одного дурачка. Хозяек, которые не варили дома обеда, называли «Феша Зеховская». Это в селе была глупенькая старушка, жила одна, готовить не умела, захочет поесть – идёт к соседям. Её кормили всем селом. На слуху у нас постоянно звучали и фамилии трудолюбивых грамотных семей: Державины, Серёгины, Лёвины, Адестовы, Ильменские, Высокоостровские, Гусаровы, Мичишнины. Фамилия бабушкина отца Тихомиров, а мамина девичья Туманова. Часто всех из большой семьи Тихомировых называли Тумановы. Бабушка объясняла: наш папа был пришлый, а Тумановы жили в селе чуть ли не с его зарождения, были строителями, много чего построили, даже мельницу.

Недавно, надеясь ещё что-нибудь узнать о Старом Рахино, я на всякий случай заглянула в Интернет. Оказалось, там о нём много статей! Его первоначальное название – Рахино. В XV-м веке ещё до Ивана Грозного оно было большой деревней. А в XVIII-м возле него прошла Екатерининская столбовая дорога, где на каждой версте по указу императрицы стояли мраморные столбы. Проехав именно по этой дороге, Радищев написал своё «Путешествие из Петербурга в Москву». Кстати, Александр Сергеевич Пушкин оставил о нём нелестный отзыв: «...очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слого. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности жеманны и надуты, иногда чрезвычайно смешны». Фёдор Михайлович Достоевский тоже нелестно написал о Радищеве: «...отрывки и кончики мыслей у него соединяются с вольными переводами подобных сочинений французских просветителей».

Деревня Рахино перешла в ранг села в 1837-м году, когда здесь построили белую каменную церковь Рождества Пресвятой Богородицы, а населённый пункт с церковью – уже не деревня. Вслед за церковью в Рахино появились три часовни, церковно-приходская школа, а затем хлебный магазин-склад, 3 чайных, 5 мелких лавок, кузница, две мельницы. Жители трудились во всех областях: ловили рыбу, лесную дичь, били растительное масло, мололи зерно, изготавливали крупы, пекли на продажу пироги. «Кокоры» – ватрушки, где вместо творога картофельное пюре, разведенное на сметане, дрожный пирог с тушеной кислой капустой и рыбой охотно покупали все путешественники. Екатерининская дорога пролегла возле села около ста лет. При Александре Втором проводился её ремонт. Мужики сельской общины Рахино попросили ремонтников немного отодвинуть шумную дорогу от их села, но точно не договорились с ремонтниками; те убрали петлю, подходившую к Рахино и, выпрямив тракт, провели его за семь вёрст от него. Некоторые из Рахино переехали к большому тракту. Так возникло поселение Новое Рахино. Прежнее село стало называться Старым Рахино. Но, несмотря на возникшую удалённость от большой дороги, оно продолжало развиваться. В годы реформ Столыпина, когда крестьяне получили право на широкое кредитование банков и смогли выкупать у помещиков излишки земель и продавать часть урожая, в Старом Рахино стали быстро строиться двухэтажные дома по примеру уездных городов. Из них вокруг церкви возникла площадь. На ней появились деревянные тротуары.

В 1908-м году село стало центром Рахинской волости. Здесь заработала почта с доставкой писем и газет, открылась вторая уже земская школа, тогда же на площади появился «Народный дом». Идея создания таких культурно-просветительных учреждений для простого народа родилась в Англии в конце XIX-го века. Подобные центры возникали и в России, сначала в столичных и губернских городах, затем в уездных и сёлах. В «Народном доме» Старого Рахино заработала библиотека, открылся танцевальный зал и даже сцена, где игрались пьесы. В тот период расцвета Старого Рахино и проходили юные годы моей бабушки.

В марте 1970-го года, когда мне было 29 лет, а моему сыну Григорию 11, я перешла из газеты на Ленинградское телевидение. Редакцией информации руководил прекрасный журналист Николай Петрович Добровольский, оправдывающий свою фамилию. Он мне предложил поработать на всех майских праздниках, затем взять отгулы. Вместе с выходными получилось 10 дней. Я решила провести их в Старом Рахино. Моя мама созвонилась с дядей Сашей, сельским кузнецом, бывшим мужем бабушкиной сестры Евдокии. После её смерти он был женат уже третий раз, но не порвал связей с нашей роднёй.

Мама с Гришей поселились у него. Я приехала через две недели в разгар лета. Шофёр высадил меня на развилке, показал на плотно утоптанную среди полей ржи дорогу. Я шла по ней, как по ожившей картине русских художников. Домов ещё не было видно, но вскоре состоялась первая встреча с одним из бабушкиных рассказов. Внизу от дороги, в тени крутых берегов, открылось озеро. Вода в нём бурлила, как кипяток в кастрюле. «Чёртова кухня!» – узнала я, а вслед за ней увидела и милые бабушкины сопки. Её любимые ландыши уже отцвели, но под их парными зелёными листьями краснела земляника. Видимо, за ней шли с маленькими лукошками две девочки. Я спросила, где дом кузнеца.

- А вон! – ответили мне. – Из него как раз выходит Гриша Туманов!

Господи, это мой Гриша! – я обрадовалась сыну, а что его назвали Туманов, ничуть не удивилась, ведь бабушкину родню в селе называли Тумановы. Куда больше я удивилась, когда я и мама принесли домой корзину грибов, и жена дяди Саши мне сказала: «А на днях Григорий нам из леса ещё и тетёрку принёс. Поймал голыми руками!»

Тихомировы и Тумановы

Бабушкины сёстры и она сама с удивительной для меня гордостью говорили: «Наш папа был подкидыш!» – Его подкинули младенцем в Новгороде, в генеральскую семью, где были свои дети. Подкидышу дали имя Никита Иванович Тихомиров, оставили в семье, но происхождения его не скрывали. В юности он проявил интерес к коммерции. В конце XIX-го века в Крестецком уезде Новгородской губернии широко развилось художественное ремесло под названием «Крестецкая строчка». Белые, похожие на кружево, вставки в одежду, в скатерти, бельё выполняли в пальцах иглой с отломанным концом. Заказы на них поступали из разных мест России и других стран. Почти в каждом доме женщины уезда занимались этим ремеслом и получали от него хорошие деньги. Молодой Никита Тихомиров брал в Крестцах заказы на строчки, развозил их по сёлам и деревням, а потом готовые изделия отвозил в контору.

Приёмные родители в самом начале его коммерции купили ему коня с кожаной повозкой и большие чемоданы. Позже он купил на зиму и сани, завёл себе кучера и

разъезжал по уезду. Родиной строчки являлось село Старое Рахино. Никите понравилась в селе девушка Паша. Он пришёл свататься к её родителям Василию и Марфе Тумановым. Они имели всего двух детей: сына Николая и дочь Прасковью. Небольшая по тем понятиям семья жила в одноэтажном, но просторном доме, скромно стоявшем на сельской площади немного наискосок от церкви. В 1970 году он там же крепко стоял. Я и Григорий его видели. Марфа и Василий хотели выдать дочь за кого-то местного и отказали жениху. Тогда он поехал с невестой в расположенный неподалёку от Старого Рахино женский монастырь, где родная сестра Марфы была

*Маша Тихомирова.
Фотоателье
г. Крестцы. 1912 г.*

*Маша, Петр и Прасковья
Тихомировы. Фотоателье
г. Крестцы. 1914 г.*

Книги известной
петербургской
писательницы Ирины
Волковой-Китаной
можно заказать
в интернет-магазине

www.litres.ru

и гуме-
ней. Она благословила молодых, и Тумановы
сыграли им свадьбу. Вскоре у Тихомировых ро-
дился сын Пётр, потом дочь Мария – моя бабуш-
ка, и за ней третья дочь – Паруся. Никита Тихо-
миров построил на сельской площади свой дом.
Он был намного больше дома тестя, рассчитан-
ный на растущую семью, двухэтажный, с желез-
ной крышей, навесом над входом, без резных ук-
рашений, но с большими окнами и строгими на-
личниками по примеру других строившихся в
селе домов. Когда я увидела его, у него сохрани-
лись на двухэтажных верандах гнутые на углах
стёкла, характерные для стиля модерн. В этом
доме и росли моя бабушка, её братья и сёстры.
Детей у Тихомировых было шестнадцать. После
трёх войн, революции и репрессий осталось пять
сестёр. Они были очень дружными и вместе со
своими мужьями, детьми и внуками составляли
единую большую родню. Бабушкиных сестёр
мой сын помнит. Это его двоюродные прабабуш-
ки: Прасковья, Анна, Зинаида и Вера Никитич-
ны, но он и я называли их тётя Паруся, тётя

Нюра, тётя Зина и тётя Вера. Всё они, кроме моей
бабушки, обучались грамоте в земской школе
Старого Рахино. Бабушка два года ходила в цер-
ковно-приходскую. Там она научилась читать,
освоила два действия арифметики, выучила Библию
Ветхий и Новый заветы и решила: этого до-
статочно. Она любила ухаживать за коровой, го-
товить, накрывать стол для большой семьи, хо-
дила в Народный дом на танцы и даже играла в
народном театре. Больше всех тянулась к обра-
зованию её сестра Паруся: после земской школы
она училась в Петрограде на двухгодичных учи-
тельских курсах. На их базе позже был основан
Педагогический институт имени Герцена. Всю
жизнь Прасковья Никитична любила русскую
литературу. Вот одно её воспоминание из 1910
года, фактически из её детства, связанное с ли-
тературой: «Наш папа выписывал всякие печат-
ные издания. Раз раскрываю “Ниву” и вижу в
траурной рамке портрет Льва Толстого. Я уже
читала “Войну и мир”, “Казачи”. Он был мой са-
мый любимый современный писатель. В слезах
я побежала в церковь к нашему попу отцу Анд-
рею Ильменскому. С его дочерью Машей мы
были близкие подруги и не раз говорили о Тол-
стом. Маша, также как и я, обожала его. Отец

Андрей был просвещённым человеком, я
считала: он поймёт моё горе. Но когда я
вбежала в храм, то решила лучше по-
делиться с моим духовником и броси-
лась к нему в ризницу. “Отец диакон,
отец диакон!” Он: “Панюшка, что
случилось, дитя моё?” Я: “Отец ди-
акон, Лев Толстой умер!” А дьякон:
“Ерунда! Не плачь, Панюшка. Пус-
тяшный был человек”. Понятно, по-
чему дьякон так сказал. Прасковья

Никитична, наша тётя Паруся, этот случай
вспоминала нам, внукам, не раз и в конце всегда
напоминала о рассказе Куприна «Анафема», на-
писанном им в Гатчине по реальному событию.
Во время анафемы Льву Толстому протодьякон
Гатчинского собора Амвросий (прототип героя
Куприна) пропел громогласно на весь собор не
анафему великому писателю, а Аллилуйя, т.е.
Слава Толстому! Думаю, Прасковья Никитична
рассказывала эту историю и своим ученикам, ког-
да преподавала литературу. Во время учёбы ещё
в земской школе Старого Рахино она была влюб-
лена в своего учителя истории и литературы Алек-
сея Евгеньевича Гоголева. В 1914 году её возлюб-
ленный, её старший брат Пётр Тихомиров и де-
сятки мужчин Старого Рахино ушли на Первую
мировую войну. На прощание Петя сфотографи-
ровался в Крестцах с двумя своими сёстрами Ма-
рией и Прасковьей. Фотография в моей семье хра-
нится уже сто лет. На ней Петя в форме солдата,
моя бабушка в белом платье со вставленными
строчками, выполненными её руками, а тётя Па-
руся в жилетке с меховыми вставками на груди,
модными в 1913–14 годах и сейчас в 2013–14.

В годы Первой мировой, или, как её называли
тогда, Германской, войны моя бабушка встрети-

ла свою любовь. Её избранником оказался случайно заехавший в Старое Рахино студент Петроградского института путей сообщения Григорий Рослов. Лихо она его захватила! Он гостил у родственников своих сокурсников братьев Мордухай-Болтовских. Кстати, одно время в их семье мальчиком служил в лакеях Михаил Калинин. Повзрослев и работая уже в других местах, он навещал бывших хозяев в их петербургском доме, где его по-прежнему называли Миша. Калинин был общительный, отличался грамотной, образной речью, из-за чего студентам нравилось с ним разговаривать. У друзей Григорий Рослов гостил недолго и уже собирался отправиться к родителям, но перед отъездом приехал посмотреть «Чёртову кухню» в Старом Рахино. Тётя Паруся рассказывала мне, как на середину их площади прогарцевала лошадь с открытой коляской, а в ней три молодых человека. В это же время через площадь шли три девушки. Это были сама тётя Паруся, моя бабушка и подруга их поповская дочка Маша Ильменская. Они спешили на репетицию в Народный дом, где в тот день все три играли в пьесе Фонвизина «Недоросль». «Мы с Машей хотели пройти мимо, – вспоминала она, – но твоя бабушка птицей сорвалась с места, прямо подлетела к молодым людям и пригласила их на спектакль». О дальнейшем с юмором мне рассказывал дед: «Бабушка твоя начала со сцены на меня взгляды кидать и прямо, и через плечо, я, скромный студент, только краснел. Уезжая, я спросил её адрес, написал, как требовали приличия. И тут началось! Что ни день, от неё письмо! То о Фонвизине пишет, то о Чехове! То каких пирогов она напекла для семьи. Подписывается “Твоя Марийка”. Ну, я решил, раз пишет твоя, значит моя, и письма такие хорошие. Но письма-то писала не она, а её подруга поповская дочка! – тут дедушка добродушно смеялся. – Твоя бабушка только из Петрограда сама написала письмо родным и даёт мне посмотреть, нет ли ошибок. Я глянул – одни каракули, и в конце – “Всех *чашую*, ваша Марийка Рослова”.

Летом 1916 года моя бабушка, тогда сельская двадцатилетняя девушка, стала женой инженера-железнодорожника и уехала в Петроград. Григорию Рослову было тогда 25 лет.

Рословы

Дедушка рассказывал, что его отец Варфоломей Рослов родился крепостным крестьянином. Я делаю вывод: это было до 1861-го года. В 17 лет Варфоломея забрали в солдаты. На 25 лет! Он служил при двух императорах Александре II и Александре III. Дома его ждала невеста.

Во времена Александра III, прозванного в народе Миротворец, Россия не ввязывалась ни в какие войны, и солдат часто направляли на строительство железных дорог. Мой прадед попал на возведение Великого Сибирского пути. Он про-

кладывался одновременно с разных участков. Варфоломей Рослов работал сначала на Прибайкальской территории, а затем в Китае. От дедушки я не раз слышала, как китайки кормили наших солдат горячими пельменями. Солдаты спускались за ними с насыпи и с полными котелками рассаживались на рельсах. Китайки уже налегке тоже поднимались на насыпь посидеть на рельсах, но у них были маленькие неустойчивые ноги (дань моде, начиная с династии Мин), и если дул ветер, китайки падали на бок и кубарем катились вниз. Солдаты ели пельмени и смеялись. Этот момент короткого веселья из тяжелой солдатской жизни моего прадеда трогал меня до глубины души. Свои чувства к нему я отдала одной из героинь моей повести «Барабанщики из Поднебесной», которая, подъезжая к Харбину, вспоминает этот эпизод, единственный известный ей из жизни её предка, и мысленно обращается к нему: «Прадедушка мой, миленький, Варфоломей наш, ты строил здесь эту дорогу, сидел на рельсах, ел пельмени, смеялся...»

Кроме мирных работ, рекруты несли военную службу, а закончив её, получали чин унтер-офицера и 2 тысячи серебром на обзаведение хозяйством. В 1909-м году этот закон отменили. В Армию стали брать только на 3 года. Но в XIX-м веке Варфоломей Рослов вернулся на родину в новом мундире унтер-офицера и с деньгами. Ему было уже за сорок. Тянуть с созданием семьи он не хотел. Бывшая его невеста за время его службы умерла. Он посватался к её младшей, но уже не молоденькой сестре Ирине, получил согласие и уехал в Валдай готовить семейное гнездо. Через Валдай от Старой Руссы до Николаевской железной дороги проходила однопутная рельсовая ветка, полностью разрушенная в годы Великой Отечественной войны. Но во время приезда Варфоломея она была только что проложена. Варфоломей, быстрый в решениях, устроился на вокзале унтер-офицером, приобрёл неподалёку от станции этаж каменного дома, рядом с ним купил чайную, женился и начал семейную жизнь.

Валдай – родина церковных колоколов, знаменитых Валдайских колокольчиков (дар Валдая), звеневших на дорогах России, и ещё родина обыкновенных баранок, которые подавались в чайной Варфоломея и Ирины Рословых. Дома Рословы иногда ели горячие баранки с мёдом. Дедушка вспоминал, что в таких случаях отец весело произносил за столом поговорку: «Хвалила себя калина: я с мёдом хороша, а мёд говорил, но я без тебя ещё лучше!» Мёд Варфоломей не любил и произносил ещё поговорку: «Мёд, мёд раз в год, да и то надоест». Он любил овсяную кашу. А когда в пост подавался овсяный кисель, он, подражая местному дьякону, протяжно пел известное из азбуки стихотворение Жуковского: «Дети, овсяный кисель на столе, читайте молитву. Смирно сидеть, не марать рукавами и к горшку не соваться».

У Варфоломея и Ирины было пятеро детей. Григорий – мой дедушка, и ещё Лидия, Клав-

дия, Лев и Савелий (Лёвка и Савка – так называл братьев в своих рассказах дедушка). Вот одно из его воспоминаний о брате. Однажды какой-то учитель объявил детям, что завтра у него день ангела, и просил передать это родителям. Савка передать забыл. Утром в начале урока все ученики по очереди понесли учителю подарки. У Савки подарка не было. Он решил отдать свой баранок, но пока шёл к столу, подумал, что ему ничего не останется есть в перемену, поэтому отломил половину баранка и положил перед именинником. Потом мать приходила извиняться за сына и сделала учителю более существенный подарок.

О матери Ирине Рословой дедушка говорил тепло, как и об отце. Она носила маленькие шляпки с сеточкой, модно одевала дочерей, вела себя с достоинством, была грамотной, всегда смеялась над солдатскими шутками отца и следила за уроками детей. «Я учиться хотел на железнодорожника! – рассказывал дедушка, – Отец за руку водил меня на станцию. Мы вместе смотрели паровозы. Мне от них глаз было не оторвать.

*Григорий Рослов
г. Валдай, 20-е годы*

Свистнут, пар пустят, закрутят, как членистоногие кузнечики, колёса, запыхтят и покатятся. Отец тоже любил на них смотреть».

Варфоломей Рослов работал всю жизнь. Перед революцией он вышел в отставку. В революцию его лишили пенсии, отняли чайную, а потом отобрали и этаж дома.

Революция

Только в 70-е годы, уже побывав на родине бабушки, я стала спрашивать её сестёр, как проходила у них в селе революция. Анна Никитична Тихомирова жила с 30-х годов в Ленинграде, но память о Старом Рахино для неё оставалась святой. Однажды мы с ней шли по улице, и ей показалось, что двое прохожих говорят о нём. Она обернулась к ним: «Ой! Вы знаете Старое Рахино?!» Люди говорили другое. Ей послышалось ... Старое Рахино...

Она помнила, что в селе спокойно восприняли отречение от престола Николая II. Тогда переживали за родных, ушедших на Первую мировую войну. А Николай – царь. Его воля передать власть сыну, брату, новому правительству. «Это вся революция?! – удивлялась тогда она. – Чего нас пугал ею отец Андрей?» Впервые от этого священника она услышала о революции. Летом 1914 года перед самой мировой войной в Старое Рахино приезжал Его преосвященство архиепископ Арсений. Он инспектировал храмы Новгородской губернии. Встречать церковное начальство пришли верующие из всей волости. Девятилетняя Аня Тихомирова с группой школьников тоже приветствовала архиепископа. Церковь тогда была на ремонте. Её главные две иконы святой Параскевы и Тихвинской божьей матери, обе в богатых окладах, были вынесены на улицу. Стоя около них, отец Андрей Ильменский говорил о делах его большого, на несколько деревень, прихода, о том, что в приходе уже пять школ, народ грамотный, рассказывал о прихожанах, дающих на церковь деньги, но и сетовал, что прихожанам привозят газеты с карикатурами на Церковь и Царя, призывающие к революции. Позже Аня видела такие карикатуры. Они были смешные, одна – в бороде Распутина запутались царь и царица. Корона у царя свалилась с головы и висит на кончике бороды. И вот она реально упала в феврале 1917 года.

Первые месяцы после этого жизнь в Старом Рахино не изменилась. Народ сохранял прежний уклад жизни.

Перемены случились, когда появились большевики. Все незнакомые, с пистолетами, сразу арестовали выборных служащих Волостной Управы, заняли её здание, повесили новую вывеску «Волостной сельсовет», всё сделали быстро и начали забирать

лучшие на селе дома. В некоторых устроили склады зерна и продуктов, отнятых у каждой семьи, некоторые оставили пустыми. В одном из конфискованных домов создали женскую Артель. Женщин заставили сдать все свои материалы для художественной строчки и приходиться трудиться в этот дом. Из деревень в Артель ходили за несколько вёрст. Работали на двух этажах в тесноте. Никому ничего не платили. У Никиты Тихомирова имелись выполненные изделия, он повёз их сдать в Крестцах в контору. Там у него работы забрали, а заплатит, объявили, Артель. От новых услуг Никиты Тихомирова отказались. На этом его коммерция закончилась. У него оставались лошадь и коляска. Он начал работать извозчиком на Екатерининской дороге. Уезжал иногда на несколько дней. Однажды возвращается, а в селе прошла новая конфискация, его дом забрали под будущий детский сад. Василий и Марфа Тумановы взяли семью дочери к себе. Всех, других выгнанных из домов, приютили родственники или соседи. Жители Старого Рахино возмущались. Для защиты от них большевики создали вооруженный отряд из лишенных продуктов, людей, обещая их кормить, если возьмут в руки ружьё. В революционные отряды забрали и лошадей. На всё село осталась в Заречье только одна старая лошадь. Новый порядок односельчане терпели полгода, а потом пошли толпой с ружьями на Сельсовет. В бунте убили большевистского комиссара. Убитые были и среди односельчан, но большевиков из Старого Рахино выгнали. «После этого, – рассказывала Анна Никитична, – глупенький Ляля Большаков несколько дней ходил по селу в чьих-то солдатских сапогах, плакал и причитал: “Лежит Люля под ёлочкой, застрелен из винтовочки”». Его брата Люлю тоже застрелили. Односельчане похоронили убитых и думали, что вернуться к прежней жизни, но вернулись большевики.

В это же время в Петрограде людей также выгоняли из квартир. Бабушка мне рассказывала, как зазвонил на двери колокольчик, за дверью оказались трое в кожаных куртках и с браунингами, велели ей за пять минут собраться и уйти из квартиры через «чёрный» ход. Когда постояльцы дома выходили на улицу, там уже сидели на чемоданах в ожидании освобождающего жилья приближённые к большевикам. Они сразу занимали квартиры, обставленные мебелью, с одеждой, посудой, с изящными изделиями. Всё тоже делалось быстро. «Кожаные куртки» могли и застрелить на улице любого не понравившегося им человека. Большинство железных дорог в стране остановилось. Начались массовые увольнения железнодорожников. Лишенный работы, Григорий Рослов поехал искать новое место службы в других городах, а жену отправил пережить беспокойное время в Старое Рахино, не зная, что там происходит. Бабушка не ожидала, что и здесь людей лишают жилья. Родные в доме Тумановых её встретили со слезами. Все

были в отчаянии от революции. Молоденькой моя бабушка рассказала им о событиях в Петрограде, а через пятьдесят лет повторяла о них и мне, ходила со мной на Спасскую улицу, чтобы показать, где жила, заходила в парадные, но за годы всё изменилось, стёрлась её память, она не смогла найти своего бывшего адреса. В 18-м году она прожила с родителями братом Сашей и сёстрами, пока каким-то образом не получила известие от моего тогда совсем молодого деда. На другой день она попрощалась со всеми Тумановыми и Тихомировыми, одна ушла за семь вёрст в Новое Рахино на Екатерининскую столбовую дорогу и дальше поехала к мужу.

Став безлошадными, жители Старого Рахино пахали поля на себе. Тётя Нюра (Анна Никитична) рассказывала мне, как она и её тринадцатилетняя сестра худенькая Зиночка вместо лошадей тянули каждая по своей борозде плуг, а отец Никита Иванович и брат Саша толкали его по тяжелой сырой земле. С тринадцати лет за лошадь пахали поле подружка Зины – Серегина Дуня, и многие неокрепшие подростки. Конская упряжка натирала им тело. В селе появилось ремесло: шить ребятам кожухи на плечи. Работали за право оставить себе буквально горсти урожая. Голодали, болели. Тиф уносил малолетних детей. Напуганные частыми похоронами их из семей убежали старшие голодные дети и где-то превращались в беспризорников. Протестующих против новой жизни расстреливали как «врагов народа». В людей вселялся страх перед властью. Анна Никитична считала, что и пожары в Старом Рахино под названием «красные петухи» организовывала та власть. Именно в разгул её сторели лучшие дома и даже деревянные тротуары – всё, что свидетельствовало о прежней жизни. Когда с войны вернулись домой сельский учитель Алексей Евгеньевич Гоголев и старший сын Тихомировых – Петр, они не узнали своего села.

С фронта Гоголев, штабс-капитан Российской армии, прислал бабушкиной сестре свою фотографию с надписью: «Паше Тихомировой – одной из моих лучших учениц, которая, смею надеяться, ещё помнит меня». В ответ он получил признание: «Не только помню, а всечасно мечтаю и молюсь о нашей встрече». Их встреча в разорённом Старом Рахино была для них счастьем. Они поженились. В марте 19-го года у них родился сын Женя. Тридцатипятилетний учитель побоялся доверить рождение своего ребёнка местной повивальной бабке и отвёз жену в повивальный дом Крестец. Уехали по заснеженной дороге на старой лошади, единственной уцелевшей в Заречье, за Холовой. На той лошади отправились ещё Никита Иванович Тихомиров и бойкий седобородый дед Симка, глава большой семьи Гуциных. Они поехали в сохранившийся от бывшего Крестьянского поземельного банка отдел обмена денег. В ту пору в ходу были как царские монеты с ассигнациями, так и «крен-

ки», а по стране активно пошли слухи и в газетах писали, раз царя нет, то и деньги с портретами царей ликвидируют. Люди после спешили обменять, что у них оставалось от прежнего времени, на «керенки». Никита Тихомиров вернулся домой с чемоданом этих мелких похожих на почтовые марки денег, а через неделю они уже валялись в холодной конюшне дяди Коли Туманова. Правительство, собрав у населения золото, серебро, ассигнации, отменило и «керенки», введя новые «Совзнаки». Естественно, их ни у кого не было. Так, в марте 1919-го года жители России и в том числе Старого Рахино оказались ограблены.

Через год в селе закрылись школы. Учителя Гоголевы уехали искать работу. А до их отъезда сёстры Зина и Аня бегали в Заречье понычнить своего племянника Женю. Молоденькие тётки пели ему Рахинскую колыбельную: «Баю-бай, недалёко Валдай», учили его играть в ладушки, и это, вспоминала тётя Зина, было единственной нашей радостью.

Много лет спустя в Старом Рахино жила Ольга Берггольц. В своём «Запретном дневнике» она назвала разорение этого села «кошмаром и страшным сном». Не открывая имени одного из местных старожилов, она привела его кроткие слова: «Мы бы поднялись, если бы не новая война».

Надежды двадцатых

Обнищание народа, возмущение новой властью, убийства её лидеров, всеобщая разруха в городах и сёлах – осознав это, Ленин вводит в стране в марте 1921-го года новую экономическую политику – НЭП. Крестьянам позволили оставлять себе семьдесят процентов урожая и

*Внуки Никиты
Тихомирова,
Старое Рахино, 20-е годы*

продавать излишки. Если бы можно было сейчас увидеть, как жители Старого Рахино поднимались на ноги... Несколько лет они по-прежнему на себе пахали поля, впрягались в телеги, вывозя урожай и государству, и для себя, и на продажу. Ещё жили впроголодь, но копили деньги, чтобы купить главную помощницу в хозяйстве – лошадь. Только с приобретением лошадей жизнь на селе стала улучшаться. Настал день, когда конским ржаньем огласилась и долго пустовавшая конюшня дяди Коли Туманова. Зазвенела наковальня и в кузнице молодого Саши Гришина. Он подковывал лошадей, ковал бороны, кухонную утварь, стал среди односельчан незаменимым. Деятельная жизнь возобновилась в семье Гуциных. В селе их называли по имени деда Серафима – Симкины. Они жили хутором на окраине села, очистили расположенные рядом два озера, развели в них карпов, наладили сдачу рыбы государству и личную продажу.

Прежнего благосостояния ещё никто не достиг, но молодёжь уже начала собираться на вечерние посиделки, по выходным опять стали ходить в Народный дом. Вспомнили модный в девятнадцатом веке танец ланце из четырёх, восьми или двенадцати пар, похожий на кадрили. В селе заиграли гармошки. И хотя ещё зияли на улицах пустыри от разрушенных домов, росли надежды на лучшее будущее. Маша Ильменская, потерявшая в Первую мировую войну жениха, стала принимать ухаживания брата своих подруг простодушного Петра Тихомирова, вернувшегося домой после Первой мировой войны. Она Петру давно нравилась. Они поженились. Вслед за ними создали семью кузнец Саша Гришин и самая скромная из сестёр Тихомировых – Дуня. За молодого Василия Гуцина, голубоглазого брюнета, вышла замуж стройная, как тростинка, Тихомирова Зина и переехала к мужу. Аня, самая статная и красивая из сестёр, оставалась с родителями и работала воспитательницей детсада в бывшем своём доме. Она мне рассказывала, как на Зинину свадьбу приехали сестры Паруся и Маня с семьями. После свадьбы они уезжали под Ленинград в Дружную Горку. Там работал бывший сокурсник моего деда. Он получил новое назначение, а мой дед ехал на освобождающееся место. Последний год он с семьёй жил у своих родителей. Перед этим он часто менял работу и города, какое-то время работал весовщиком в Сарапуле. Там в Гражданскую войну 3 октября 1919 года родилась моя мама Вера Рослова. В Старое Рахино мой дедушка, как вспоминала Анна Никитична, приехал без своей пшеничной шевелюры, почти лысый, но бабушка говорила, таким он ей больше нравится. Сама она была с модной нэпманской причёской плойками, весёлая, и много рассказывала про свёкра: «Варфоломей умный, пе-

реехал с Ириной в небольшой дом, где их никто не тронул, а когда все меняли деньги на черенки, не сдал золото, у него и сейчас есть монеты на чёрный день! А какой он ловкий, работающий, колодец соседу починил, не ест соли, поэтому днём видит звёзды!» Мой дедушка над её словами рассмеялся и заметил: «Отец увидел звёзды со дна колодца». Анна Никитична погружалась в воспоминания о далёком прошлом с улыбкой. «Не знаю, – говорила она, – пошутил Гриша или нет? Тогда все мы старались шутить, острить, радовались: позади революция, мировая и гражданские войны, снова собралась наша большая родня! Мама (Прасковья Васильевна) от счастья плакала. Папа (Никита Иванович) всё время улыбался. Как будто он хотел нам что-то сказать, но его переполняли чувства о его жизни – процветающей, разорённой, униженной, и вот опять забрезжила радость, и он улыбался. Дети в тот день захотели сфотографироваться на лошади. Послали за фотографом. Ребят посадили на коня». Никита Иванович смотрел на своих внуков и улыбался.

Моя бабушка сохранила эту фотографию. Первым на коне сидит сын Пети – Юрочка Тихомиров – будущий Главный геолог Якутии и Тюменского края. За ним – моя, тогда белокурая, мамочка – Верочка Рослова. В 75-м году она будет руководить реставрацией крепости первой столицы Руси – Старой Ладogi, возьмёт с собой шестнадцатилетнего внука Григория, устроит его рабочим на археологических раскопках, чтобы он с юности привыкал к труду. Третий на коне самый старший внук Прасковьи и Никиты Тихомировых – Женя Гоголев – будущий лауреат Государственной премии в группе строителей Ленинградского аэропорта Пулково-1, а в 70-е годы заместитель председателя Горисполкома Ленинграда.

Тридцатые годы

Как-то Евгений Алексеевич Гоголев, уже будучи заместителем председателя горисполкома Ленинграда, вспомнил при мне моего деда: «Дядька у меня был мировой! Дядя Гриша, дядя Гриша! Он устроился в Дружной Горке на Стекольном заводе. Там делали колбы, мензурки, посуду для аптек. Дядю Гришу взяли инженером в транспортный цех. Так, он на узкоколейке настоящие железнодорожные правила движения организовал».

В Дружной Горке семьи двух сестёр Марии и Прасковьи, лишившись революцию жилья, снимали половину небольшого дома. Моя бабушка любила готовить, она вела домашнее хозяйство. Прасковья Ни-

китична и Алексей Евгеньевич работали в школе. В ней же учились моя мама и Женя. Женя звал её Филька – и так всю жизнь.

В тридцатом году Рословы переехали в рабочий посёлок Званка Ленинградской области. Там ещё в 1915-м году начинали строить электростанцию на Волхове. Стройкой тогда руководил талантливый инженер-энергетик Генрих Графтио, латыш по национальности. В 1902-м году он разработал проект получения на Российских реках электричества, который большевики переименовали в Ленинский план ГОЭЛРО. Первая из этого плана Волховская ГЭС заработала в 1927-м году и сразу рядом с ней на местном глинозёме стали строить Алюминиевый завод. Фанерные самолёты ушли в прошлое, развивающаяся советская авиация нуждалась в лёгком металле – алюминии. Для вывоза его с завода требовалась мощная транспортная сеть. Многие, ранее отстраненные от профессии инженеры-железнодорожники и в том числе Григорий Рослов получили здесь работу. Званку переименовали в Волховстрой,

а позже в город Волхов. Мама вспоминала: «Посёлок Званка состоял из хаотично раскиданных частных домов и бараков. Сначала мы жили в бараке. Всюду висели красные плакаты: “Поможем Советской авиации!” “Дадим стране алюминий!” К середине тридцатых годов папа оплатил кооператив части жилого дома. В нём поселились мы и ещё три семьи. Мама высадила вдоль нашей стены плющ. Он так разросся, что соседи приходили его смотреть, и я с подругами любила сидеть около него. Папа всё время был на станции или в разъездах, я его редко видела. В ВКП(б) он не вступил, но все его звали “товарищ Рослов”, и все работали с энтузиазмом». К пуску Алюминиевого завода этим коллективом была разработана и построена новая железнодорожная система, связавшая станции Волховстрой 1-й и Волховстрой 2-й (промышленный) с Ленинградом, Мурманском, другими городами, и товарные составы с первым советским алюминием пошли к авиационным заводам СССР.

В войну, когда фашисты бомбили Волховскую электростанцию и завод, жилой дом Рословых и других семей был разрушен.

В Волховстрое до войны Рословы воспитывали племянника Ивана – сына бабушкиного брата Саши, арестованного в Старом Рахино. Он только пришел с поля, не успел даже поесть, как его забрали местные милиционеры. Жена Мария запричитала: «За что, он же простой крестьянин! Какой он враг?!» Милиционеры ответили: выполняем приказ, и увели Александра Тихомирова под конвоем. По Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) о раскулачивании крестьянства, действовавшего в 30-е годы, был арестован и Пётр Тихомиров. Маша Ильменская с детьми поехала за мужем и жила ради редких свиданий с ним в добровольной ссылке. Но это было не единственное её горе. Её отец в двадцатые годы, когда у церкви отбирали имущество на борьбу с голодом, отдал серебряные оклады икон и другие ценности, но церковь в Старом Рахино отстоял. Любой мог прийти в неё на службу или просто помолиться. Она была, как сердце села. В тридцатые годы её закрыли, отца Андрея Ильменского арестовали, а 2-го декабря 1937-го года по указу НКВД расстреляли в Новгороде.

Из сёл и деревень высылались целые семьи. Подводами их вывозили на железную дорогу и грузили, как скот, в товарные вагоны. В те годы из Старого Рахино выслали и Гуциных: Зину (сестру Тихомировых) с мужем Василием, маленьким сыном Женей, и к тому же Зина была в положении Толей. В телегу, крытую соломой, загнали и седобородого деда Симку. Всех отправляли на разработки недавно открытого месторождения апатитов, на Север. Хорошо, что подруга Зины – Дунечка Серёгина – подсунула им в телегу под солому самовар, ко-

торый она потихоньку вынесла из их дома. Тот самовар спас их. В нём кипятили воду, варили картошку, возле него грелись. Я видела встречу тёти Зины с её подругой. Тётя Зина встала перед ней на колени, они обе обнимались, плакали, и всё это происходило на улице на виду у всех в Старом Рахино. Они, одна с Апатит, другая из Ленинграда, уже выдержавшие все испытания советские женщины, приехали на родину, когда от зданий, некогда создававших архитектуру их села, остался только один дом, конфискованный в 18-м году под детский сад. Он стоял пустым. Набрать сюда ребят в когда-то многодетном селе не удавалось. После трогательной встречи и слёз подруги показывали мне поросшие лебедой пустыри на местах уничтоженных домов и так говорили о тех, кто в них жил, что моё воображение рисовало Старое Рахино его счастливых лет, когда здесь шла служба в церкви, крутились мельницы, собирав зрителей любительский театр, в котором играла моя бабушка, и где мой дедушка влюбился в неё. К 70-му году село Старое Рахино превратилось в жалкую деревню. Евдокия Серёгина рассказала, как она в тридцатые годы бежала из родных мест. Люди, не имея паспортов, были обязаны только производить государству продукты питания, сами живя впрого-

лодь и к тому же под страхом ареста. Многие девушки убежали в города, а большевики, захватившие там лучшие квартиры, брали беглянок в бесплатные служанки и называли их «кулацкие дочки». Я знала одного старика, который гордился тем, что в его комнате с 18-го года, когда его семья приехала в Петроград, ничего не менялось. Даже картины не перевешивались. «Сначала, – рассказывал он, не чувствуя стыда, – дядя занял целый этаж. Его было трудно мыть. Но в тридцатые годы побежали “кувацкие дочки”. – Вместо «л» он говорил «в». – Мы **взяви** сразу двух. Я в обеих **быв влюбён!**»

Одна из таких дочек Аня Тихомирова, возможно, по причине смерти отца, сумела получить в сельсовете паспорта. Не только на себя, но и на маму, и младшую сестру Веру, и племянницу, внучку дяди Коли Туманова – Катю. Они приехали в Ленинград. Здесь с паспортами устроились легко. Катя Туманова сразу поступила куда-то учиться, где было общежитие и выдавали винтовки. Всё хорошо началось и у младшей дочки Тихомировых – Веры. Она вышла замуж за белоруса Игната Марковско-го. Ему его имя не нравилось, и он называл себя Николай. Он работал на аэродроме. Заправлял керосином самолёты, раскручивал для взлёта пропеллеры, хорошо зарабатывал. Вскоре у них родилась красивая дочь Дина. Они были счастливы. Дядя Коля пел модную тогда песню авиаторов: «Всё выше, всё выше, всё выше!» Тётя Вера играла на гитаре. Однажды аэродром посетил маршал Советского Союза Тухачевский и сфотографировался с лучшей бригадой аэродрома, в которой был и Марковский. В 37-м году Тухачевского объявили «врагом народа» (этот долго живучий термин придуман Троцким). Когда маршала расстреляли и позже обыскали его архив, нашли фотографию с авиаторами. «Нас всех арестовали, как врагов народа», – рассказывал при мне дядя Коля, когда уже в 60-е годы бывал у Анны Никитичны Тихомировой.

Аню Тихомирову в Ленинграде взяли воспитательницей в детский сад. Туда же приняли и Прасковью Васильевну убирать помещение. В основном работу за мать выполняла по вечерам и ночам Аня. Вскоре им дали комнатку с законным ордером, но на окраине Ленинграда. Анна хотела жить в красивой части города, решила меняться и в первом же объявлении об обмене прочла: «Меняю угол на комнату».

В тридцатых годах простых людей вселяли по 2-3 семьи в одну комнату и давали ордера: «угол 5 метров», «угол 3 метра». В то время и появилась поговорка: «иметь свой угол», «не иметь своего угла». Из любопытства Аня пришла посмотреть угол. В нём за занавеской жил студент Горного института Бруно Юргенс, обрусевший немец. Он был не высокий, не красавец, у него не было девушки, а тут такая стройная, скромная, благородная пришла к нему прямо домой. Тётя Аня вспоминала: «Он

угостил меня чаем. Манеры хорошие. Пошёл провожать, рассказывал про геологические экспедиции и так заразительно смеялся. Я слушала и думала: вот настоящая жизнь! Я в тот же вечер влюбилась в Бруно. Потом я познакомилась с мамой. Он ей тоже понравился. Мы поженились и обменяли его угол и наше с мамой жильё на эту комнату». Эта сорокаметровая комната с высоким лепным потолком, с двумя огромными закруглёнными вверху окнами на улицу Восстания, с ширмой, отгораживающей письменный стол и книжный шкаф, с длинным обеденным столом, двумя оттоманками и трельяжем, в котором отражались и всё это, и её обитатели, стала надёжной пристанью для нашей родни. В ней вплоть до разъезда всех родственников по отдельным квартирам всегда было многолюдно, весело, и царила любовь друг к другу. Здесь в 37-м году родилась Эльза – дочь Бруно и Ани Тихомировой. Анна Никитична не взяла фамилию мужа и всегда говорила: «Я хотела иметь только фамилию папы». Это ей не помешало счастливо прожить с Бруно Юргенсом долгую жизнь.

После окончания школы Женя Гоголев приехал к ним из Дружной Горки, а когда поступил в Строительный институт, ушел в студенческое общежитие. Через год и моя мама приехала поступать в этот институт, но не сдала экзаменов, попала лишь на Рабфак, жить осталась у Бруно и Ани. Новый 1940-й год студенты праздновали в общежитии. Женя позвал в компанию и мою маму. Там же оказался его сосед по комнате, студент архитектурного факультета Григорий Чукин, заканчивающий институт. 1-го января он и мама познакомились, а 16-го расписались. «Шестнадцать дней! – не раз при мне возмущалась скороспелым замужеством дочери моя бабушка. – Я два года жениху письма писала!» Весной 40-го года Чукин окончил архитектурный факультет. Жить в студенческом общежитии уже было нельзя. Отец взял заказ на проекты Волховских строек и переехал с мамой к её родителям. У меня сохранилась фотография того времени: отец, беременная мама, бабушка в скромной тех лет железнодорожной форме, бабушка, прабабушка Прасковья Васильева и трёхлетняя Эльза в белой пуховой шапочке. Вскоре 31 октября 40 года родилась я. Отец хотел меня назвать в честь своей первой любви – Ия. Но мама не соглашалась, они ссорились. Дедушка мне рассказывал: «Ну, а когда Марийка придумала тебе имя Прасковья, очень модное в Старом Рахине, я всем сказал: нет! Мою внучку будут звать, как мою маму, Ирина – и все со мной согласились».

В мае 41-го года дядя моего отца (родной брат его матери), тоже архитектор, Григорий Матвеевич (фамилию не знаю) куда-то уезжал и предложил моим родителям пожить в его комнате в доме напротив Адмиралтейства. Они там жили со мной до 22 июня.

Война

В день нападения Германии на Советский Союз в военкоматы всей страны встали длинные очереди мужчин. Добровольцев из Ленинграда и области не успели отправить после их военного обучения к месту боев на границу, так как сражения уже шли рядом. Моего отца отправили на возникший Ленинградский фронт, студента Женю Гоголева – в артиллерию на Волховский фронт. Раньше их убежала на войну Катя Туманова со своей винтовкой. Бруно Юргенс был отправлен с призывного пункта в Вятку, где он работал до конца войны. На Карельский фронт попал с Апатит дядя Вася Гуцин. Мой дед Григорий Рослов, создававший железнодорожную систему Волховского региона, остался на своей должности диспетчером прифронтового движения поездов. Родители Жени Гоголева оказались на оккупированной территории в Дружной Горке. Алексей Евгеньевич в оккупации умер. Тётя Паруся попала в плен. Она вспоминала, как немецкие солдаты сгоняли в товарные вагоны коров и людей и отправляли в Германию.

Я и сама помню несколько моментов войны. Я у родителей отца где-то в эвакуации. Все жуют серу. Так борются с желанием поесть. Сера – это смола елей. Тёмно-коричневая – горькая. Желтая – хорошая. Её приносит из лесу дедушка Федот. Его имя знаю, потому что мой отец Григорий Федотович. Хорошую смолу дедушка отдаёт мне и младшей дочери Шура. Ей лет 12. Он с нами ласков. Я ощущаю его сердечность, иду к нему на руки. Он небольшого роста, худенький,

с лёгким характером, в отличие от высокой молчаливой бабушки. Её суровость понять можно: сын и старшая дочка

Полина на войне. Полина – корреспондент от какой-то газеты. Дедушка Федот всё время занят нами. Шура не очень откликается на его внимание, она вялая, ждёт, когда будет еда, и жуёт серу. Я, как все, тоже жую, а пожевав, приклеиваю серу на стене у окна, потом, если опять захочу поесть, отдираю и снова жую. Но моё главное чувство – не голод, а тоска. Я скучаю по моей бабушке, сижу за столом, молчу и всё время смотрю в окно. Жду её. Оказалось, я ждала её целый год. И наконец! Помню её распахнутые ко мне руки. Я в них, в её любви.

Ещё помню, только не знаю, когда и где это происходило. Мы с бабушкой бежим по рельсам. Впереди железнодорожное полотно. Горят стрелки. Красные, зелёные круги. Огни отражаются полосками на рельсах. Бабушка старается стащить меня вниз на поле. Я сопротивляюсь, хочу видеть красоту железной дороги. Бабушка сворачивает с рельс. Мы бежим по полю. Ноги путаются в траве, но я радуюсь, что вижу огни стрелок. Они все стали зелёные. Вдруг грохот. Это помчались поезда, гудит воздушная тревога. Среди воя сирены и грохота поездов слышу, будто с неба, знакомое мне эхо переключек железнодорожных диспетчеров. «Это дедушка кричит?» – спрашиваю. Бабушка молчит, бежим дальше. С грохотом пронёсся поезд, последний состав, и сразу погасли стрелки. Стало темно. Пристаю к бабушке: «Это дедушка стрелки погасил? Почему поезда бежали?» Но тут новый гул – вслед за поездами немецкие самолёты, бомбы. Взрывы там и там. Бабушка велит мне лечь в траву, закрывает меня сво-

им телом и говорит: «Ириночка, если бабушка замолчит, не будет шевелиться, не пугайся, потихонечку ползи в тот дом». Я вижу силуэт дома. Она продолжает: «Там тебя примут. Потом ты покажешь, где бабушка лежит». Мне стало страшно. Я её просила: «Говори, говори». Она начала читать молитвы. Наконец самолёты улетели назад. Бабушка встала на колени и ещё помолилась. Мы вышли на дорогу. Долго шли до дома. Я помню страшную усталость. Но в доме я была вознаграждена. Я такого никогда не видела. Маленькие столики, стульчики и маленькие кровати! Потом пришли дети. Они где-то прятались от бомбёжки. Нас с бабушкой стала осматривать доктор в белом халате. Остального не помню.

Дедушка вместе с боевыми действиями доехал до Украины и его оставили железнодорожным диспетчером на освобождённой территории. Ему было 53 года. Зимой 44-го года мы все живём в Киеве. На улицах много военных инвалидов, без руки, ноги, на костылях, в низких колясках. Яркое помню момент у нас дома: мама читает вслух письмо от отца. Письма от него регулярно приходили. Но это – особенное. Отец писал, что пришлёт мне и маме вызов в Ленинград. Сейчас он в госпитале в Кронштадте. У него цинга, он скоро выписывается, но на фронт его не отпускают, оставляют восстанавливать город. Мама восторженно говорит мне: «Какой у тебя папа талантливый! Он будет восстанавливать Ленинград!» Уже учась в Университете, я узнала из истории КПСС, в 44-м году, когда сняли блокаду Ленинграда, и исход войны уже был предрешен, партия и правительство приняли решение отозвать с Ленинградского фронта строителей. Каменики, плотники, кровельщики, прорабы, архитекторы были направлены на восстановление города. Мой отец был в числе многих.

После того письма из госпиталя он перестал нам писать. Помню одну нашу соседку. Ей нравилось подшучивать над нашей ситуацией. Она мне говорила: «Ну, Ирина, скоро поедешь в Ленинград к папе!» Я отвечала: «Как же я поеду, если у меня нет вызова. Меня в вагон не пустят». Она смеялась: «Так ты на крышу сядешь». Я ничего не отвечала. До сих пор не умею отвечать на подобные подшучивания. Только к осени 45-го года мама через кого-то получила вызов в Ленинград. Но у нас уже была другая ситуация. Дедушку назначили в занятый нашими войсками Кёнигсберг. Он оформлял документы, и вдруг приходит из Старого Рахино письмо: умерла бабушкина сестра Дуня. Её муж кузнец Саша в партизанах, и неизвестно, жив ли. Остались сиротами их дочери Люба и Тамара, пятнадцати и четырнадцати лет. Пишет это тётя Нюра. У бабушки только с ней одной сохранялась связь. Тётя Нюра с дочерью Эльзой почти всю войну жила рядом со Старым Рахино, но добраться до него не могла, потому что вблизи его шли бои за аэродром в Крестцах. Самолёты аэродрома не пускали немцев на старую Екатерининскую дорогу, по которой поставляли на Ленинградский фронт боеприпасы и питание.

Когда отбили немцев, тётя Нюра с дочерью сразу приехала на свою родину и узнала о горе. Теперь она писала моей бабушке, что возьмёт себе на воспитание одну дочку сестры – Любу, а бабушке надо забрать Тамару. Я всю ситуацию не помню, помню только, мне было очень грустно, потому что бабушка плакала. Потом она привезла плачущую девочку, и мы вчетвером сразу уехали в Кёнигсберг. Мама с нами не поехала и до конца августа оставалась в Киеве.

В Ленинграде она сразу пришла на Восстания, на нашу семейную пристань. Дверь ей открыли знакомые ей соседки: полька Елена Яновна и русская бывшая дворянка Елизавета Петровна. Они вдвоём прожили в квартире всю блокаду. Расплакались и сказали, что недавно здесь была Прасковья Никитична. Концлагерь в Западной Германии, где её держали, освободил Международный Красный Крест, в основном американцы. Многие узники побоялись ехать домой, но Прасковья Никитична вернулась. У неё уже есть жильё и работа. Комната на Восстания оказалась не замкнута. Мама вошла. На обеденном столе лежала записка от тёти Паруси. Она сообщала, что ничего ни о ком не знает, что уже месяц на родине, живёт рядом с Дружной Горкой в Сиверской и работает в лесной школе, сейчас готовит её с другими учителями к 1-му сентября. Был написан и адрес. Мама сразу поехала к своей родной тётке. Они вдвоём разыскали моего отца. Оказалось, он в госпитале зарегистрировался на военный билет с медсестрой, и та уже ждала ребёнка. Мама с тёткой Парусей ушли. Вскоре у отца родилась дочь Ия. Через десять лет, когда я переехала в Ленинград, отец устремился ко мне. Водил меня в музей, помню мой первый поход с ним в Русский музей, потрясение от луны на картине Куинджи и восторг от портрета «Графини Зинаиды Юсуповой» Валентина Серова. Один выходной в месяц отец брал меня на прогулки по городу, рассказывал об истории зданий, архитекторах, объяснял стили архитектуры. За то, что мы с ним могли встречаться, я благодарна маме, она этому не мешала.

Вслед за мамой осенью 45-го года в Ленинград вернулся Женя Гоголев. Через несколько лет я совершенно случайно узнала, что с ним было в войну, и какой была его встреча с моей мамой. В хрущёвское время многим давали участки под дачи. Строили дачу в Васкелово и семьи двух сестёр Прасковьи и Анны. Вся родня бывала у них. Раз туда привезли машину дров. Я начала носить их к поленнице. Женя подходит: «Давай-ка я буду носить, а ты клади мне на руки поленья, я сам положить не могу». Я удивилась: «Почему?» Он небрежно ответил: «Да я был ранен в спину, теперь не согнуться, могу только присесть». Лида Гоголева, его жена, недавно мне рассказала: «В бою за Волхов Женя корректировал огонь нашей батареи, следил в бинокль с высокой ёлки за немецкими орудиями и передавал наводку своим. Немцы засекли его и сбили». Ставшая с годами верующей Лида считает: его спас Бог! Без сознания, с осколком снаряда в спине он свалился в снег на мягких лапах отломившейся верхушки ёлки.

В санитарном поезде хирург извлёк из него большой осколок. Шов в крестце остался величиной в две соединённые ладошки. Раненых доставили в Казахстан. Там в госпитале Женя долго не поправлялся. На очередном осмотре один врач даже предложил главному хирургу перевести его в палату «безнадёжных». Но Женя собрал последние силы, поднял большой палец и покачал им в разные стороны, что значило «нет!». Про свое ранение он мне рассказал в тот день у поленицы весело. «В госпитале старушка санитарка, как жаль, что я не взял её адреса, отблагодарил бы теперь, она после ухода врачей влила мне в рот ложку спирта. У меня кровь по жилкам побежала, и тут возвращается с обхода хирург, глянул на меня, а я уже весёленький, глазки у меня блестят. Хирург сказал: “Утром этого бойца ко мне!” Через неделю я уже мог говорить и встал на ноги, правда, опираясь на костыль. Тогда в госпитале я знал о родных лишь, что отец умер, а мать в плену, и стал разыскивать своих тёток». Он нашёл адрес тёти Зины и написал ей. Она с двумя сыновьями была эвакуирована с Апатит в Татарстан в Бугульму. Он написал, что хочет приехать, и ждал подтверждения, что она всё ещё по этому адресу. Но пока он ждал письмо, тётя Зина оставила на соседку детей и сама приехала в госпиталь. Сколько слёз было у неё. Она тогда считала, что из всей родни жив только он. «Ну, тётка, – говорил ей Женя, – зачем примчалась? Я же с костылём сам хожу!» В Бугульме он работал начальником строительной бригады на местном элеваторе. Сын тёти Зины Толя помнит: «В первую зарплату Женя получил горох, принёс матери и говорит: «Тётка, накорми сегодня детей досьята! И мама нас накормила». В Бугульме Женя узнал о возвращении его института из Сибири в Ленинград и поехал восстанавливаться на 4-й курс. «С вокзала я, – рассказывал он, – сразу на Восстания. Глянул на окна “нашей пристани”, а в них яркий свет! Кто же там?! Я скорее на третий этаж. Квартиру открыла сонная Елена Яновна. Узнала меня, махнула рукой в сторону нашей комнаты. Я туда. Распахнул дверь и вижу: на столе под стосвечевой лампой на высокой подушке лежит Филька и читает книгу. Филька, ты! Живая! Она мне сразу сказала, моя мать жива! У меня от счастья голова закружилась. Оказалось, и тётя Маня, и дядя Гриша живы! В Кёнигсберге! Туда собирается и Филька, там и Тамара. Тётя Нюра с Эльзой и Любой в Старом Рахино! Скоро приедут в Ленинград. Столько счастливых известий! Я еле дождался утра – утром сразу на Варшавский вокзал – и в Сиверскую к маме».

...Прасковья Никитична закончила урок, вышла из класса, а в холле в шинели, опираясь на костыль, стоит её сын...

Кёнигсберг

В Кёнигсберг мы приехали в конце апреля 45-го. Конечно, в мои четыре года я не могла знать, что здесь родились великие Кант и Гофман. Мне не было известно, что год назад город разбомби-

ли англичане в операции «Возмездие» за бомбёжки Лондона, но я понимала: до нас в городе жили немцы, и от наших войск они бежали.

До войны в Кёнигсберге проживало 370 тысяч человек, после взятия его осталось 20. В целые пустые квартиры вселяли советские семьи. Мы тоже получили квартиру с красивой мебелью, картинами, зеркалами и прочим, которые были отданы нам как трофеи. Как въехали, не помню. Моё первое впечатление – ночь. Меня разбудили, я впервые вижу: Тамара не плачет, а прыгает, смеётся, все весёлые. Меня ставят на подоконник, и передо мной необыкновенно красивое небо, всё в цветах. Это был салют победы! Потом помню наших военных, их на улицах было много, красивых, в галифе, кителях, гимнастёрках, все курили, счастливые и гордые, похожие на героев советских фильмов.

Напротив окон нашего дома был рыбный магазин с маленьким окошечком и прилавком около него. Один раз я глядела, как там продавали селедку. Русские выходили из магазина и отрубали на прилавке большим ножом хвост и голову селедки. За обрезками стояла очередь немцев. После этого я стала на улицах отличать их, понурых, но аккуратных. Они нигде не стояли как нищие, быстро организовались просить еду. Конечно, у них были организаторы, которые всё распределили. По домам не ходили разные люди, в семью приходил всего один человек, который быстро становился хорошим знакомым. К нам приходила женщина с сыном Ромой. Отец его, наверно, был убит на войне. Тамара всегда щедро делилась продуктами, за что бабушка ругала её, но только после ухода немки с сыном. Перед штурмом города такие как они не смогли бежать. Успели уехать на поездах и в машинах богатые. Их неразрушенные и ещё не заселённые квартиры обнаружили мы, дети пяти-шести лет, и они стали местом наших игр. Мы бегали из комнаты в комнату, садились на мягкие диваны, в кресла, рассматривали картины, вазы, брякали на длинных роялях. У меня была подружка Зиночка, тоже 5-ти лет, мы ходили с ней вдвоём. Часто в безлюдной квартире оказывалась детская! Нигде (я была почти во всех странах Европы и в Китае) я не встречала игрушек, как в послевоенном Кёнигсберге. Мы играли ими часами. Както в какой-то квартире вошли в детскую, а в ней горько плакал старик. Мы убежали. Он вслед нам кричал по-немецки. Напуганные, мы об этом рассказали дома и тем самым открыли, куда мы ходим. У наших родителей начался кошмар, так как в городе рассказывали, что в квартирах находят задушенных детей с засунутыми в рот игрушками. Родные нас стали искать, ловить, наказывать. Дедушка ставил меня в угол на горох, мама порола и отбила желание ходить по брошенным немецким жилищам. Зинина мама продавала газированную воду в офицерской столовой в уже обжитом советскими людьми районе. Чтобы отвлечь дочку от опасных походов, она обязала её,

а с ней и меня каждый день приходило к ней пить газированную воду с сиропом. Это оказалось прекрасным наказанием. Ощутить, как колючие капельки газированной воды попадают в ноздри, и пить её, ароматную, пенистую и сладкую, было счастьем. Мама меня проверяла, не вру ли я, что ходила к Зининой маме, даже нюхала, пахнет ли от меня сиропом.

Маму я помню в основном в экстремальных ситуациях. Однажды я и опять же Зиночка провалились в общественной уборной. В Кёнигсберге в домах не было водопровода и туалетов. В блокаде Ленинграде тоже после отключения водопровода не стало воды и канализации. Воду брали из Невы, Фонтанки, Мойки, а вместо канализации вырыли во дворах всех домов так называемые отхожие места: длинные неширокие ямы, поперёк их доски, сверху домик «М» и «Ж». Такие уборные были и в Кёнигсберге. Детям заходить в них не разрешалось. Мы с Зиной отправились туда на разведку и свалились с доски. Яма, к счастью, была неглубокой. Ноги встали на дно. Мы выбрались из домика и с рёвом помчались домой. Была тёплая погода. Мама меня раздела и вымыла сначала во дворе в тазу, а затем дома, и через какое-то время я, уже переодетая, чистая и надушенная, сидела в кресле, и мама рисовала мне девочку-морячку в бескозырке с ленточками.

Летом, ещё до приезда к нам мамы, стали возвращаться из немецкого плена наши, которые, видимо, были не в лагерях, а батрачили в частных хозяйствах. Они приходили к домам по двое-трое, по одному, тощие, в лохмотьях. Их на улице стригли наголо, мыли, сжигали их лохмотья, давали одежду всем домом, кто-то уводил их к себе. Я помню, у нас жила молодая женщина, измученная пленом и долгой дорогой домой. Обувь она износила и пришла босиком. Ноги были стёрты. У нас по комнатам она ходила в портянках, просила топить печку, глядела в огонь, молчала, отказывалась от супа и второго, просила хлеба и сала. Накальвала сало на свою длинную вилку и держала его в огне. Оно плавилось, шипело. Она ела его горячим. Зимой начали уезжать немцы. Помню, к нам пришла прощаться фрау с сыном. Шестилетний Рома гудел: «Ту-ту!» – и руками показывал: «На поезде поедем!»

Через год нашей жизни в Кёнигсберге к нам приехал дедушкин близкий друг с женой и дочкой. Он оформлялся на дедушкину должность диспетчером, а дедушка ехал на должность этого друга начальником станции Карташевская под Ленинградом. Нам дали товарный вагон, куда мы погрузили мебель, и ещё мама купила пианино. Я взяла свои игрушки и деревянного коня. Пол в вагоне был устлан сеном. Мы часто сидели на нём у раскрытых дверей, ехали и смотрели на природу, вокзалы, города, прибалтийские страны. На остановках брали воду, разговаривали с местными жителями. Некоторые знали русский и охотно общались, но были и недовольные нашим появлением. Бабушка пересказывала свои разговоры с ними: «Я им говорю, мы же вас освободили. А они мне: от чего освободили? От мяса да от масла?!» В Эсто-

нии мы долго стояли на рынке продажи коров. Бабушка вместе со мной подошла к самой красивой, красной, не крупной и спросила, как её звать. Эстонек сказал: Менза. Бабушка позвала: «Менза». Она отозвалась: «Ммы». Всё! Сразу плата! Сразу приставили к вагону мостки! Менза неуклюже взошла по ним в вагон и сразу начала есть сено. Мы поехали дальше уже со своей коровой.

Карташевская

Это дачное место на юге Ленинградской области. До революции здесь было имение сестры писателя Аксакова – Натальи Тимофеевны Карташевской. Отсюда название Карташевская, или, как мы называли, Карташевка. После Кёнигсберга она меня разочаровала. Здесь не было великолепного вокзала, только платформа и, что ещё ущемило моё самолюбие как внучки железнодорожника, вместо широкого рельсового полотна лишь однопутка. С одной её стороны еловый лес, с другой – домик стрелочника и красный кирпичный дом начальника станции. В нём мы поселились с красивой мебелью, пианино и картинами. Картины в широких рамках выглядели как масляные, но все были напечатаны на толстом картоне. Рядом с домом находились хлев, сарай, ещё сосновый лесок и большая поляна.

Однажды летом здесь соединилась счастливая от этого соединения наша родня. Мама приехала из Ленинграда, она там нашла работу и жила у тётки Нюры. Конечно, приехала и тётка Нюра с Бруно, Эльзой и Любой. Родные сёстры Тамара и Люба не отходили друг от друга. Из Сиверской приехала тётка Паруся. Тётка Вера с четырьмя детьми выбралась из своей крохотной ленинградской комнатки на свежий воздух и парное молоко. В эвакуацию она попала в Вятку, где работал в войну дядя Бруно, и там же, на лесоповале отбывал срок её муж Николай Марковский. Он ещё считался «врагом народа» и не мог приближаться к большим городам на 101 километр, но и его ждали в тот день в Карташевской. Возможно, это был какой-то важный семейный праздник. На большую семью щи из щавеля варили в ведре на костре. Наутро в воскресенье из Ленинграда приехал на раннем поезде Женя Гоголев. Для нас, детей, он был самым желанным. Он ещё был студент, но работал ночами, развозил хлеб по магазинам, имел деньги и покупал нам подарки. Эльзе он подарил большого пупса. Сын тётки Веры Сашка рассчитывал в тот день на пугач. Женя привёз ему игрушечный пистолет с пистонами. Сашка бегал с ним и стрелял. Мне Женя привёз резиновый мяч в красивой сетке. Мы все играли им, и мама, и Женя, и даже дедушка. Это было первое послевоенное счастье быть всем вместе. Я уже разбиралась в одном правиле железнодорожного движения и объясняла его Саше и Эльзе. Помощник машиниста, проезжая мимо станции, высовывает из паровоза руку, стрелочник надевает на неё жезл – кольцо из проволоки с ручкой (патроном), в котором записка «путь

свободен и подпись стрелочника». Я это объясняла, когда шел товарный состав. Когда он проехал, мы увидели на другой стороне однопутки человека. Он или выпрыгнул из товарного вагона, или вышел из леса и побежал к нам. Это оказался Марковский.

Где-то, как мы прибыли в Карташевку, может быть раньше того семейного праздника, дедушка съездил в Москву и взял с собой меня. Помню, я с ним в вестибюле метро. Народу тогда было мало. Дедушка посмотрел план станций, до какой нам ехать, дал мне деньги и сказал: «Иди, купи билеты». Я вежливо попросила: «До такой-то станции два билета, детский и взрослый». Кассирша дала мне два одинаковых билета. Я удивилась. Дедушка объяснил: они одинаковые для всех, кто бы куда ни ехал. Я так огорчилась, что выглядела перед кассиршей глупо, и не заметила самодвижущейся лестницы. Запомнила Кремль. Дедушка отвёл меня в какую-то комнату, где были ещё дети, и оставил. Нас развлекали воспитатели, кормили обедом, а потом строем повели в музей – Дом подарков Сталину. Музей мне не понравился. Пистолеты, сабли, ружья, халаты, папахи не шли ни в какое сравнение с детскими игрушками, которые я всё ещё помнила по Кёнигсбергу.

Привезённая из Эстонии, Менза оказалась молочной, но озорной и блудливой коровой. Пастух жаловался на неё. Она редко возвращалась домой вместе со стадом. Убегала то в колхозные поля, картофельные, свекольные или другие есть ботву, то забиралась в чужой палисадник и объедала цветы. Тамара и я чуть ли не каждый вечер её искали. В поле взять её за рога никак не удавалось, она отворачивала голову, и Тамара вытягивала её с колхозных полей за хвост. Корова убегала, Тамара, держась за хвост, бежала за ней огромными шагами, почти летела. Глядя на эту картинку, я хохотала. Тамара тоже смеялась. Из её ослабевших от смеха рук Менза выдёргивала хвост и прытко неслась дальше. Помоему, такие гонки нравилась всем нам троим.

Однажды моя новая подружка, дочка стрелочницы, у них тоже была корова, предложила мне проехать на поезде одну остановку от Карташевской в Суйду и нарвать на колхозном поле клевера для наших коров. Мы взяли мешки и уехали. Без сарафанов, кофт, только в сандалиях, трусах и панамках. Бабушка меня схватила, а стрелочница ей говорит: девчонки уехали в Суйду за клевером. Когда мы вернулись, бабушка ждала меня на платформе, я боялась, она побьёт меня, но она поглядела на мою красную спину, взяла мешок с клевером – и всё. К ночи у меня на спине вздулись волдыри и пылала кожа, я плакала, а бабушка говорила: «Чужого брать нельзя. Это солнышко наказало тебя». Она вообще меня не наказывала. Уже в переходном возрасте, когда я ей досаждала, она только говорила: «Вот вырастешь, захочешь не расстраивать бабушку, да поздно будет». «Почему поздно?» – раз спросила я. «Не будет бабушки», – ответила она. Теперь так и есть.

Осенью 46-го года в шесть лет я пошла в школу. Бабушка вечерами помогала мне делать уро-

ки. В школу я ходила с дамским немецким чемоданчиком, а большинство детей ходили с торбами, сшитыми из разных материалов. Были сшитые из мешковины, какие теперь модны. Дети несли ещё маленькие мешочки на шнурке, как кисеты, в них бутылочки с чернилами, которые на уроках опрокидывались, заливая чернилами тетради и учебники. Потом появились чернильницы-непроливашки. Однажды наша учительница принесла в класс патефон и пластинку с американской песней «Джон Кеннеди». Она рассказала нам об Эйзенхауэре (позже он стал американским президентом, а в войну командовал Вторым фронтом). Учительница нам сказала, что он приедет в Советский Союз. Летом 47-го года генерал Эйзенхауэр, действительно, приезжал в Москву, стоял рядом со Сталиным на Мавзолее и смотрел спортивный парад. К тому времени Кёнигсберг уже переименовали в Калининград.

В Карташевскую одну остановку от Сиверской к нам часто приезжала тётя Паруся. Однажды она привезла письмо от Мани Ильменской. Она писала, что Петю перевели на разработку нефтяного месторождения под Баку, где год заключения будет идти за два. Сама она уже сняла для себя и детей комнату рядом с лагерем заключённых и навещала Петра. Эта возможность брата видаться с семьёй и то, что срок его заключения сократится, утешало сестёр.

Незадолго до Нового 47-го года бабушке сообщили, что кто-то привез на продажу из Эстонии горох и свиные окорока. Бабушка купила и горох, и два окорока. Я спросила: зачем два? «Один отведу в Апатиты Зине», – объяснила она, а перед самым отъездом сломала ногу. Ей наложили гипс, но это её остановило от поездки. Тётя Зина не раз вспоминала приезд сестры на Рождество по новому стилю 25 декабря. «В дверь забарабанили, Вася открыл и кричит: “Зина! Зина! Маня!” Я выбежала на крыльцо, гляжу: Маня! С большущей ногой! С гипсом. А внизу конь-качалка, ребятам играть. За ним она поставила санки. Зови мальчишек, говорит, пусть посмотрят. Господи, будто лошадь привезла нам подарки!» Встретив Рождество с семьёй сестры, бабушка вернулась домой довольной.

Приближение Нового Года меня не радовало. Я училась плохо и боялась принести домой табель с двойками. И вдруг! Приказ! Дедушку как одного из создателей железнодорожной сети Волховстроя, пострадавшей в годы войны, назначили начальником диспетчерской службы на восстановление этого участка Октябрьской железной дороги. Нам опять дали товарный вагон для мебели и Мензы. Мы быстро начали собираться, мне разрешили не идти в школу. После Нового года без моего табеля мы уехали из Карташевской.

Снова Волхов!

Вновь назначенный в Волхов, дедушка проработал здесь до пенсии, а в 1957 году за службу

на железной дороге в тридцатые, военные и послевоенные годы был награждён Орденом Ленина (№ 178795).

Меня, пока мы ехали на мою родину, интересовало, сколько в Волхове железнодорожных путей, а Тамара спрашивала, а есть ли вокзал? Дедушка с удовольствием отвечал: «Путей много! Вокзал красивый!» Так оно и вышло. Как приехали, мама повела меня в школу, которую сама закончила до войны. Учительницей оказалась её одноклассница. Взглянула на меня и говорит: «Вера, она ещё маленькая. Нашим первоклассникам по восемь лет, а ей и осенью будет семь. Приводи её на будущий год». На будущий год я пришла в класс, уже умея читать, писать, кое-что понимала в арифметике, сразу стала отличницей. Мама из школы вышла расстроенная. Ей одноклассница сказала, что их любимый учитель по математике и ещё завуч школы оказались врагами народа и расстреляны.

В то сталинское время в семьях моих новых друзей и в том числе нашей были и сосланные, и арестованные, и даже расстрелянные родственники. Но когда в Волхове показывали фильм «Падение Берлина», на него стояли очереди. Его ходили смотреть и моя мама с Тамарой, и дедушка, а после просмотра они втроем с восхищением обсуждали вымышленный в нём эпизод: как Сталин красиво, в белом костюме, вышел из самолёта в побеждённом Берлине. Гордость за победу у них была сильнее всех чувств. Я помню и люблю тех людей с достоинством победителей, их умение оберегать новое поколение от трагических семейных тайн и воспоминаний войны. Они ценили даже маленькие радости мирного быта и создавали его. Правда, школьники в Волхове не так легко переключались на мирную жизнь. Мы все и я, приехав в Волхов, играли в войну, собирались ватагами по 30-40 человек, кидали жребий, кто за русских, кто за немцев, и начиналось: били друг друга, «убитые» выбывали из игры, каждая ватага азартно стремилась к победе. Помню, на снегу лежал парень, «контрразведчик» из вражеского лагеря. От него требовали назвать пароль, били ногами. Он молчал. Его приговорили к смертной казни, связали шарфом руки и повели вешать. Кто-то из детей помчался домой к этому парню. Прибежали его родные, прибежали и из его ватаги. Взрослые освободили мальчишку, надавали тумачков «воякам». «Русские» и «немцы» разошлись по домам, чтобы потом снова встретиться, как враги.

В школе боролись с увлечением военными играми, учителя говорили о нашем мирном счастье детства, и многие школьники его начали ощущать: занимались в спортивных и драматических кружках, радовались новому портфелю, металлической ручке – «вставочке». Школьная форма у всех была одинаковой, и для общего счастья не имело значения, у кого какие радости были дома. Однажды мой дедушка приходит с работы: «Ну, Марийка, пляши!» Бабушка потрясла, как цыганка, плечом, и дедушка сообщил:

«Катя Туманова нашлась! Её фамилия теперь Купрашвили. Вера (мама) из Ленинграда звонила. Катя на фронте вышла замуж за грузина. У них дочь Светлана в честь дочери Сталина. Живут в Рустави, около Тбилиси». Летом мы с бабушкой (железнодорожный билет у нас был бесплатный) поехали к Кате! Заехали и в Сочи, его тогда называли «рай земной». Народу там было много. Взрослые и дети на пляже, загорающая, купаясь, прыгая на морских волнах, были счастливы.

Волхов, конечно, не Сочи, но и здесь мы, школьные подружки, гуляя, как пешком по истории, вдоль набережной нашей реки, древнего пути из варяг в греки, от первой электростанции СССР мимо курганов времён Вещего Олега до первой столицы – Руси Старой Ладоги, чувствовали себя счастливыми в своём городе. На другом берегу Волхова рос новый район: проспект с пятиэтажными домами, кинотеатром, новым Домом культуры, музыкальной школой! Легковых машин в городе ещё было мало, был один автобус, ходили в основном трёхтонные грузовики, потом появились мощные пятитонные. Мальчишки сразу стали называть «пятитонками» всех толстых людей. Мой дедушка – худощавый, и быстрой походкой ходил на работу пешком. Возвращаясь, он сразу вносил домой атмосферу какого-то воодушевляющего порядка. Я видела: ему дома нравится. Он даже с удовольствием умывался у раковины, вытирался свежим полотенцем, потом интересовался моими отметками, иногда спрашивал, как я помогала бабушке.

Все дети в Волхове работали по дому: носили колонки воду, кололи дрова, укладывали поленицы, окучивали картошку. Когда Тамара уехала в Ленинград, я это делала одна. Родные из Ленинграда приезжали редко. Тогда был один выходной, поезд до Волхова шел 4 часа, билет стоил 160 рублей, но один год мама работала в Волхове и жила с нами, я была счастлива. Вечерами после ужина у нас читались вслух новые книги. Помню, мама читала только что напечатанный роман Евгения Фёдорова «Каменный пояс». Закончила второй том и закрыла. «А дальше что?» – спрашивает бабушка. Она была большая любительница литературы. Я часто видела её с книгой. Мама ей отвечает: «Третий том продаётся». «Надо обязательно завтра купить!» – говорит дедушка. Мама побежала в другую комнату и, смеясь, вынесла из неё третий том. Все были рады! В Волхове в то время многие увлекались семейным чтением. Я даже ходила слушать в какой-то дом, где читали пьесу Шекспира «Буря».

Широко в семьях Волхова отмечался День железнодорожника. Этот праздник был установлен ещё до революции в день рождения Николая 1-го, так как первые железные дороги в России Петербург – Царское Село и Петербург – Москва построены при нём. По сути, отмечался и его день рождения. Праздник отменили вместе со всеми царскими праздниками. Восстановлен он был в 1936-м году в первый выходной августа. Приказ подписал Михаил Калинин.

Один из таких праздников я хорошо помню. К нам пришли несколько пар. Мужчины в же-

лезнодорожных формах с погонами, а женщины в платьях до пят. В то время в магазинах появился материал креп-сатин, одна сторона матовая, другая атласная, женщины шили из него вечерние наряды. На бабушке было платье вишнёвого цвета. Я сидела на диване с подаренными мне книжками. Вдруг заиграл чардаш. Кто-то поставил на патефон пластинку. Мой дедушка пригласил какую-то стройную гостью, заложил руку за спину, сделал шаг и дважды щелкнул каблукми. Так красиво! Я дедушку никогда таким не видела. Бабушка тоже с кем-то танцевала. Дед взглянул на неё, она как-то сделала шаг, и атласные вставки её платья сверкнули, как огненные. Мне показалось, будто передо мной приоткрылась дверь в красивое прошлое моего деда и в неизвестную мне его и бабушкину жизнь.

К тому времени уже мы играли не в войну, а в лапту. Зимой под Новый год все ходили по домам ряжеными и получали подарки. Бабушка тоже готовила гостинцы, укутывала их в слой ваты, зашивала края, варила клейстер и смазывала им эти ватные комки. Мы с дедушкой посыпали их блёстками. Для ряженных у нас под ёлкой лежала целая горка блестящих «снежных» комков.

Мне кажется, дети разных уголков страны в то время были интеллектуально развиты благодаря нашему радио. Передачи о полководцах, певцах, композиторах, писателях, рабочих, учёных, грамотная речь журналистов и дикторов – всё это воспитывало нас.

После какого-то снижения цен дедушка купил большой радиоприёмник. Он слушал его каждое утро, а уходя на работу, выключал. Однажды не выключил. Я сквозь сон услышала: «Умер Сталин» – и сразу проснулась, оделась, вышла в кухню. Бабушка что-то резала на столе и тоже слушала приёмник. Я ей говорю: «Бабушка, Сталин умер». Она повернулась ко мне и сказала: «Слава Богу, и этот изверг сдох!» Я оторопела. Придя в школу, я восприняла всё, что там происходило, через бабушкины слова. В коридоре стоял бюст Сталина и почётный пионерский караул. На руках повязаны чёрные ленты. Учителя тоже с траурными лентами, суровые, кое-кто из них и школьников плачет, Чита (так звали одну нелюбимую учительницу) ходила с красными веками. Про неё кто-то сказал: «Луком глаза натёрла». Кто-то засмеялся.

Когда место Сталина после Маленкова заняли Булганин и Хрущёв и начали ездить за рубеж, в Волхове почувствовалось зарождение свободы мысли. Дедушка неожиданно принёс с работы анекдот. Что-то вроде: у нас в стране были два коммуниста, потом два афериста, остались два туриста. Бабушка смеялась. В школе наш

любимый учитель истории прочёл стихи Есенина о родине.

Вскоре мама закончила в Ленинграде ещё одни строительные курсы. Она уже работала по реставрации зданий и вот получила на Невском проспекте комнату под самый новый 56-й год. Счастливая мама приехала встречать его к нам в Волхов и в зимние каникулы забрала меня к себе.

Новое время

В Ленинградской 171-й школе у двери моего класса висел плакат: Адмиралтейство и Кремль, между ними нарисованы рельсы, на них картонные подвижные паровозики, что было близко моему сердцу. На паровозиках флажки: «7-а», «7-б» и т.д., а сверху надпись: «Хороших дел экспресс везёт нас на XX-й съезд». Я поверила, если наш класс победит, то мы поедем в Москву, и с рвением собирала макулатуру, металлолом. В день открытия съезда наш класс на картонном паровозике приехал на съезд первым. Я пошла к нашей директрисе и сказала: «Мне билет в Москву бесплатный», и выяснилась моя наивность.

Вскоре после съезда к нам приехал из Старого Рахино кузнец дядя Саша Гришин с новой женой. Они жили в единственной тогда на всю нашу родню отдельной квартире у Жени Гоголева. Женя уже возглавлял крупный строительный трест Ленинграда, тётя Паруся была на пенсии и жила в семье обожаемого ею сына. Она возила дядю Сашу по всем родственникам. Помню, он показывал на кухне нашей коммунальной квартиры паспорт и говорил: «Вот! Я свободен, как птица!» Соседи за дядю Сашу радовались. В нашей квартире тогда вернулись из тюрем двое бывших осуждённых.

Дядя Саша отвёз от Гоголевых письмо к Марии Тихомировой, чтобы она

Бруно Эдуардович Юргенс, Вера Григорьевна Чукина (мама), Анна Никитична Тихомирова, Ленинград, 1961 г.

переезжала жить к ним. В Старом Рахино из родни Гумановых – Тихомировых оставалась только она, робкая и малограмотная. Её старший сын Иван, воспитанный моей бабушкой и дедом, уже имел семью и служил военным лётчиком в Клину. Младшего Алексея, пока ему не требовался паспорт, забрала в Апатиты тётя Зина. Высланные туда из разных мест трудолюбивые люди построили и полюбили свой небольшой город с северным сиянием, снежной зимой и лыжами, богатым ягодами, грибами и рыбалкой летом. Алексей там работал. Братья стали разыскивать отца, посылали письма в разные инстанции. Ответ «Расстрелян» пришёл, когда их мать жила уже в Ленинграде у родни мужа. Она всё время повторяла: «Увели голодного и расстреляли без суда и следствия».

Вскоре после этого печального известия вернулся с лесоповала реабилитированный Николай Марковский.

В это время надежд, запоздалых известий о горе, долгожданных радостей, успехов в науке и культуре мой дед Григорий Варфоломеевич Рослов, кавалер Ордена Ленина, вышел на пенсию и получил от Октябрьской железной дороги комнату в Ленинграде в железнодорожном доме на Кондратьевском проспекте, у площади Калинина. Он был очень доволен, и все родственники были рады, что могут видеться с ним и моей бабушкой в любое время. От дедушкиных шуток стало особенно весело за вечерними чаепитиями нашей родни. Сёстры мечтали вскоре обнять своего брата Петра и свою подругу Машу Ильменскую. Но из Баку от неё пришла телеграмма: «Петя умер в тюрьме». При реабилитации выяснилось: его признали врагом народа за высказывание: «человека надо заинтересовать колхозом, тогда он из него не побежит». Судьбу брата, солдата Первой мировой войны, сёстры горько оплакали. Летом к ним прилетела из Баку Маша Ильменская. Я видела её в Васкелово на даче. У неё были очень пышные седые волосы, вилась каждая волосинка; были ясные глаза; она была приветлива, и в ней ощущалось чувство собственного достоинства. Везде, где бы она ни жила рядом с мужем, она работала библиотекарем. Из Ленинграда она улетала к сыну или дочери, но сначала хотела съездить в Старое Рахино. «Я часто мечтала, – говорила она моей бабушке и тётя Парусе, – что мы вместе побываем там». И они, три подруги, поехали. Не помню, сколько, не знаю, у кого и как они там жили. После возвращения моя бабушка очень изменилась, стала возмущаться нашей советской историей. Я с ней спорила: какой красивый стал Ленинград! Какие театры! Поэты! Как хорошо стали одеваться люди! Какая элегантная молодежь! «Все твои

*Старое Рахино.
1960 г.*

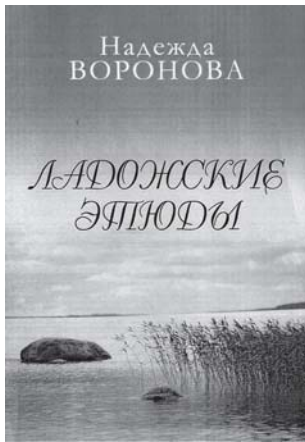
радости, – отвечала она, – политы слезами о моих безвинных, замученных в тюрьмах братьях, о моём загубленном Старом Рахино». Она винила в этом Ленина, Троцкого, Сталина, Калинина, всех, кого знала из правительств. «Успокойся, Марийка, – останавливал её дедушка. – Теперь всё идёт к лучшему. Дойдёт очередь и до Старого Рахино! Революцию перенесли, страну из разрухи подняли, а в какой войне победили! У нас прекрасная жизнь!»

Уже после перестройки я прочитала в «Красном колесе» Солженицына про приказ Ленина о ликвидации дореволюционных инженеров-железнодорожников. Тогда уцелел лишь тот, кто менялся с друзьями местом работы, если к нему начинали присматриваться карательные органы власти.

А ещё позже, когда появился Интернет, и Григорий, мой сын, сказал мне, что в списках пострадавших от большевиков числится Рослов Григорий Варфоломеевич, я вспомнила: кто-то из бабушкиных сестёр мне говорил: он в двадцатые годы был арестован и попал бы невинный, как многие, под расстрел. Но его отец – тёртый калач – всегда знал, что где сказать, что сделать, выкупил сына с его документами на свои золотые николаевские монеты. Дедушка об этом никогда мне не говорил. Он любил рассуждать со мной о современности. Ему нравилось новое время: новое строительство с отдельными квартирами, «метеоры» и «ракеты», летающие по Финскому заливу на подводных крыльях в Петергоф, нравились даже электрички, заменявшие его любимые паровозы.

Окно его с бабушкой комнаты выходило в сад большого двора, а из кухни смотрело на площадь с памятником Калинину. Отправляясь прогуляться, дедушка обычно шутил: «Надо пойти с Мишей поздороваться!» Памятник Калинину ему тоже нравился.

Н. Воронова. Ладожские этюды. - Санкт-Петербург: Нордмедиздат, 2013. - 76 с.

Воронова Надежда Васильевна – метеоролог по профессии, турист по натуре, философ по жизни. Автор нескольких поэтических сборников и книг путевых очерков, а также «Баллады о том, как матушка лису ловила». Публиковалась в различных изданиях, лауреат премии Союза писателей России «Хрустальный стих». Постоянно выступает перед слушателями разного возраста, любителями поэзии.

Книги
Надежды Вороновой
можно купить
на сайте

www.litres.ru

Надежда Воронова

ЛАДОЖСКИЕ

ЭТЮДЫ

«Ладожские этюды» – такое название могла бы иметь серия картин художника, вдохновлённого красотами знаменитого озера. Но перед нами очередной поэтический сборник Надежды Вороновой. И надо сказать, что его название весьма точно отражает содержание этой книги. Автор словно бы делает зарисовки с натуры, будь то – природа или настроение незнакомого человека, встреченного ею в пути. Стихи, включённые в сборник, зачастую небольшие по объёму, они отчётливые и ясные, искренние, – настоящие. Надежда Воронова много путешествует, это и является источником её поэтического вдохновения. И на вопрос: о чём её стихи, автор даёт лаконичный ответ: о походах, о погоде, о любви, и о душе.

Татьяна Лапшина,
член Союза писателей России

Ледоход

...Ах, как Ладога шуршала,
лепетала,
клокотала,
скрежетала,
с треском рвала
ледяное покрывало,
била вдребезги стекло
то восторженно,
то – зло!

Воейково

С холма в низину на восток
такой простор, что сердцу тесно.
Лавиной катится восторг -
вот это да! какое место!

В сиянье солнечного дня
взахлеб дышу лесным эфиром.
Глазами хочется вобрать
великость девственного мира.

Ну, а когда никак нельзя
чащебы города покинуть,
то стоит мне закрыть глаза -
увиджу светлую долину

Сорока

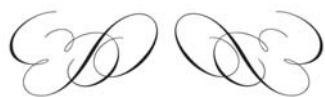
Перезвон трамваев – городские трели –
Вдруг сменился резким, непривычным звуком.
Но таким знакомым и приятным уху...
И как будто рельсов узких параллели
вмиг соединились в окружной дороге –
на границе города трескотня сороки!
На железной балке фрачный силуэт.
Ай, да красотуля! Ну, привет!
Из какой деревни прилетела к нам?
И о чём вещаешь городским домам?
В парк ближайший граждан зазываешь что ли?
Знаю, там повсюду копны снеговые.
Только их на вилы не поддеть, увы!
И лошадам местным их не поднести.
Я пройдуся, пожалуй, парком предвесенним.

Зной

«Но наше северное лето,
карикатура южных зим...»
А.С.Пушкин

Нынче климат здесь иной:
затяжной, тягучий зной!
Прочь из города!
Вдвоём
к водам Ладоги прильнём.
...Ждал заветный уголок –
мягок мшистый бугорок,
ветерок ласкает нас,
морю радуется глаз.
Искупались сгоряча, –
Ох, и дали стрекоча!
Хорошо бы костерок!
Шишек ворох.
Котелок.
Запиваем чаем зной,
наслаждаясь тишиной...
Всё сильнее, сильнее жара!
Сникли сосен веера,
блёкло Ладоги стекло –
всюду пекло донекло!
От жары бросает в дрожь,
и одно желанье – Дождь!
Словно радости посул –
раздаётся влажный гул.
И откуда он, шальной?
И неужто – стороной?!

...По озёрному плато,
будто через решето,
дождик часто задробил,
спорым и недолгим был.
А потом седая тьма:
водяная кутерьма!
И внезапно...тишина.
Глянь!
Лиловая стена!
...Нынче климат здесь чудной.
Что творит безумный зной!

Яблочные детки,
что на верхних ветках,
явно занеслись.

Только жизнь есть жизнь –
яблоки высоко
до поры, до срока.

Небо украшая
красками зари,
радость предвещая
светом изнутри,
над забором красным
яблочный салют!
Даже в день ненастный
разноцветно тут.

Плач о корюхе

Старой-старой яблони
скрюченные руки
не взмывают к небу,
сникли до земли.
К яблоне-корюхе
подошла старуха,
воду из ведёрка вылила:
– Живи!

Только просит яблоня:
– Вы меня спилите!
Ох, как я устала, –
жить невмоготу.
Вы меня спилите!
Не хватает силы –
я плодов достойных
вам не принесу.

– Я б тебя спилила, –
молвила старуха. –
Я сама устала и понять могу.
Да одна осталась –
мужика не стало,
и теперь разруха
на моём дворе:
затупились пилы,
топоры ржавеют...
Извини, корюха,
жди своей поры!
И вздохнув, старуха
поплелась понуро
по тропинке к дому
среди большой травы...

...Приближалась осень.
Надломилась, пала
яблоня-корюха
поперёк тропы.
Подошла старуха,
тяжело вздохнула:
– Я помочь не в силах.
Ты меня прости!
Оглядела древо.
У корней, у самых,
увидала жилку
жизненных потуг.
– Яблоки созреют.
Да куда девать их?
Яблоки созреют,
да напрасен труд!
И слезу смахнула
дряхлая старуха:
– Для чего же маюсь?
Для кого живу?

Нынче щедрая весна.
Мать-и-мачехи пшеница
изобилие на взгорке –
на земли засохшей корке.

На реке Тосне

Для туриста путь – отрада.
Вновь за плечи рюкзаки,
и на встречу с водопадом
нижним берегом реки.

Под ногами тропка вьётся
по камням, по кустам.
И река журчит, смеётся,
мчится по своим делам.
Берега всё выше, выше –
Царство кварцевых песков.
Здесь пещеры тяжко дышат
мраком, тайнами веков.
Час, другой...уже не в радость
окружающий пейзаж.
Каждый камушек – преграда,
что ни ветка – прямо в глаз!
Сводит ноги, ломит спины,
но в растёках ручейка
голубой лечебной глиной
одарила нас река.
После глинотерапии
омовенье в бочажке.
Мы усталость утопили.
Нам удастся налегке
одолеть подъём отвесный...
Как огромные жуки
покидали жёлоб тесный,
выползали из реки.
Несказанно опьянило
одоление преград.
А природа нам вручила
приз роскошный – водопад!

Да, великая отрада –
по земле пешком ходить.
Душам снадобье, услада –
ощущениями жить.

Затишье

Затишным выдался денёк.
Достигнув северной столицы
в ней южный ветер занемог,
лег на увянувшие лица.

И захотелось разомкнуть
объятья знойной тишины –
простора Ладоги вдохнуть,
испить прохладной глубины.

На берегу совсем не жарко,
лазурно бледен небосвод,
до горизонта синий бархат
спокойных полусонных вод.

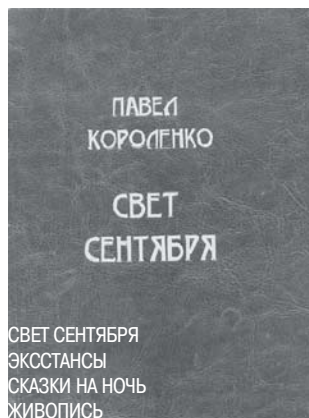
И одинокий теплоход
верхушкой айсберга белеет.
И пенных льдинок недород
пока лишь только бриз лелеет.

Но вскоре темных волн ступени
почти лилейны по краям.
Они на миг окаменели...
Скользят, стекли к моим ногам.

Прекрасны моря миражи.
Не зря ты, Ладога, манила!
Макнулась краешком души
в твои лиловые чернила!

Павел Короленко. Свет сентября.
Санкт-Петербург, 2014. - 218 с.

Павел Короленко

Свет сентября

Стихи из сборника

СВЕТ СЕНТЯБРЯ
ЭКССТАНСЫ
СКАЗКИ НА НОЧЬ
ЖИВОПИСЬ
ТЕРПЕНИЕ НЕБА И
НЕНАВИСТЬ ЗЕМЛИ
ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ -
НАСЛЕДИЕ РЕКОНКИСТЫ

Сон

Был тонок луч, скользил по льду,
Где скрипки-звезды и печали.
Хрустальный лёд не перейду
Без крыльев за двумя плечами,
По тонкому сверкающая льду
Во тьме из страха и гранита -
Всё легче я лечу-иду
В тепле, на холоде забытый.

2013

Над погибелью - как испуг
И негаданный благовест:
Ты полюбишь меня не вдруг,
Породнённый на сердце крест.

Боль придет - не гаси свечу,
Не кричи суетою чувств.
Не успеешь - я тебе прошепчу:
Суть покорнее тщетных буйств.

Вещих снов и распахнутых истин
Все одно, если рядом звезда.
Чудотворным клише серебристым
В нас мерцает святая вода.

1993

Клятва Дон Жуана

Свечою на беду
Немыслимо лукавить.
В безоблачном бреду
Мой опыт, словно камень,
Как маятник души, -
По Споку - или Фрейду,
Над пропастью кружит
Пьянящая беспечность,
Соль и твоя луна
Во тьме покорным нимбом.
Беспечна и верна
Нежнейшим алгоритмам.

1995

Ноябрь

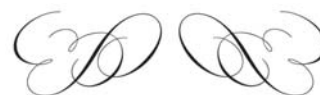
Луна и копоть - сон и муки
В листе узорчатом сплетались,
И крона - как лепные руки
Чернела, в золоте не таясь...

Всё застелила мягким шёлком,
Пушистым, белым, - амнезия.
Луна застыла над ребёнком:
В снегу хохочущий мессия.

Всё рядом - пепел и стожары
В заснеженном гламуре пуха.
И город чист, - светлее духа, -
Снежинки

ловят
горожане.

2013

*

Secret messages
ELO

Миллион алых роз
А. Вознесенский

Ты любишь снегопад?
Игра его - витает.
Витая на губах
Снежинка тает.

И робостью - невеждой
Приходит ренессанс.
Холодные надежды
Окутывают нас, -
Наш юный менестрель -
Ненужный и расхожий, -
Как на щеках капель
Осенней вьюги горше,
Как черные глаза
Судьбой - рабою истовой, -
В застывших образах
Безвольное таинство.

1983

* Тайные послания

«... Странные и двойственные
воплощения души, примерён-
ной и влюблённой в этот век, -
звучат, как ностальгия. в воссо-
данной красоте языка, стирая
простоту нашего привычного
русского новояза...»

Анастасия Мурзина (Бенца)»

Иван Кутыркин

Иван Кутыркин. Битва со скалой.- Стихи 2008-2014.- Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском. – 2014. – 112 с.

Битва со скалой

В 2004-м году меня пригласили получить литературную премию. Перед церемонией я встретил знакомую пару, которая показали на мальчика лет десяти, добавив: «И наш сын получает премию за свою книжку». Помню, меня это несколько резануло – тут, понимаешь, собрались умудренные мужи, перетерпевшие долгие годы пути к признанию... И среди нас какой-то мальчик.

Прошло десятилетие. Мальчик вырос под два метра, стал студентом, но литературные экзерсисы, как часто бывает, не бросил. В предлагаемый сборник вошли и подростковые, и новые поэтические труды. По-своему меня поразила поэма про колобка. Чем-то стихи Ивана Кутыркина напоминают эссеистику Борхеса. Тут и сказочные напевы, и Будда, и астероиды. Невозможно предсказать литературное будущее молодого автора. А этого и не нужно. Важно другое – книга вышла, она уже состоявшийся факт.

Владимир Рекшан
Rekshan Vladimir

На фото:
Иван Кутыркин и
Б.Н. Стругацкий

Кутыркин Иван Вячеславович

Родился 20 марта 1995 года в Санкт-Петербурге. Студент 3 курса факультета актерского мастерства и режиссуры Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства.

Увлекается историей и археологией, участник археологических экспедиций в Выборге, Старой Ладге и других. В 2006 году был награжден почетным дипломом петербургского литературного фестиваля «Невский проспект», будучи самым юным участником фестиваля, как автор книги размышлений «Мой взгляд на мир».

Телевизор мой!

Ты куда пошел?
Ты куда?
А как же провод?
Надоело мне тут у вас стоять,
Буду я теперь овод.
Нет, пожалуй, теперь буду я комаром.
И на море в Китай полечу.
Подожди, ты куда?
Подожди, ты куда?
Дай я звук что ли переключу.

2008

В поисках детства

Открывая нам мир утраченного детства, с которым еще не потеряна связь, автор приглашает нас в увлекательное путешествие-воспоминание для того, чтобы обрести себя заново, вытащить из себя те ценности и добрые чувства, без которых нельзя по-настоящему жить. Быть подлинным – значит, не забывать о том, что в тебе еще жив еще ребенок. И спасибо родителям, пока они живы, что дают нам возможность чувствовать себя детьми. Когда вы прочитаете эту замечательную книгу до конца, на глазах у вас обязательно будут слезы любви и благодарности: «Мама, я люблю тебя!».

Сегодня в искусстве, кино и литературе определенно намечается тенденция к осмыслению советского прошлого в позитивном ключе. Казалось бы, прошло каких-то несколько десятилетий, в течении которых так часто мы наблюдали отплевывание от тех советских застойных лет, как вдруг все обернулось своей противоположностью. Маленькие дети, которые застали то время только краешком детства, испытывают сегодня теплые и нежные чувства к прошлому. И детство – здесь слово ключевое. Не советская идеология, не грохочущие танки по Красной площади, но тоска по детству, которая, по воле судеб, была вписана в колыбель советских атрибутивов, волнует сердце.

Сегодня, когда «порвалась связь времен» – что же ищут эти выросшие мальчики в той стране, в которую, как в воронку, навсегда ушло их детство?

Все те, кто жил в эту эпоху, без труда узнают приметы времени своего детства. Томатный сок из подвесных бутылок, увлечение филателией и разным прочим собирательством, очереди, культурные прививки (посещение музеев и оперных театров). Многое еще можно добавить, вспоминая период своего собственного мальчишества, однако, по сути, детство советского школьника будет почти одинаковым для всех ребятшек. Все мы дети той страны, которой больше нет на карте; страны, которую мы потеряли. Последующие годы реформ по-началу окрыляют надеждами и перспективами, многие бросятся в эту

бездну неизвестного, многие там так и канут в безвестности... И вот теперь, когда мы пересекаем середину жизненного пути, что остается в душе от прожитых лет?

Читая на ночь своим детям книжки, мы тянемся за теми, что читали нам, в свою очередь, родители и удивляемся, почему сегодня больше не пишется таких прекрасных книг, как тогда. Мы хотим передать им все самое лучшее, заразить прекрасным, окрылить радостью жизни. Детство не проходит никогда. Чтобы ни было в нем, остается только радость и свет. Страна нашего детства – это страна дефицита, как справедливо пишет автор книги, в ней действительно многого не хватало. В эпизоде со шведскими машинками, когда маленький Саша, уже почти торжествующий от счастья обладания импортными машинками, внезапно вынужден отдать их обратно законным владельцам, ощущается немаленькая боль. В этих маленьких слезках – огромная боль за страну, которая почему-то не может производить достойной продукции, насытив тем самым вкусы избалованного советского человека. И сколько раз в течении семидесяти лет из миллионов квартир раздавалось это риторическое: «Да что же это за страна такая, не может нормальную продукцию произвести?!». Однако в том же рассказе герой прежде пытается обменять на шведские машинки свои отечественные, которые есть у него и которые он, не без гордости, по надежности сравнивает с танками. Как мы искренне гордились успехами своей страны, небезосновательно считая ее самой лучшей в мире! Удивительно точно подмечена автором эта ранняя политизация советских детей. Каким-то причудливым образом, не понимая всей ситуации и политической обстановки в мире, мы умудрились всерьез играть в Пиночета и Альенде, с легкостью произносить имена Че Гевары и Нельсона Манделы. Но несмотря на это подлинным мерилом вкуса, конечно, были хорошие книги и фильмы. Герои Майн Рида и Жюль Верна, Конан Дойла и Дюма создали новое неповторимое поколение детей, которым суждено стать постсоветским.

Оглядываясь назад в наше детство, мы находим интонации взрослых. Какая-нибудь неприметная фраза или даже междометие прочно врезается в память и срастается с ядром того, что можно назвать сущностью детства, так что выброси ее – не останется и детства. И как важно в детстве все! Наколько показателен в этом отношении эпизод со смертью нелепого конюха Иванова; невольно на глазах проступают слезы; и не почему, а просто так, потому что жалко и все: человек так переменчив и временен на грешной нашей земле. Когда рука автора этой замечательной книги выписывала узоры букв, плетя рассказ за рассказом, его сердце трепетало щемящей любовью к людям, ради которых он взял перо.

А. Гайдышев. Счастливая карусель детства. - Санкт-Петербург: Норд-медиздат, 2013. - 144 с.

Александр Гайдышев

СЧАСТЛИВАЯ КАРУСЕЛЬ ДЕТСТВА

*Рассказы из книжки для тех,
в ком живет ребенок*

Шведские игрушки

Мне семь лет, я белобрысый крепенький ребяенок, слегка медлительный, аккуратный и послушный – по крайней мере, я часто слышу в свой адрес это от взрослых. На дворе лето конца семидесятых. Мы на даче под Ленинградом – в Зеленогорске. Мы – это, прежде всего, я, двоюродная шестилетняя сестренка из Москвы – Танечка, бабушка и дедушка. На выходные из Ленинграда к нам приезжают мои папа и мама.

Залив с пляжем, летний кинотеатр, городской парк с фонтанчиками, аттракционами и лотками с мороженым – в общем одно сплошное удо-

вольствие. Ни тебе забот, ни хлопот. Этим летом я, наконец, освоил настоящий двухколесный велосипед, и мир стал казаться мне еще более радостным и интересным. Правда, дедушка давит на меня своим авторитетом и заставляет периодически учить какие-то басенки и стишки, что, конечно же, нравится мне не может. Но я послушен и никогда с ним не спорю. Он произносит что-то вроде: «Каждый образованный человек должен это знать!»

Я быстро понял, что отвертеться от него не существует никаких возможностей, и, в конце концов, безропотно отдался в его жесткие руки – как-никак он все-таки в прошлом учитель литературы и известный журналист и, наверное, не ошибается насчет того, что в действительности должен знать «каждый образованный человек».

Как-то приезжаю я на велике с прогулки по парку и вижу, что возле нашей дачи за большим столом, где в хорошую погоду неизменно проходят все уличные семейные обеды и торжества, сидят дедушка и сосед – Александр Емельянович, и что-то оживленно обсуждают.

Сосед любит часто заходить к деду и засиживаться подолгу с разговорами на различные темы,

Гайдышев Александр Григорьевич

Родился в Ленинграде в 1971 году. Закончил ФИНЭК, работал в банке и в собственном бизнесе. Последние годы тесно связан с книжным миром. Основатель и совладелец магазина Старая книга - «Светочъ». Учредитель и бессменный ведущий литературно-дискуссионного клуба духовного роста «Синий жираф» при ЦСЛК. Страстный книгоман и путешественник.

*Книгу А.Г. Гайдышева
“Счастливая карусель
детства”
можно заказать
в интернет-магазине*

www.litres.ru

и прежде всего – политические. Он какой-то там политинформатор или что-то вроде того. У него низкий голос и большой красный нос – почти как у Деда Мороза. «Это потому, что он частенько закладывает – объяснил мне однажды дед в ходе доверительной беседы и по-заговорщицки подмигнул. Что такое «закладывать», я, конечно же, тогда не понял, но про себя сделал однозначный вывод, что наш сосед человек крайне необычный, уж больно выдающийся у него был красный и мясистый нос. Спрашивал я по поводу соседского носа и у бабушки, и она была более конкретна: «Да выпивоха он, уж больно водочку любит попивать». И после этих слов загадочный образ соседа – Деда Мороза быстро стал развеиваться.

Частенько мне приходилось присутствовать при разговорах взрослых на политические темы, и, я бы сказал, что они мне даже нравились, хотя и не все я в них понимал. Разговоры эти давали возможность моему пылкому детскому воображению четко осознать, что живем мы в справедливом человеческом обществе под названием Советский Союз, притом, что в это же самое время на нашей планете многие люди не имеют работы, денег и даже еды. И конечно я с полным основанием гордился своей великой страной.

Понял я тогда, что практически во всех безобразиях жизни за рубежом был виноват некто «Дядя Сэм» – неизменный персонаж газетных карикатур из рубрик о международных отношениях. «Дядя Сэм» этот действительно на картинках выглядел каким-то злым существом с козлиной бородой в звездно-полосатой шляпе, и держал он в руках своих хлыст или пистолет. В общем, личность малоприятная, но почему-то неизменно приковывающая мое детское внимание. Возможно, из-за своей внешней непохожести на советских граждан.

Очень я любил отыскивать в дедовых газетах различные карикатурные рисунки, пытаюсь разгадать в них зашифрованный тайный смысл «безнравственных подвигов героев мира капитала», возглавляемых «Дядюшкой Сэмом». Кстати, почему-то иногда по непонятной для меня логике «Дядя Сэм» именовался «Дядюшкой Сэмом», и именно вот это ласковое слово «дядюшка» заставляло меня думать, что был он не до конца законченным злодеем и сохранял шанс исправиться.

Дедушка старался мне все доходчиво разъяснить на примере этих карикатур, но его высокий заумный слог не всегда доходил до моего понимания. Тем не менее, свои выводы я сделал: «Дядя Сэм» виноват в гонке вооружений, безработице, инфляции, спаде, голоде и прочих ужасных явлениях, присущих капитализму.

И вот дедушка прекращает свой оживленный разговор с соседом, откладывает в сторону газеты, и вместе они как-то внимательно и оценивающе на меня смотрят.

Дедушка обращается ко мне:

– Саша, очень хорошо, что ты вернулся. Дело в том, что к Александру Емельяновичу приехала дочь с внуками из Швеции, и мы решили для взаимной пользы вас познакомить. – Их двое, они близнецы, зовут их Антос и Алекс, что по-русски значит Антоша и Алеша, и им по шесть лет, – с легким смущением добавляет сосед, – ты, надеюсь, Саша, не против знакомства?

Почувствовал я легкое смущение, да и вообще с иностранными детьми мне раньше общаться не приходилось, а слова Швеция и шведы ассоциируются у меня исключительно с победами Александра Невского и Петра Первого, – видимо, из книжек, прочитанных мне мамой перед сном. Слышал я также и о шведских хоккеистах, но мы и здесь их обыгрывали.

Мне любопытно и страшно, но мое воспитание обязывает меня быть всегда вежливым со взрослыми.

– Ну что же, я не против знакомства, – тихо и с легким смущением ответил я и сел на скамейку рядом с дедушкой в ожидании дальнейшего развития событий. – Вот и отлично! – сосед встал из-за стола, откланялся нам и, пообещав вскорости возвратиться с внуками, отправился к своей даче, где в это время предположительно находились они – шведы.

Дедушка подмигнул мне и продолжил чтение на время отложенных газет. Ну а что происходило со мной, невозможно было выразить простыми словами! Не мог я места себе найти от переполнявших меня чувств и ерзал без остановки. Мне, советскому ребенку, предстоящая встреча с иностранцами казалась внезапно возникшей возможностью общения с невиданными доселе инопланетными существами, ведь были они не просто детьми, а представителями страны из капиталистического лагеря.

Но самое большое смтение происходило от полного непонимания того, каким образом нам – представителям двух разных миров и систем – предстоит общаться, и уж конечно на мне, как на представителе нашей великой страны, лежала огромная ответственность в свете грядущих международных встреч, пусть даже и не на высшем уровне. Эту ответственность я ощущал всем своим существом и старался во что бы то ни стало соблюдать внешнее спокойствие. Но внутри меня уже во всю силу набирал обороты вихрь...

Что это «они», я понял сразу и издалека. Близнецы шли за своим дедушкой и с любопытством оглядывались по сторонам. Оба голубоглазые и светловолосые, чуть ниже меня ростом, одеты в одинаковые безукоризненно белые кофты с капюшонами. Сами они чем-то довольны, по сторонам смотрят с интересом и улыбаются. Производили они впечатление образцовых детей с обложек журналов, которые обычно с интересом просматривают взрослые, когда хотят представить, как могут выглядеть в идеале их отпрыски.

– Ну вот, Саша, знакомься: Антос и Алекс! – представил мне своих внуков Александр Емельянович, – а про тебя мы им уже рассказали, так что считай, что вы старые знакомые.

Мы дружно пожали друг другу руки и заулыбались.

– К сожалению, ребята умеют разговаривать только на шведском и английском языках, порусски знают только несколько слов, – предупредил меня дедушка близнецов, – так что, Саша, мы будем тебе признательны, если ты сможешь своим новым товарищам увеличить их словарный запас.

Вообще шведы, хотя и бормотали что-то непонятное на своих языках, производили на меня довольно приятное впечатление. Была в них какая-то беззаботная и радостная открытость и доброжелательность.

Мы перешли в мою песочницу, и я на правах хозяина и старшего по возрасту начал организовывать процесс совместной игры. Вручил ребятам грузовик с экскаватором, а себе оставил машину скорой помощи. Мы начали строить дороги и мосты, копать тоннели и рвы, в общем, работа пошла, как полагается. Шведы много улыбались, и все мы были довольны. Но заметил я, что как-то с недоумением посматривают ребята на мои машины.

А игрушки мои были довольно грубыми, прочными и не очень красивыми. Железные, окна и двери нарисованы красками и не открываются, а во время движения машинки издают скрип и скрежет, который в некоторой мере может соответствовать только автомобилю скорой помощи, спешащему на неотложный вызов под звуки сирены. «Зато недостаток конструкции и внешнего вида компенсируется надежностью и долговечностью». Сейчас, во время нашей игры, эти папины слова сами собой начали возникать у меня в голове как оправдание в ответ на недоумение на лицах у шведов.

Обидно, конечно же, но ничего не поделать, ведь принципиально других игрушек в детских магазинах Ленинграда мне видеть не приходилось. Нет, конечно же, еще были машинки и из пластмассы, но это – совсем для маленьких.

Наконец близнецы полностью потеряли интерес к моим машинкам: они аккуратно откладывают их в сторону и что-то говорят своему деду, стоящему в небольшом отдалении от нашей песочницы с сигаретой.

– Саша, ребята попросили меня принести вам для игр игрушки, которые они привезли с собой из Швеции, так что на минуту я вас покину, – дедушка близнецов подмигнул всем нам и отправился на свою дачу.

Мне было действительно очень интересно, почему Антос и Алекс, при всей их доброжелательности и внешнем спокойствии, не смогли дружно скрыть своего отсутствия интереса к моим машинам. И что у них за игрушки такие, что ребята эти, не проиграв и десяти минут, уже не мо-

гут без них обойтись? Я продолжаю невозмутимо играть в одиночестве, вожу попеременно все три автомобиля по уже построенным дорогам и мостам песочницы, ненавязчиво предлагаю своим гостям вновь присоединиться к совместным играм, но получаю вежливый отказ, мол «все в порядке, Саща, и не стоит беспокоиться».

Ну что ж, не хотите, как хотите! Наконец, дедушка близнецов приносит и ставит перед нами большую пластмассовую коробку, – играйте на здоровье. Мои гости оживляются и синхронно достают свои игрушки, протягивая их мне с улыбкой:

– Нияаа, Саащаа!

И тут, дорогие мои друзья, я сам неожиданно для себя впадаю в состояние ступора. Словно гром внезапно раздался среди ясного неба. Держу я в руках своих очень красивые и яркие автомобильчики размером примерно с мою ладонь. Держу и глаз не могу от них оторвать, будто за гипнотизирован я ими. А шведы видят, что игрушки мне их очень нравятся, и широко улыбаются. Все машинки со стеклами, резиновыми колесиками и прочими мастерски сделанными детальками, как снаружи, так и внутри. Одним словом – мечта. Обладали эти игрушки очень необыкновенными формами и цветами, и, что самое главное, у них легко открывались дверцы салона и капота – совершенно как у настоящих автомобилей. Открыв дверцы эти, можно было изучать изнутри содержимое салона и подкапотное пространство. Чудеса какие-то, и подобного мне раньше видеть не приходилось.

Конечно, сейчас с трудом можно поверить, что увиденные тогда мною игрушки произвели настолько сильное впечатление, ведь в наши дни любой мальчишка имеет в своем арсенале аналогичные машинки и далеко не в единичном количестве.

Вообще нужно сказать, что до этой самой минуты мне казалось, что я неплохо разбираюсь в марках автомобилей и не раз, находясь на остановке в ожидании автобуса, в обществе кого-нибудь из взрослых и Танечки, я не без гордости перечислял ей названия автомобилей, проезжающих мимо нас по Приморскому шоссе:

– Это Волга, это Москвич, а вон Жигули с Запорожцем! Основное автомобильное меню, пожалуй, на этом и заканчивалось, так что даже ребенку семи лет было несложно разобраться с произведениями отечественных автомобильных заводов.

– Какой ты умный, Сашенька, как ты все это помнишь? – не раз говорила мне Таня, поглядывая на меня с восхищением. И восторженное отношение моей двоюродной сестренки заставляло меня гордиться своими знаниями автомобильного мира.

Иногда, правда, по шоссе проезжали необычные машины с финскими номерами, как раз наподобие игрушек Антоса и Алекса в натуральную величину. Но разобраться в названиях этих не-

похожих друг на друга автомобилей было не под силу даже папе, который безошибочно мог узнать только марку автомобиля с непривычным для меня названием из двух слов «Мерседес–Бенц». Машины эти, конечно же, были просто шикарными, но слово «Бенц» меня несколько смущало и настораживало, переключаясь в воображении со словом «бац», значение которого указывало на непростую судьбу на автомобильных дорогах.

И вот в руках у меня иностранные игрушечные автомобильчики. Но кажутся они мне совсем даже не игрушечными, а самыми что ни на есть настоящими, только очень маленькими. Зачаровывают они меня и глубоко поражают. И начинаю играть я с Антосом и Алексом чисто механически, чувствуя психологическую подавленность из-за явного превосходства шведских игрушек над моими.

Мне во что бы то ни стало, невероятно хочется иметь такие же игрушки. Размышляю над ситуацией и неожиданно понимаю, что страна моя, до сих пор не продающая красивых настоящих автомобилей для взрослых, вряд ли сделает исключение ради детей. И от мысли этой становится на душе моей очень тоскливо. Утешаю же я себя тем, что в стране нашей все же нет безработных, бездомных и голодных, как у них за границей. Правда, утешение это не очень мне помогает.

Мне очень обидно, и обида моя возрастает еще сильнее от того обстоятельства, что лица и Антоса, и Алекса спокойны и не излучают абсолютно никакой радости от обладания такими несметными богатствами. Им как будто вообще все равно, видимо, у них там, в Швеции, все игрушки такие. Другое дело я. Они уедут к себе, а я уже никогда больше не смогу играть со своими машинками, как будто ничего не произошло.

Я в смятении. Сейчас или никогда!!! Повторяю я эту фразу про себя много раз, а произносится эта фраза героями фильмов, когда им предстоит решиться на что-то необычайно важное и геройское. Мне нужно обязательно убедить шведов обменяться игрушками, ведь, в конце концов, если «международный обмен» может происходить на высшем уровне, то кто сказал, что его нельзя совершать на уровне детей? В этом не может быть абсолютно ничего плохого и, кажется, я искренне начинаю верить в справедливость моих мыслей, и мне становится радостно.

Ребята тоже довольны, и ближайший час мы весело и счастливо играем, обмениваемся улыбками и короткими репликами. Много смеемся и мало говорим. Да и не нужны особо слова, все видно по лицам и жестам. Танечка сидит на крыльце и наблюдает за нами, поглаживая свою любимую плюшевую игрушку. Антос, соблюдая правила воспитанного человека, дает ей пару машинок, но Таня, повертев их в руках, не проявляет к ним почти никакого интереса и предпочитает остаться в стороне от наших игр. Словом, девчонка есть девчонка.

Через некоторое время по взглядам близнецов в сторону дачи их деда и коротким вопросам–ответам друг другу, понимаю, что они вскоре соберутся домой. И поэтому решение такого важного для меня вопроса больше откладывать нельзя, тем более, что то ли сегодня вечером, то ли завтра утром они уедут с мамой обратно в свою Швецию.

Взрослых рядом нет: дедушка пошел на обед, предупредив, что мы с Таней «следующие на очереди», а Александр Емельянович, увидев, что мы не нуждаемся в специальном надзоре с его стороны, покинул нашу интернациональную компанию сразу после приноса коробки с игрушками. Таким образом, в нашей немногочисленной команде я остался за взрослого, пусть даже разница в один год и не столь велика. Но это обстоятельство, в свою очередь, тоже придало мне дополнительное ощущение правоты моей позиции – ведь «взрослые всегда правы». И так, сейчас или никогда! Я решаюсь и смело встаю во весь рост.

– А знаете, ребята, давайте обменяемся на память нашими игрушками. Может быть, вообще, мы больше никогда не встретимся, а так мне ваши игрушки будут напоминать о вас и вашей стране, а вам – обо мне и Советском Союзе. Это ведь так здорово иметь что-нибудь на память о своих друзьях, правда ведь? – закончил свою фразу я убежденно и был ей очень доволен. Да и верил я уже в свою правоту. И поэтому, не дав близнецам опомниться, протянул им свои три большие металлические машины. Близнецы по-прежнему категорически не хотели проявлять интереса к моим игрушкам. Взяв их, видимо из вежливости, и немного подержав, ребята практически сразу положили их на песок.

– Ниеетт, спаасиипо, Саацаа! – сказали Антос и Алекс и показали на уже полную моделек пластиковую коробку, предусмотрительно положенную мной в отдаленном и защищенном от них месте песочницы.

– Ребята, не будьте жадными! Ведь, наверное, у вас в Швеции других игрушек и не бывает, купят вам новые и еще плюс к этому – у вас останутся советские машинки, хоть и некрасивые, но зато прочные, как танки.

– Ниеетт, Саацаа! – шведы были непреклонны и кивали в сторону своей коробки.

И тут в дело пошли психология и интуиция. Если бы мальчики заплакали, расстроились или начали хотя бы эмоционально просить меня вернуть им их игрушки, то конечно бы я сразу же их отдал, ведь все-таки я не какой-нибудь разбойник с большой дороги. Но ребята были по-прежнему спокойны и невозмутимы. Мне даже показалось, что если им сейчас же вернуть их коробку с игрушками, а то даже и две коробки, то восприняли бы они это совершенно спокойно и без радости. Вот какими они были бесчувственными и избалованными чурбанами. В результате моя воля и выдержка побеждают.

– Ну пака, Саацаа! – мальчики, простояв и потоптавшись возле меня около минуты, види-

мо, поняли наконец серьезность моих намерений, не выдержали, дружно развернулись и пошагали по направлению к своей даче. Они не плакали, не кричали и даже не злились. Удивительно!

И вот, наконец, я чувствую себя полным победителем в нашей мирной дуэли, и меня начинает постепенно распирает от восторга и ощущения того, что если абсолютное счастье и существует, то, наверное, это оно и есть.

– Ура! Мы ломим, гнутя шведы! История повторяется вновь! Только теперь вместо Петра Первого и наших хоккеистов психологическую победу над зажавшимся шведом одержал простой советский мальчик из Ленинграда, за что в награду получил бесценный трофей в виде великолепных двенадцати машинок. И совсем даже не беда, что у одной из них имеются поломки в виде отваливающейся от кузова платформы и трещин на стеклах. Я любовно именую машинку эту «моей инвалидкой» и обещаю ей исключительный уход и заботу.

Давно мне не было так хорошо, как сейчас. Катаю я свои машинки, глажу их и хочу даже на радостях расцеловать! Как же прекрасна все-таки жизнь!

– Ну как прошла твоя первая международная встреча, надеюсь, плодотворно? – покровительственно и с улыбкой спросил меня дед, вышедший на кухонное крыльцо после законченного обеда. Он был явно в благодушном настроении, что особенно часто с ним случалось после приема пищи, и определенно хотел побеседовать со мной по поводу прошедшей встречи. Мои новые машинки он даже и не удостоил вниманием.

– Да, дедушка, встреча прошла очень плодотворно, и мне было очень интересно и полезно встретиться с ребятами из Швеции.

Не рискнул я все же откровенно похвастаться перед дедом прямыми результатами международной встречи в виде пластиковой коробки с ее содержимым. Отчасти из-за скромности и нежелания показаться дедушке хвастуном, а отчасти из-за смутного опасения на возможную его реакцию, которая могла оказаться совершенно отличной от моей.

– Ну, что же, сейчас иди обедать, тем более что Таня уже на кухне, а после я с удовольствием выслушал бы твои наблюдения и впечатления от общения с представителями западных стран, – дедушка спустился с крыльца и направился к своему обычному месту за уличным столом с неизменной кипой газет в одной руке и радиоприемником фирмы «VEF» в другой.

Схватив свой трофей, я стремительно побежал на кухню. Мне никогда не приходилось жаловаться на отсутствие аппетита, но в этот раз приглашение на обед я воспринял как совершенно ненужную потерю времени. Заветный пластмассовый ящик на всякий случай был положен под мою кровать, и я начал стремительно поглощать предлагаемые бабушкой еду и напитки со скоростью,

опережающей все мои предыдущие рекорды. Ситуация стала еще более комичной от того, что внезапно возвратившийся на кухню за стаканом горячего чая дедушка увидел своего внука торопливо пьющим суп большими глотками из глубокой тарелки, притом что ложка для супа лежала рядом нетронутой. Дед был очень щепетилен в вопросах этикета и в частности в вопросах поведения за столом, и он явно не мог оставить незамеченной увиденную картину, которая так расходилась с его устоявшимися взглядами.

– Фу ты, какое бескультурье, – с выражением легкого недоумения и с раздражением произнес он, – чтобы в нашей семье, и иметь такие первобытные привычки! Интересно, где же ты мог научиться так ужасно вести себя за столом, ведь пещерные люди, кажется, уже вымерли?

Выбора у меня не оставалось, как совершенно без задней мысли сказать деду всю правду.

– Этому я научился как раз в нашей семье, у папы!

– У папы?? Но этого не может быть, – это просто невероятно. Ты, конечно же, шутишь!!!!

– Совершенно не шучу, мы действительно иногда так едим, особенно когда торопимся, и по моему это очень весело.

– Если дела действительно соответствуют тому, что ты сказал, то это просто недопустимо!

Дед определенно получил сокрушительный моральный нокаут и явно был в состоянии прострации. В его мозгу совершенно не могло уложиться, что единственный сын – человек с высшим образованием, прошедший его школу воспитания и которому бесчисленное количество раз приходилось бывать на торжествах и мероприятиях самого разного уровня, был способен на такое поведение.

Зато к нашему с Таней удовольствию бабушка отнеслась к состоянию своего мужа с явным чувством юмора.

– Ну все же, Петр, согласишься, что не все, как ты, могут находиться за столом в состоянии напыщенного церемонного индюка, обвешенного салфетками. Вот ребята и дурачатся.

Дед явно хотел осадить бабушку в свойственной ему категоричной форме, но, увидев на лицах своих оппонентов смешливое и радостное выражение, резко отмахнулся и с видом непоколебимого достоинства удалился на улицу с чашкой чая.

– Делайте, что хотите, варвары!

Мы дождались, пока дедушка отойдет на безопасное расстояние и радостно рассмеялись. Утереть нос деду – дело чрезвычайное, которое иногда удается только бабушке, и только благодаря ее своеобразному чувству юмора, против которого ее уважаемому и благовоспитанному супругу противопоставить совершенно нечего.

– Но, Саша, неужели вы с папой так действительно едите? – бабушка продолжала смеяться, и мне даже показалось, что только что полученная информация о ее сыне и внуке привела ее в состояние искреннего восторга.

Я тоже был вне себя от радости, меня переполняло чувство гордости за свою сопричастность к победе над незыблемым авторитетом нашей семьи.

– Да, бабушка, мы иногда с папой дурачимся и даже наперегонки слизываем с тарелок манную кашу, совершенно без ложек. Правда я ему почти всегда проигрываю, потому что он взрослый, а я маленький, и у него язык длиннее.

– Только, пожалуйста, не говори этого дедушке, а то он и так, похоже, расстроился. Как бы твоему папе не пришлось заплатить за твою честность на ближайших выходных.

– Понял, не скажу.

Я уже допивал компот, когда с улицы раздался властный и громкий голос деда, напоминающий о том, кто есть главный в нашей семье, и однозначно дающий понять, что шутки окончены.

– Саша, подойди, пожалуйста, сюда, к тебе пришли.

Сердце мое дрогнуло, интуиция подсказала, что случилось явно что-то неожиданное и не очень приятное. Я выбежал на улицу и обомлел: у верандного крыльца стоял и неуверенно переминался с ноги на ногу Александр Емельянович собственной персоной, да еще и в придачу со своими внуками, которых я мысленно уже отправил в Швецию. Близнецы же были как всегда спокойны и даже заулыбались, увидев вновь меня.

– Саша, тут вот какое дело, – начал слегка виновато сосед, бегло переводя взгляд с земли то на меня, то на дедушку, – в общем, ребята уезжают домой, в Швецию, и пришли за своими игрушками.

В воздухе повисла многозначительная и продолжительная пауза. Я молчал и стоял на крыльце, ощущая, что долго это продолжаться не может, но не мог решиться ни на какие действия.

Все пропало, катастрофа! Я отчетливо понял, что проиграл и не имею ни малейшего шанса оставить мои дорогие, недавно обретенные машинки у себя. Как безжалостна судьба, которая так жестоко отбирает счастье у одного ребенка, чтобы не добавить ни капельки другим. Верил я еще недавно, что жизнь моя так прекрасна и замечательна, а теперь оказывается, что было это всего лишь моей фантазией.

– Ну что же ты медлишь? Иди и принеси ребятам их игрушки!

Ну вот, наконец, все и встало на свои места. Дедушкин голос вывел меня из оцепенения и окончательно вернул к действительности. Через несколько секунд я уже стоял на крыльце, крепко прижав к себе коробку, но так и не решаясь сразу передать ее законным владельцам.

Решение было найдено автоматически. Сняв крышку с ящика, я начал медленно доставать машинки и бросать их попеременно Антосу и его брату.

Ребята подумали, что это такая игра, и начали их ловить, подчиняясь установленным мною правилам. Почему я так поступил? Все очень просто: я прощался с каждой из двенадцати машинок по отдельности, и мне нужно было время

для того, чтобы в последний раз взять их в руки, внимательно рассмотреть, погладить и, волею судьбы, навсегда расстаться с ними, передав в руки старых владельцев.

«Моя инвалидка» была последней. Антос, не сумев удержать машинку в руках, выронил ее на землю, и она распалась на части.

– Саша, если хочешь, можешь оставить эту машинку себе, – Александр Емельянович поднял и положил передо мной на перила крыльца «инвалидку», – ребятам все равно она вряд ли пригодится.

Конечно же, мне очень-очень хотелось оставить у себя хотя бы одну машинку на память, пусть даже и такую, как эта, но в тот самый момент я ощутил, как несоизмеримо большее чувство заставляет меня поступить иначе, и повиноваться я ему всецело и безропотно.

– Благодарю вас, не нужно, у меня все есть, – ответил я, напрягая все свои душевные силы, чтобы не разрыдаться прямо сейчас на людях, – извините, но сейчас мне хотелось бы закончить обед.

– Надеюсь, недоразумение разрешилось успешно? – спросил дедушка, с легкой иронией поглядывая на русско-шведское трио.

– Да, конечно! Всего хорошего, до свидания! – Александр Емельянович кивнул на прощание нам с дедом, и в следующий момент троюлька уже шагала по тропинке, идущей к их даче. Антос и Алекс изредка оборачивались и махали нам руками на прощание.

Не в силах больше держать себя в руках, я вбежал в дом, упал на свою кровать, уткнулся носом в подушку и беззвучно зарыдал, стараясь по возможности себя не выдавать. Впервые за свою жизнь я испытал столь глубокое потрясение из-за ощущения своей неполноценности. Мечта, не успев по-настоящему осуществиться, рухнула в одночасье. Как оказался сложен и запутан мир, в котором ребенок мог испытать такое унижение.

– Что же ты плачешь, чудак-человек, ты поступил абсолютно правильно и выбрал единственно возможное решение, не надо расстраиваться по пустякам, – дедушка пытался меня утешить и ободрить, и, пожалуй, его слова постепенно начали возвращать меня к привычному ходу мыслей, хотя чувство жалости к себе все же не хотело быстро исчезать.

Дедушка похлопал меня по плечу и вышел, предоставив возможность мне самому разобраться в своих чувствах, и я, получив необходимую долю бесценной поддержки, был очень благодарен ему за это.

Действительно, ничего страшного не произошло, и я никого не вправе был винить в случившемся. Все вернулось на свои позиции, а значит, не стоило на этом и заикливаться. Ведь жизнь моя еще только начинается, и очень много в ней будет еще побед и разочарований. Но постараться надо не оступиться и сохранить себя. И еще тогда я понял, что если бы там, на крыльце, я поступил иначе, то, наверное, потерял бы намного больше, чем приобрел.

Дед (первая часть)

1

Дед являлся для нашей семьи примерно тем, чем является для планет Солнечной системы звезда по имени Солнце. Мы все ощущали гигантский, зачастую подавляющий магнетизм его личности. Он был немногословен, но произносимые им слова были наполнены предельным смыслом и силой, спорить с ним не решался никто, включая бабушку. Нередко резкость и категоричность его мнений и высказываний встречали у членов семьи несогласие и даже негодование, но повлиять на него и изменить было невозможно, и наоборот, он сам, часто того не желая, постоянно влиял и менял под себя свое окружение.

В его квартире на Крестовском острове мы собирались на воскресные и праздничные обеды, и это стало доброй семейной традицией на долгие годы.

Когда я был маленьким ребенком, то уже тогда замечал и поражался тем переменам в поведении взрослых, которые происходили с ними при общении с дедом. Выглядели они точно, как на приеме у английской королевы – стопроцентная концентрация обходительности и такта. И если мама менялась не столь значительно, поскольку данные качества у нее преобладали всегда, то папа превращался в абсолютно другого человека. Будучи в обычной нашей жизни обаятельным весельчаком и жизнелюбом, способным к моему большому удовольствию на довольно экстравагантные поступки и шутки, в присутствии деда вел он себя как прирожденный аристократ, не допускающий и мысли, что возможно иное поведение.

На праздники из Москвы приезжали на несколько дней тетя Аля и дядя Юра – дедушкины и бабушкины дочь и зять, которые всегда неукоснительно откликнулись на дедовы приглашения.

Маленького меня дед почти совсем не замечал и редко удостаивал своим вниманием. Тепла и ласки я не чувствовал от него совсем, и вел он себя со мной довольно сдержанно и церемонно, почти не делая скидок на возраст. Могло даже показаться, что он сторонится меня. В его присутствии я испытывал смущение, не понимал, как себя вести, и почти всегда был напряжен.

С семи-восьмилетнего возраста родители часто отправляли меня на каникулы к дедушке и ба-

бушке на Крестовский остров, и дед, как человек, живущий по регулярному расписанию, выстраивал мое пребывание в его доме согласно своим твердым представлениям о воспитании ребенка.

К этому времени он только вышел на пенсию с поста заместителя главного редактора «Ленинградской правды» – ответственного за освещение в газете культурных событий в жизни города. Именно с ним я впервые попал в Эрмитаж и Русский музей, посетил Кировский, Малый оперный и Театр юного зрителя.

Конечно, не все мне из увиденного или услышанного нравилось. Часто я уставал во время наших походов, да и не понимал многого. Но спорить с дедом по вопросам культуры из-за «разных весовых категорий» у меня совершенно не получалось.

Сам термин «культурная программа» появился в моем детском словаре тогда, когда мама с папой, отправляя меня на каникулы к деду, обещали как раз «безупречную культурную программу». А упреки у школьника младших классов Ленинградской школы к дедовой программе были довольно значительными, и главный из них – это полное безразличие и неприятие моим многоуважаемым и культурным дедом такого замечательного жанра, как кино. Не желал я мириться с этим и принимать его взгляды и не раз, пытаясь различными способами достигнуть своей цели, начинал с ним разговор примерно следующего содержания:

– Дедушка, а давай сходим в кино на «Чингачгука-Большого Змея» или «Легенду о динозавре»! Давай разнообразим нашу культурную программу! Это ведь очень интересно!

Дедушка, сидя за газетами на своем излюбленном кресле, на какое-то время откладывал их и внимательно, с некоторой иронией поглядывал на меня.

– Будь любезен обождать неделку, поскольку твое предложение по внесению изменений в нашу, как ты правильно выразился, культурную программу никак не может быть удовлетворено. Возможно, твой папа или твоя мама откликнутся на эту просьбу, и вы посетите кинотеатр в один из выходных дней. Так что подожди немного и не обессудь!

И дед продолжал чтение. Вот и все, коротко и ясно, и спорить здесь бесполезно, с ним так всегда. Как в те минуты я бесконечно грустил о родителях, с которыми было просто и весело, поскольку они действительно понимали мои настоящие интересы, и им самим, а в особенности, папе по-настоящему были интересны приключения Чингачгука и Синдбада-морехода, Белого Бима и неуловимых мстителей. В общем, все мои предложения о кино дед игнорировал, давая понять, что данный жанр искусства является «легковесным и не заслуживающим внимания». Он был глух и непроницаем, как стена, а мои интересы и внутренний мир вообще его не интересовали. Еще бы, кем я был для него? Наверное, чем-то вроде маленького и назойливого комарика, ко-

торый способен был только издавать писк и отвлекать его от литературы и мыслей о высоком. Даже многих взрослых он часто обделяет вниманием и не принимает всерьез, что уж говорить обо мне? Я несколько раз пытался штурмовать деда насчет похода в кино при различных ситуациях, но ничего не помогало. Пытался я даже и хитрить...

Бабушка мне как-то подсказала приметку, по которой можно было безошибочно определять его настроение. Впоследствии оказалось, что знали эту приметку не только мы с бабушкой, и многие наши ею пользовались. Секрет же был прост и заключался в следующем: дед практически всегда сидел и читал свои газеты и книги в позе «нога на ногу», и нужно лишь было внимательно наблюдать за движением носка его висящей ноги. Если носок покачивается, значит, находится он в хорошем настроении, если неподвижен, то лучше к нему и не приставать, чтобы не вызвать раздражения! Чем быстрее качается нога, тем лучше настроение. Ничего сложного и хитрого. Нужно только не пропустить момент и просить о том, что тебе нужно. Признаю, что приметка действительно почти всегда сбавывала, и всегда он был добр и внимателен. Но в случае с кино все намного серьезней, и он отступать не хочет. Не прошибить его никакой приметой. Казалось мне, что не может быть такого, чтобы человек не любил и совсем не смотрел кино, но дед доказывал обратное, предпочитая фильмам свои многочисленные книжечки.

Старая школа – учитель литературы. Совершенно негибкий и упертый человек, – ничего не поделаешь. А меня он перебарывает и заставляет быть гибким. Хочет он, чтобы я променял кино на театр и музеи, и ему наплевать на мои интересы. Жить с дедом – быть подопытным кроликом в его экспериментах.

Пытаясь вызвать у меня интерес к театру, он предлагает довольно необычные, на мой взгляд, вещи:

– Кстати, Саша, в старые времена театралы собирали программки с указанием даты и общества, в котором они посещали театр, так что настоятельно рекомендую тебе последовать данному примеру, тем более, что через много лет собранная коллекция может иметь значительную историко-культурную ценность.

Я следовал дедову совету и выводил еще нетвердым детским почерком на программке информацию о посещении театров. Долгие годы спустя мама как-то с ностальгической грустью призналась, что даже во время грандиозного ремонта ее квартиры на Гражданке, в ходе которого была заменена полностью вся мебель и сделана перепланировка, она, ставя перед собой задачу полностью освободиться от старого квартирного хлама, не смогла найти в себе силы выбросить мои программки, которые были причислены ею к семейным реликвиям наряду с моей прядкой волос первого года жизни.

Перед каждым походом в театр или музей дедушка в обязательном порядке доводил до меня информацию о том, что нам предстоит увидеть или услышать, и на что, в первую очередь, следует обратить внимание. На опере «Руслан и Людмила», сидя в партере за взрослыми зрителями, я мало что видел и, откровенно говоря, скупал, не понимая, почему все вокруг так часто аплодируют артистам на сцене, которые в отличие от цирковых артистов не показывают ничего захватывающего или смешного. То ли дело в цирке: тигры, медведи, клоуны и эквилибристы – даже если просто посмотреть во время их выступления на лица большинства зрителей и в особенности детей, то сразу видно, какую радость и восторг дарят они людям. Вот где действительно нужно хлопать в ладоши.

Но почему-то все происходит как раз наоборот: дедушка, отдавая должное моим культурным интересам, идет со мной в цирк и сидит рядом все представление почти с равнодушным и даже скучающим видом, не поддерживая общие настроения зала, а в театре он преображается и с одухотворением выражает восторг аплодисментами. Его глаза горят, он комментирует мне значимые с его точки зрения детали оперы и буквально требует, чтобы я хлопал в ладоши после исполнения арий Борисом Штоколовым в партии Руслана. Попробуй здесь не хлопать, ведь родителям потом наверняка скажут, что их сыночек полный дикаренок, неспособный разбираться в мире «прекрасного», тем более что накануне дедом мне была прочитана лекция о гениальности Штоколова, с которым он «имел честь быть лично знаком».

С моей же точки зрения, значимый момент оперы наступил тогда, когда на сцену вывели живого коня, но, к сожалению, никто из зрителей не отметил данного события аплодисментами, а дед, увидев мое оживление, снисходительно усмехнулся и попросил не ерзать на кресле из-за желания получше рассмотреть боевого друга Руслана. Так же было и с головой великана. Казалось бы, вот ведь где необычная сцена и событие! Ну, где же еще можно увидеть такую огромную отрубленную и говорящую голову на сцене? Но и здесь меня осадил он как маленького, хотя очень голова эта меня заинтересовала. И как после всего этого не полюбить цирк?

Вообще, как оказывалось, в заведениях культуры я часто приходил в восторг совсем не от того, от чего следовало. Например, на «Коньке-Горбунке» в Кировском, восседая с дедушкой в «царской ложе», я все представление с гордым видом посматривал на людей, сидящих в других местах. Было у меня полное ощущение того, что являюсь я наследником царской короны Российской империи, а они – моими слугами и подданными. Дед оживлял меня, переводя внимание на сцену, но помогало это ненадолго, и я снова продолжал взирать на театральную публику взглядом царевича.

На «Лебедином озере» я не мог не восхищаться дамой средних лет, виртуозно владеющей веером. Сидела эта дама совсем недалеко от нас в ложе бельэтажа. Была она вся в белом и на руках у нее были белоснежные перчатки. Мастерски пользовалась она своим веером, да и в придачу к этому был у нее маленький изящный бинокль на особом стерженьке. У деда тоже был театральный бинокль, но сегодня он его не взял за ненадобностью. Пришла как будто эта дама в театр из другого времени. Сознаюсь, что веер ее, к большому неудовольствию деда, прочно завладел моим детским вниманием и на равных конкурировал с происходящим на сцене. Она так разительно отличалась от других женщин из обычной жизни, что смотрел я на нее во все глаза и с открытым ртом. Да и не я один. А дед лишь фыркал и покачивал головой в недоумении, видя, что опять я не смотрю на сцену. Даму же с веером одаривал он слегка презрительным и холодным взглядом.

– Манерная особа, да и со вкусом проблемы.

А я и не удивился совсем даже этому его мнению. Все у него совсем по-другому, если что-то мне нравится и привлекает внимание, то уж точно дед начнет фыркать и морщиться. Более того, этим же вечером правило это подтвердилось при самых комичных обстоятельствах. Находясь под ярким впечатлением от дамы в белом, я не очень умело наделал из бумаги около десяти штук вееров и, интуитивно понимая невозможность получить слова одобрения от деда, с восторгом и кажущимся мне изяществом демонстрировал их в действии бабушке. Мы смеялись и дурачились. Также выпросил я у бабушки и дедов военный бинокль, который был мощнее театрального. Махал я веером то на себя, то на бабушку и смотрел на нее в бинокль. Веселились и радовались мы от всей души.

Вдруг дверь в комнату нашу отворилась, и на пороге появился «его величество» дед собственной персоной. Быстро оценив содержание наших занятий, одарил он нас с бабушкой таким недоуменным и суровым взглядом, каким, вероятно, степной орел мог бы наградить своих непутевых птенцов, внезапно заявивших ему о переходе на вегетарианское питание.

– Что за мещанство вы здесь развели? Неужели обсуждению балета Чайковского должна сопутствовать такая вульгарная форма? Дед вышел из нашей комнаты в явном неудовольствии и демонстративно прикрыл за собой дверь. Мы переглянулись с бабушкой словно дети, которым внезапно влетело от родителей за прыганье по лужам. Было нам одновременно и смешно, и стыдно.

– Бабушка, а что такое мещанство, которое мы с тобой развели? Разве это так плохо?

– Мещанство – это поведение некультурных и необразованных людей.

– Этого не может быть! Та женщина с веером в Кировском театре была просто шикарной и выглядела очень культурной и образованной.

– Дедушке, наверное, все-таки видней, а твои поделки с биноклем давай-ка припрячем до поры до времени, чтобы не выводить его из себя.

Бабушка еще, по-видимому, не отошла окончательно от дедова выговора и явно пыталась следовать его замечанию во избежание возможных осложнений.

Нельзя сказать, что у деда не было чувства юмора, но понять простые детские игры и шалости он все же не мог и явно считал их «пустой затеей и тратой времени».

Вершиной же нашего мировоззренческого конфликта стало посещение Русского музея, когда после двухчасового похода по залам музея мы стояли возле памятника Пушкину на Площади Искусств и вели светскую беседу о мире прекрасного. Закончив свою культурную и высокопарную речь четверостишьем из творчества великого поэта, дедушка поинтересовался:

– Ну а теперь позволь полюбопытствовать, что из просмотренного сегодня тобой запомнилось и понравилось тебе больше всего? Не торопись и постарайся обосновать свое мнение.

Очень хотел я заслужить его похвалу и отличиться независимым и свежим взглядом на мир прекрасного. Говорил мне дед, что важнее всего иметь собственное и оригинальное суждение, но было это сделать непросто. Расхвалил ведь он уже передо мной все серьезные и значимые вещи музея, а повторять за ним – значит не иметь собственного и оригинального мнения. С другой же стороны, указывать на «незначимые» вещи – тоже дело рискованное. Можно получить обвинения в «дурном вкусе» и мещанстве.

Я уже готовился было рассказать деду про монументальные полотна Репина, Сурикова или Айвазовского, которые и в самом деле произвели на меня сильное впечатление, но тут совершенно случайно бросил взгляд на серую дворовую кошку, валяжно лежащую прямо под памятником Пушкину среди цветов. Кошка, не обращая ни малейшего внимания на происходящее кругом, с самым независимым видом облизывала себе лапы и зевала, как бы давая понять, что авторитетов из мира искусств она совершенно не признает. Она являлась для меня в этот момент живым олицетворением победы сил природы над холодной помпезностью рукотворных человеческих произведений. Заметив, что не только я один восторгаюсь поведением гордого и свободолюбивого животного, а даже и иностранные туристы и дети весело смеются и указывают на нее руками, я получил дополнительный ресурс к моему еще не до конца сформировавшемуся отношению. В последнюю минуту я окончательно забыл про картины и залы Русского музея и с искренним восторгом указал дедушке, ожидавшему от меня мнений об увиденном сегодня, на кошку.

– Дедушка, посмотри, какая великолепная кошка, какая она смелая и забавная!

Произнося эти слова, я смотрел на восхитившее меня животное и весело улыбался. Было мне радостно и свободно на душе. Но через какое-то время, не услышав дедовой реакции, я взглянул на него и понял, что произошло непоправимое.

Стоял он, не шелохнувшись, словно внезапно установленный на Площади Искусств второй памятник. Лишь только по его глазам, в которых читалась холодная грусть, переходящая в отчаяние, можно было понять, какое впечатление на него произвели сказанные мною слова. Я не решился прерывать его молчания и стал смиренно дожидаться своей участи.

– Неужели это все, что ты мог сказать??? Находясь в таком месте, после такого дня – и вдруг кошка! Это неслыханно, у меня нет слов!

Дед сокрушенно отмахнулся от меня рукой, развернулся и молча пошел по направлению к Невскому проспекту. Я безропотно поплелся за ним. Больше в этот день он со мной не заговаривал. Правда, иногда я ощущал на себе его тяжелый и изучающий взгляд. Похоже, он пытался определить для себя, насколько его внук безнадежен. Я же безропотно ушел в мифы древней Греции из дедовой библиотеки и провел за ними все оставшееся время. Моя детская интуиция подсказывала, что любые резкие телодвижения с моей стороны могли окончательно сделать меня безнадежным в его глазах. Я сидел на соседнем кресле в такой же позе «нога на ногу» и осторожно покачивал носком, призывая его последовать моему примеру. Дедова нога была неподвижна.

И, конечно же, эта история с кошкой стала всеобщим достоянием нашей семьи, более того, само слово «кошка» стало нарицательным и неоднократно использовалось дедом в качестве напоминания об уровне моего культурно-эстетического развития, когда его взгляды на мир искусства вступали в конфликт с моими. Справедливости ради нужно сказать, что в отличие от бабушки большинство взрослых выразило полное понимание моей реакции на кошку, жаль только, что это понимание было высказано ими мне с глаза на глаз, а не в присутствии моего грозного оппонента, с которым никто не хотел связываться и вступать в дискуссию.

Каждый день, вне зависимости от нашей культурной программы, мы с бабушкой отправлялись на прогулку в Приморский Парк Победы или ЦПКиО. Обязательной частью наших прогулок было кормление уток и лебедей, обитающих в водоемах как одного, так и другого парка. Бабушка с неизменным постоянством покупала четвертинку ржаного хлеба и на мои неоднократные призывы об увеличении птичьей хлебной нормы всегда отвечал примерно следующей фразой:

– Нечего их, проститутток, баловать, все им будет мало.

Примитивные водоплавающие существа, с оглушительным криком борющиеся за право первыми схватить в клюв кусочек ржаного хле-

ба, не могли оставить равнодушным даже бабушку, в глазах которого читался азарт спортивного болельщика, наблюдающего за выступлениями своих фаворитов в открытом поединке с противниками.

– Ты смотри, что выделывают проститутки этакие!

Неоднократно употребляемое бабушкой в адрес уток слово никак не могло найти перевода в моем детском лексиконе и требовало разъяснений. Веселость, активность и беззаботность – вот какие качества казались мне естественными для описания его смысла. Когда же дед в очередной раз стал именовать уток известным словом, я решил прояснить ситуацию и расставить все точки над «i».

– Дедушка, а кто такие проститутки?

Неожиданно вздрогнув, дед отвлекся от уток и посмотрел на меня как-то странно и изучающе. Последовала пауза.

– Это женщины особого типа. Падшие они! И довольно об этом.

Резким жестом руки он показал, что тема эта для дальнейшего обсуждения закрыта. Но совсем он даже и не прояснил ситуацию, а окончательно ее запутал, и вопросов у меня стало теперь даже больше чем ранее. Я решил, что следует внимательно понаблюдать за падающими и падшими на землю женщинами, чтобы подметить схожесть их с шаловливыми утками. Но на улице была осень, и редко кто мог оступиться и упасть, и пришлось мне перенести свои наблюдения до наступления гололеда.

По недоступной мне логике бабушка в дальнейшем больше не употребляла в адрес уток этого непонятного слова.

Правда, желание выгладеть образцово-культурным внуком в глазах деда все же меня снова скоро подвело. Случилось это так: после продолжительного телефонного разговора с кем-то из своих многочисленных подруг бабушка возбужденно вошла в комнату, где мы с дедом читали книги, и сообщила: «Петр, ты подумай, Ирина Матвеевна так неудачно упала, что теперь полгода будет в гипсе лежать». Дед, обычно мало проявлявший интерес к новостям из жизни бабушкиного окружения, нехотя оторвался от книги и с легкой тоской поглядел на нее. И тут внук, видя дедово неудовольствие, неожиданно пришел ему на помощь.

– Ишь ты, что выкинула проститутка этакая!

Мне казалось, что я произнес эту фразу с той же интонацией и выражением, как если бы сказал ее уткам дед. Я был доволен собой, но не мог не заметить повисшего в воздухе напряжения.

– Петр, это что же такое происходит? Саша, кто научил тебя такой гадости?

Бабушка, схватившись за щеки, порозовела и с беспомощностью переводила взгляд с деда на меня.

– Сашка, шельмец, марш из комнаты, живо! После поговорим!

Дед властно выкрикнул и указал на маршрут моего движения.

Я не понимал, что происходит, но чувствовал, что в чем-то виноват. Направляясь к выходу, я с радостью заметил, что носок дедовой ноги быстро покачивается. Значит, не все потеряно. Примерно через десять минут бабушка вышла от деда. Казалось, она еще не до конца отошла от смущения и странно на меня посматривала.

– Иди, он хочет с тобой говорить.

Дедова нога продолжала быстро раскачиваться, а сам он едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Ну и повеселил же ты меня, давно так весело не было. Хорошо, что бабка не поняла, откуда ноги растут! Скажу тебе так: насчет этой Ирины Матвеевны попал ты, что называется, не в бровь, а в глаз, сам того не подозревая. Недаром говорят: «Устами младенца глаголет истина». Вот только по форме ты переборщил. Не стоит так откровенно о людях говорить, особенно о знакомых. Не утки все ж, – дед засмеялся, но уже через несколько секунд в глазах его читался хорошо знакомый холод железной воли, и он продолжил уже совсем другим тоном, – и смотри, чтобы больше слов таких не употреблял. Выброси из головы и забудь, где услышал. Думаешь, не понял, на кого ты хотел сослаться. Больше повторять не буду.

2

Как-то в ходе разговоров бабушки с родителями прозвучало, что моя двоюродная сестренка из Москвы Танечка очень намучилась при посещении Эрмитажа, где она оказалась в обществе еще одного большого ценителя мира прекрасного из нашей семьи – ее отца и моего дяди. Дядя Юра работал архитектором в Москве и, попадая в Ленинград, не мог оставить без восторженного внимания его архитектуру, музеи и театры.

– Петр Ксенофонович, Санек, как я вам завижусь, что вы живете в таком потрясающем и великолепном городе.

Дядя Юра был человеком необычайно эмоциональным, искренним и прямым, и дедушка любил его, принимая его многократные дифирамбы в адрес нашего города с теплотой и явным удовольствием, тем более что высказывались они представителем столичной творческой интеллигенции, профессионально разбирающимся в предмете разговора. Но в тот раз дяде Юре за глаза досталось от бабушки.

– Вы только подумайте! Этот дурень протаскал семилетнего ребенка более четырех часов по музею и еще сокрушался, что из-за нее он не смог обойти все что хотел. Девочка была еле жива, а он и в ус не дул.

Бабушка была противоположностью дяде Юре и часто отпускала колкости в его адрес, считая, что ее красавица дочь могла в свое время рассчитывать и на более успешную партию, чем этот специфический грубиян-архитектор из Москвы. Да и разлучил он семью на два города, увез дочь в Москву.

Папа с мамой весело переглянулись. Нам всем была прекрасно известна особенность дяди Юры впадать в состояние эйфории под воздействием мира прекрасного, концентрация которого в Эрмитаже ввела его в состояние, когда время и внешние обстоятельства ушли на второй план вместе с моей двоюродной сестренкой. Танечка оказалась жертвой чрезмерной любви своего отца к искусству.

– Как бы передозировка Эрмитажем не вызвала у Таньки полного отвращения к музеям и выставкам, еще пара таких экскурсий, и Юра добьется этого результата.

Папа явно шутил, похоже, эта ситуация действительно его забавляла. Бедная Танечка представлялась мне чем-то вроде Пятачка из мультфильма про приключения Винни-Пуха, которого его большой и энергичный друг вечно таскал за собой, не считаясь с его желаниями, и втягивал в различные истории.

– К сожалению, серьезно повлиять на Юру способен только Петр Ксенофонович, но по музейным и культурным вопросам они, похоже, заодно, а Танечку действительно очень жаль.

Мама поставила четкий диагноз и дала всем понять, что в данном вопросе следует только уповать на здравомыслие незатейливого отца Тани, который, в сущности, ее очень любил и баловал. Данная история случилась прошлым летом и пришла на память мне потому, что дедушка объявил мне о предстоящем походе в Эрмитаж. По его мнению, я уже «созрел для такого визита». Вечером на всякий случай я попросил бабушку напомнить деду историю про Танечку и Эрмитаж, но она ответила категоричным отказом, считая, что лучше дедушки в подобных вопросах все равно никто не разбирается и давать ему советы бессмысленно.

И вот мы в музее. Эрмитаж действительно покорила меня своим величием и роскошью. Я с любопытством вертел головой по разным сторонам и держал дедушку за руку, опасаясь отстать и затеряться в многочисленных людских потоках, движущихся по непредсказуемым маршрутам. Отовсюду раздавались восторженные голоса посетителей, среди которых было много иностранцев. Нигде и никогда раньше мне не приходилось видеть такого большого количества иностранных туристов, и я непроизвольно проникнулся ощущением гордости за наш Эрмитаж, который смог собрать и объединить всех этих людей, приехавших в наш город из разных концов страны и мира.

Дедушка чувствовал себя здесь как рыба в воде и даже несколько раз помогал различным людям, отвечая на их вопросы. В глазах этих людей читались глубокое уважение, признательность и благодарность ему за ответы, и мне это очень нравилось. Гордился я им и относил признательность этих людей отчасти и на свой счет, ведь дед-то был мой. Шел он целенаправленно по каким-то ему одному известным маршрутам

и останавливался далеко не у всех экспонатов. Но остановившись, мог подолгу в них всматриваться и комментировать увиденное. Мне казалось, что в те минуты он был необычайно счастлив. Как будто какой-то неуловимый энергетический поток света переходил от картин к нему и заставлял этого холодного и рассудительного человека излучать такой силы внутренний свет, что его энергия начинала всей мощью воздействовать на ближайшее от него пространство, в котором находился и я – восьмилетний ребенок, практически ничего не понимающий в искусстве. И я действительно начинал проникаться душевными настроениями, хотя не все его суждения были мне близки и понятны. Да и люди некоторые, случайно вслушиваясь в его речи, начинали по-новому смотреть на картины, и лица их одухотворенно менялись.

Я был в некотором смущении от того обстоятельства, что многие живописные произведения откровенно изображали прекрасные обнаженные женские тела без какого-либо намека на стыд и неестественность со стороны их обладательниц. Художники как бы пели гимн естественной красоте человеческой природы в женском облике. И если я, получив по данному поводу некоторые пояснения от деда, все-таки не решался открыто смотреть на подобные картины и скульптуру, хотя в действительности именно этого и хотел, то дед мог продолжительное время изучать их без малейшей тени смущения.

У некоторых картин дедушка останавливался особенно подолгу.

– Это Мадонна с младенцем – шедевр гениального Леонардо Да Винчи – великого мастера эпохи Возрождения. Такие вещи, вне всякого сомнения, образуют сокровищницу мирового изобразительного искусства. Запомни навсегда имя этого художника и его картину.

Подобные разговоры шли и в других местах музея, но в память от того посещения более всего врезалась именно Мадонна с младенцем. Я стоял вплотную у картины и проникался сознанием того, что хотя это произведение существенно и уступает множеству других картин Эрмитажа по размеру и незатейливому сюжету, но именно эта вещь является подлинным мировым шедевром, и вопросы типа «почему» здесь совершенно неуместны. Оставалось только лишь принять истину, не требующую доказательств, и запомнить ее навсегда, что я благополучно и сделал.

Отголосок этого визита в Эрмитаж не заставил себя долго ждать и проявился самым неожиданным и трагикомичным образом. Вернувшись домой к семье по окончании каникул и начав снова посещать школу, я внезапно и всерьез заразился от школьных друзей тягой к собирательству марок. Короче говоря, мне пришло в голову твердое решение стать филателистом. У большинства ребят коллекции были довольно значительны, поскольку были унаследованы ими от родителей или собирались не первый год. У нас

же в семье никто не увлекался марками, и мне предстояло наверстывать отставание опережающими темпами. Я не хотел и не любил быть позади всех.

На карманные деньги я скупал в газетных ларьках «Союзпечати» практически все имеющиеся в их скудном ассортименте марки без разбора, лишь бы они были новыми для моей начинающейся коллекции. Чем-то удавалось обмениваться с ребятами, и я постепенно и медленно качественно улучшал свои марки. Но практически неменяющийся ассортимент в ларьках «Союзпечати» начинал вызывать у меня уныние из-за того, что дальнейшее развитие коллекции стало под вопросом.

Как подарок судьбы я расценил полученную от одного мальчишка на перемене «засекреченную» информацию о наличии в нашем районе специализированного магазина для филателистов. Я запомнил его точный адрес, номер троллейбуса, на котором можно было доехать до Филателии прямо от школы, и твердо решил в тот же день посетить ее. Радостно мне было еще и оттого, что за последнее время удалось скопить один рубль, который лежал у меня в кармане и грел душу. В силу новых обстоятельств мог этот рубль сослужить большую пользу его хозяину.

Очень ждал я в тот день окончания уроков, и вот, наконец, долгожданный звонок прозвенел. Сел я в троллейбус, проехал нужное количество остановок и оказался возле заветного места. В состоянии сильного эмоционального возбуждения, свойственного бывалым грибникам, напавшим после долгих безуспешных поисков на грибную поляну благородных грибов, я прочитал на магазине сладостное слово «ФИЛАТЕЛИЯ» и решительно бросился к деревянной двери, ведущей в заветный мир марок.

Но внутри меня ждало разочарование. Начавшееся с первой секунды тщательное обследование стоявших по периметру большого зала прилавков привело меня к неутешительным выводам, – заполнены они были канцелярской белибердой и прочей всякой всячиной, схожей с ассортиментом ларьков «Союзпечати». В зале этом не было ни малейшего намека на марки, и все во мне опустилось.

– Скажите, пожалуйста, а что – марки здесь не продаются? Не хотел я сдаваться и решил получить объяснение из первых рук от продавщицы магазина.

– Ты невнимателен, то, что тебе нужно, находится во втором зале нашего магазина.

В самом деле, в центре первого зала был какой-то проход с низким проемом, ошибочно принятый мной за подсобное помещение для работников магазина. Я ныряю в этот проход и понимаю, что достиг своей цели. Все стены и прилавки небольшого помещения изобилуют многочисленными предметами моего обожания – марками. О таком можно было лишь мечтать: различные по тематике, размерам, формам, цветам, странам происхождения и в таком огромном количе-

стве! Чувствую и понимаю, что счастлив, и дорога к этому счастью отныне навсегда для меня открыта. Даже воздух здесь необыкновенен и очень притягателен – особый и ни на что не похожий аромат марочного мира. Немногим отличаясь от запахов в обыкновенных канцелярских магазинах, он все же уникален и содержит какие-то свои особые и едва уловимые оттенки, связанные со свежей полиграфией, марочным клеем, альбомами и запахом гашеных марок.

Очень мне нравятся эти ароматы, и я жадно принохиваюсь и всматриваюсь во все, что меня окружает. Пользуясь своим небольшим ростом, я располагаюсь прямо возле прилавков и напряженно и внимательно изучаю ассортимент Филателии.

Сколько же денег пришлось выбросить на откровенную ерунду из «Союзпечати» и как бы онигодились мне сейчас, когда открылись такие потрясающие возможности. К сожалению, моего рубля категорически недостает даже на то, чтобы купить два набора вьетнамских беззубцовых марок с динозаврами, и мне предстоит сделать нелегкий выбор между хищными и травоядными ящерами.

Решив начать с хищников, я вернулся в первый зал, где была касса, и занял в нее очередь. Случайно кинув взгляд на одну из стен зала, я вздрогнул от неожиданности, словно меня ударило электрическим разрядом. Чего-чего, но этого я здесь никак не ожидал увидеть! Передо мной на стене скромного магазина в новостройках Ленинграда висел непревзойденный шедевр великого художника эпохи возрождения Леонардо Да Винчи – «Мадонна с младенцем». Картина была в натуральную величину, обрамлялась красивой золотой рамкой, и в правом нижнем углу было написано 10 руб. 50 коп.

Конечно, указанная сумма была для меня астрономически велика, поскольку более чем полтора рублями мне в своей жизни владеть никогда не приходилось, а на десятку можно было бы сделать мою марочную коллекцию чуть ли не лучшей в классе. Но с другой стороны, от бабушки я прочно усвоил истину, что картины из Эрмитажа бесценны. Бесценны в том смысле, что не имеют цены и не существует таких денег, за которые их можно купить. А в данном случае передо мной был самый что ни на есть шедевр, и я, «как каждый образованный человек», это твердо знал. И представилось мне, что напал я на золотую жилу, и только в силу того, что люди из новостроек редко бывают в Эрмитаже, не могут они догадаться, какое бесценное сокровище висит у них под боком и стоит десять пятьдесят.

На всякий случай я все же решил подстраховаться и поинтересовался у продавщицы магазина, в действительности ли картина у них на стене является мадонной Леонардо, и получил утвердительный ответ, сопровождаемый, как мне

показалось, слегка удивленным и изучающим взглядом с оттенком плохо скрытого восхищения. Как же трудно принимать решение, когда появляются такие фантастические варианты и возможности! Но запрашиваемой за картину суммы у меня все равно в наличии не было, а внезапно нахлынувшая любовь к искусству вносила сомнения в возможность исполнения моих изначальных помыслов и грозила их сорвать. После некоторых колебаний я все же принял рациональное решение действовать по первоначальному плану и приобрел – таки марки с изображением плотоядных динозавров.

Ощущение времени стерлось настолько, что с удивлением я заметил, как на улице заметно потемнело. Оказалось, что в Филателии провел я почти три часа, которые уплотнились в моем сознании в одно яркое и насыщенное мгновение детского счастья.

Дома, перекусив и быстро сделав уроки, я стал с нетерпением дожидаться возвращения родителей с работы. Мне хотелось непременно похвастаться перед ними результатами сегодняшней вылазки, и в случае удачных переговоров я рассчитывал, что в моей комнатке скоро будет висеть Мадонна с младенцем.

Сидя за ужином, я эмоционально и артистично делился с родителями своими впечатлениями.

– Вы представляете, в Филателии продается много картин из коллекций Эрмитажа и Русского музея, и там даже я обнаружил настоящий шедевр Леонардо Да Винчи.

– Да, все это здорово, чувствуется, что каникулы с дедом не прошли для тебя даром, ты даже еще не смог остыть после ваших музеев и театров, – папа засмеялся и многозначительно переглянулся с мамой, которая тоже начала улыбаться.

– Да, но я не сказал вам самого главного! Мадонна с младенцем в богатой золотой рамке там стоит всего десять с половиной рублей, а даже бабушка признает, что эта картина бесценна. Вот посмотрите, – и тут для большей убедительности я выложил на стол специально приготовленный для этого разговора буклетик по Эрмитажу, купленный мне бабушкой во время нашего похода в музей. Фотография картины с мадонной была на одном из первых мест, – так что я считаю, что нам обязательно нужно купить эту картину.

– Прочно же дед вбил в тебя свои искусствоведческие штучки, но я думаю, что даже и он не стал бы покупать такой картины, – папа по-прежнему продолжал улыбаться, но в последней его фразе прозвучали железные нотки, которые были не очень хорошим знаком.

– Послушайте, у меня осталось около пятидесяти копеек, так что для ровного счета остается заплатить только десять рублей, и мы – хозяйка бесценного шедевра, а если не верите, то можете уточнить у бабушки!

Родители дружно закончили улыбаться и в задумчивости смотрели на меня.

– Сашенька, сыночек, но ведь картина в этом магазине не настоящая, это просто репродукция, копия, печать с эрмитажной картины. Неужели ты этого не понимаешь и не видишь разницы? – мама подошла и погладила меня по голове.

– Так в том-то все и дело, что разницы никакой нет и невозможно понять, где картина из Филателии, а где из Эрмитажа, – я не хотел отступать, хотя слова репродукция и копия слегка поколебали мою внутреннюю твердость. Тем не менее, моя позиция базировалась на таком крепком фундаменте, как дедов авторитет, и новые факты для спора появлялись исходя из этого обстоятельства.

– Ну, допустим, но ты же, надеюсь, понимаешь, что наша квартира не музей, и высота потолков здесь всего два сорок пять? Где ты определяешь ей место?

– Конечно, в моей комнате, посередине стены, над моим диваном! Ведь это я нашел картину, и, значит, будет справедливо, если она будет висеть именно у меня.

Мы все переместились в детскую комнату и начали критически оценивать возможность реализации моего предложения.

– Пожалуй, большую глупость и представить трудно, – папа заразительно засмеялся, мама заулыбалась, – скажи, пожалуйста, как достойный приверженец своего деда, насколько гармонично будет выглядеть твой шедевр на фоне туповатых морячков в бескозырках и с флажками?

И здесь я впервые за сегодняшний вечер ощутил невозможность исполнения моей мечты. Пожалуй, даже «Девятый вал» Айвазовского выглядел бы на моих обоях не многим более уместным, чем Мадонна с младенцем. Глуповато-смешливые мордочки многочисленных морячков, активно размахивающих флажками, выражали абсолютный триумф здоровеньких и веселеньких человечков над всем, что не вписывается в их незамысловатый и примитивный мирок, в котором, вероятно, произведениям больших художников действительно трудно найти место. Как мне нравилось их рассматривать раньше и как они меня забавляли. Теперь же я их просто возненавидел. Глупые, тупые рожи!

Неожиданно мне вспомнилась та самая кошка возле памятника Пушкину, которая в свое время так оскорбила своим независимым видом дедушку. А ведь между ней и морячками было нечто объединяющее. Они были представителями первозданного материального мира, не обремененные всякими нагромождениями культуры, знаний, морали и комплексов, их жизнь представлялась мне вполне ясной и счастливой. Плевали все они на нас с Мадонной и младенцем, и мы были лишними в их мире. Мне было обидно, грустно, но как это не удивительно – немного смешно.

– Ну вот, видимо, ты и сам понял, почему мы с папой были против твоего предложения. Но в

любом случае, я очень рада, что ваше с дедушкой общение не проходит для тебя без результатов, – мама, поняв, что я нахожусь в трансе и готов отказаться от своего предложения, явно старалась вернуть мне душевное равновесие: она подошла и ласково потрепала меня по голове.

– Кстати, когда мне было чуть больше, чем тебе, я тоже не без влияния твоего деда начал собирать картины. Правда, не в натуральную величину, а в формате открыток, и если хочешь, на выходных я отыщу их, и мы с тобой их разберем по темам и художникам, – папа улыбнулся и вышел из комнаты.

В ближайшие дни я снова поехал в Филателию и как старый клиент магазина, твердо знающий, что ему нужно, без предварительных заходов сразу приобрел вторую серию вьетнамских марок с динозаврами. Я становился серьезным коллекционером в масштабе моего класса, и многие ребята с завистью и восторгом рассматривали моих динозавров, предлагая обменять их на марки, о которых несколькими днями ранее можно было только лишь мечтать. Я был непреклонен, и все предложения отвергал, поскольку, как оказалось, динозавры в Филателии скоро закончились, а новых больше не завозили.

Все же мне очень хотелось что-нибудь приобрести из коллекции Эрмитажа. Дискуссии о картинах с родителями были закрыты, и в голову мне пришла довольно оригинальная мысль обратить свое внимание на сувенирную коллекцию скифского золота из собраний музея, которой в свое время так восхищался дедушка. Жемчужной коллекции, конечно же, был золотой олень, который, как и Мадонна, занимал почетное место в буклете иллюстраций из собраний Эрмитажа. Сам олень мне был не по карману, поскольку стоил полтора рубля, мне же с моими девяноста копейками не оставалось ничего другого, как купить уменьшенного формата сувенир с тремя золотыми скифскими украшениями. Украшения эти, как мне казалось, очень были похожи на настоящее музейное золото и на клею прикреплялись к красной пластмассовой коробочке с прозрачной крышечкой.

Родители, по-моему, даже не придали значения моей покупке, посчитав ее пустой тратой денег. Но на их комплименты я не очень и рассчитывал! Знал я, кто оценит и похвалит меня!

В один из ближайших выходных дней, приехав к дедушке и бабушке на обед с родителями и моей младшей сестренкой Машенькой, я не преминул захватить с собой скифское золото в надежде услышать слова поддержки и одобрения от деда. С глазу на глаз, в сдержанной и интеллигентной манере попытался я поделиться с дедушкой историей про картину, объяснив ему, что все мои устремления и любовь к настоящему искусству были разбиты о стену родительского непонимания. И результатом этого непонимания стал отказ от первоначальных замыслов и покупка сувениров из коллекции скифского золота.

Обои с веселыми морячками сознательно не фигурировали при моем повествовании. Важно мне было общее дедово отношение к произошедшему, и не хотелось, чтобы мелкие и малозначимые детали изначально участвовали в формировании его мнения. Взял дедушка на короткое время протянутую коробочку с золотом скифов, поглядел и потряс ее в состоянии легкой задумчивости, а затем с легкой иронией отдал мне ее обратно.

– Ну и что же ты собираешься делать с этой, прости за выражение, безделушкой?

Как же мне было неприятно в эту минуту! Рассчитывал я, что он – мой единомышленник и, окажет мне свою авторитетную экспертную поддержку, а он не только не хвалит меня, но и называет «наше» с ним золото «безделушкой». Да это же почти предательство! Хотя я и сдерживаю себя, но эмоции меня уже начинают захватывать:

– Я собираюсь начать коллекционировать предметы из собраний Эрмитажа. Кстати, как ты, наверное, понял, я-то хотел как раз начать с картины, которой мы с тобой так восхищались в музее, но родители не хотят этого допускать! И поэтому, уж извини, приходится коллекционировать «безделушки», которые, по-моему, тебе тоже раньше очень нравились, – был я очень доволен произнесенной речью и видел ту легкую озадаченность деда, которая сменила неприятную для меня покровительственную иронию в тех вопросах, в которых я рассчитывал на его полную поддержку и солидарность.

– Но, милый ребенок, как это тебе не покажется неприятным, твои родители абсолютно правы, и по возникшему вопросу других мнений быть не может! Что же касается твоего восторженного отношения к собранию коллекций из Эрмитажа, то я этому рад, и это очень похвально, но ни в коей мере не означает, что нужно слепо стремиться наполнить свой дом и свою жизнь ширпотребовскими безделушками, отдающими откровенным мещанством.

Опять зазвучали эти высокопарные дедовы слоги и предложения, которыми изъясняться мог только он, и опять, в очередной раз, пусть и без категоричности, меня упрекают в мещанстве, которого я как раз пытался избежать, стараясь максимально следовать логике и вкусам этого сложного и труднопонимаемого человека. Но в том, как были сказаны эти слова, звучали интонации человека, глубоко мне сопереживающего, чувствующего полную ответственность за творящийся в моей душе хаос и пытающегося всеми доступными ему средствами дать мне необходимую долю душевной поддержки и тепла, которая так была мне необходима.

Мы молча стояли с дедушкой у окна в его комнате и с затаенной грустью смотрели на позднюю ноябрьскую Невку, несущую свои печальные темные и полные воды по направлению к заливу. Елагин остров под стать реке производил ощущение покинутости, унылости и покоя, раз-

бавляемого лишь изредка доносившимся раскатистым карканьем ворон. Дедушка мягко положил свою руку мне на плечо и продолжал хранить молчание: слова были ни к чему. Мне стало спокойно и хорошо на душе, и я был благодарен ему за то, что он так быстро, искренне и мирно помог мне разобраться с моими чувствами и переживаниями.

Нужно сказать, что дедушка всегда меня удивлял тем, что практически никогда не проявлял излишней чувствительности и теплоты во взаимоотношениях со своими домочадцами, вне зависимости от их возраста, и это обстоятельство очень его отличало от других взрослых. Более того, он даже с оттенком легкого высокомерия и непонимания сознательно избегал моментов, когда мама, папа или бабушка, усадив меня на колени, обнимали, целовали и тискали – подобные сцены он иронично именовал «сюсюканьем» над теленком в стаде.

Именно поэтому так необычно и здорово было ощущать руку деда на плече, и этот его жест, конечно же, выражал отношение совсем иного порядка, чем просто отношения между ближайшими родственниками, – в нем было ощущение зарождающейся духовной близости и единения. Такие мгновения были для меня очень редки, и тем сильнее проникался я глубокой признательностью к нему за это.

Юный политик

Если ты не интересуешься политикой, то она когда-нибудь заинтересует тебя. Примерно так звучала поговорка, популярная у советской интеллигенции во второй половине двадцатого века. И хотя услышал я эту половицу впервые только в студенческие годы, но интерес к политике у меня появился и прививался в семейном кругу еще с детсадовского возраста.

Совсем еще маленьким помню я первые свои ощущения. Проникаюсь я трагедией, постигшей чилийский народ, когда уничтожено было множество «благородных борцов-революционеров». Понял я, что эти борцы попытались построить у себя на родине справедливое и светлое общество наподобие нашего Советского Союза, но им этого сделать не дали и жестоко уничтожили. Я услышал необычное для моего детского уха слово «хунта», с которым обычно произносилось не менее странное – Пиночет.

Оказалось, что Пиночет этот – вооруженный до зубов генерал, который со своими головорезами–преспешниками не захотел, чтобы богатства страны были распределены по справедливости между всеми жителями Чили, и решил все забрать себе и хунте своей. Помню, как мама очень проникновенно и искренне переживала за смерть чилийских социалистов и доходчиво мне все объясняла:

– Сынок, ты подумай, какое чудовищное преступление! Убили Сальвадора Альенде – благородного и интеллигентного человека, который думал не о себе и не о богатых, а обо всех простых жителях своей страны! И эта фашистская хунта Пиночета, не считаясь с народом, расстреляла его и его товарищей без суда и следствия, а потом они захватили власть в стране.

Я смотрел на маму и чувствовал, что начинаю глубоко сопереживать судьбе чилийских социалистов, которых так жестоко убил фашист Пиночет. Слова же «фашист» было уже вполне достаточно, чтобы ненавидеть мне всей душой хунту эту. И еще я тогда ощущал гордость за свою страну, где революция победила царя и белых генералов и все устроено по справедливости.

Мама так искренне расстроилась из-за судьбы Альенде, что я, глядя на нее, даже заплакал. Она усадила меня на колени, прижала к себе и начала гладить по волосам, и из глаз ее тоже потекли слезинки. Так мы и сидели с ней, обнимаясь, плача и успокаивая друг друга.

Я понял, что за этой «гнусной политикой» стоит мировое зло во главе с Америкой. Тонка кишка у Америки и сил не хватает ей победить нас в равной борьбе, вот они и отыгрываются на маленьких странах. Что касается судьбы чилийских революционеров, то с радостью я узнал, что не все они были уничтожены Пиночетом. Близкий друг Сальвадора Альенде Луис Корвалан рано или поздно должен был выйти на свободу из суровых застенков хунты. И с нетерпением ждал я его освобождения. Когда же он вышел из тюрьмы и приехал в СССР, то я, наблюдая по телевизору за ним, был искренне разочарован его внешним видом и настроением. Невысокий, седоволосый человечек с несимпатичным индейским хитрым лицом, он вполне мог бы играть предателя-индейца в фильмах с участием Гойко Митича. Да и смотрел он на советских людей с оттенком плохо скрываемой неприязни или раздражения.

Надо же, какая несправедливость! Мы здесь за него переживали всей страной, расстраивались, а он не может даже выдать улыбку из себя благодарной улыбки и лишь смотрит на всех и вся недовольным индюком. Нет, не так должны выглядеть настоящие революционеры, чтобы противостоять Пиночету! Побеждать нужно силой и отвагой, а не коварством и хитростью! Поймал я себя даже на мысли тогда, что стал чувствовать меньшую неприязнь к главарю хунты.

Очень переживали мы с мамой и за судьбу вьетнамского народа, подвергнувшегося агрес-

сии со стороны вездесущей Америки. Как стыдно и подло большой стране нападать на маленькую и беззащитную только за то, что они хотят жить свободно и счастливо. Мне навсегда запомнился клич справедливого гнева советских людей, брошенный в адрес США: «Руки прочь от Вьетнама!» Представлялись мне огромные лапы злого американского великана Дяди Сэма, который сжимает горло и душит уступающего ему по всем качествам жителя Вьетнама. Я внимательно рассматривал политическую карту мира, висевшую у бабушки в квартире, сравнивал габариты стран и искренне переживал за вьетнамцев, которые выглядели в сравнении с Америкой, как крыловская Моська по отношению к слону. Ясное дело – шансов у Моськи никаких не было! Зато очень я радовался, глядя на карту, что наша страна, занимающая одну шестую часть суши, не по зубам ни одной из капстран, включая пресловутые США.

Недоумевал я и негодовал из-за Аляски, которая, со слов бабушки, раньше принадлежала нам, но потом была отдана Америке и осталась у них навсегда. Как можно было так разбазаривать землю, да еще и отдавать ее врагу? Даже я, советский маленький мальчик, понимал глупость и преступность таких действий царя.

Бабушка смог найти какие-то аргументы в защиту решения царя по Аляске, но мне они показались не очень убедительными. Ясное дело – раздавать земли проще намного, чем приращивать. Не дураки американцы, сразу и цапали. Да и золота там впоследствии много нашли, о чем я узнал позже из книжек Джека Лондона. Видел я собственными глазами на карте, что без Аляски нашей американцы выглядели бы намного меньше, чем теперь, и, следовательно, уже не позволяли бы вести себя так нагло и разнузданно с другими странами, уступающими им по размеру. Думал я просто: кто больше – тот сильнее и живется тому легче! Это нехитрое знание базировалось на моем детсадовском опыте. Пашка, превосходящий всех мальчишек нашей группы по росту минимум на полголовы, был настоящей грозой и авторитетом коллектива, и авторитет этот прочно базировался на его габаритах, силе и кулаках.

Счастье для мира, что есть мы – Советский Союз, и эти хулиганы–американцы вынуждены боязливо оглядываться на нас. Их проделки будут сходить им с рук только до поры до времени, но я знаю, что мы не будем вечно мириться с откровенным хамством и преступлениями, и если они не образумятся, то мы встанем на защиту малых и угнетенных стран.

Но что мог сделать я, чтобы помочь Вьетнаму? Не мог я оставаться в стороне! Помню, как ходил я с мамой за руку из детского сада и периодически громко выкрикивал, поднимая сжатый кулачок: «Руки прочь от Вьетнама!» Пыталась

мама с некоторым смущением меня успокоить, но я не хотел сдаваться и успокаиваться, потому что знал и чувствовал, что прав. Выкрикивал я свой клич снова и снова и смотрел на лица прохожих, пытаюсь увидеть в них знак понимания и поддержки.

– Какой у вас подкованный мальчик, настоящий молодец, так держать!

Шедший навстречу нам молодой офицер приятно наружности с портфелем в руке, остановившись, заулыбался и даже погладил меня по голове.

Ничего, пусть знают в нашей армии, что советский народ не желает мириться с трудной судьбой вьетнамцев. Мне особенно было приятно получить похвалу именно от военного, который не понаслышке знает об опасностях и вызовах для нашей Родины. В автобусах я любил громко петь «Катюшу», настраивая себя и окружающих на военно-патриотическую волну. Пожилые бабушки и дедушки всегда меня хвалили, но многие из них смеялись, несмотря на серьезность песни. Возможно, их смех был вызван моей картавостью, так как к логопеду я еще в то время не ходил и не мог произносить буквы «Р» и «Л».

В первом и во втором классах я с радостью отзывался на призыв учителей об оказании гуманитарной помощи вьетнамским детям. Я старательно собирал дома тетрадочки, резинки, линейки и ручки и, не колеблясь, передавал все учителям, ответственным за организацию сборов. Представлял я себе вымышленного мною мальчика Хо, названного в честь лидера вьетнамского народа Хо Ши Мина, и мне было очень приятно, что назло американцам, похитившим у него детство и школу, я могу попытаться хоть немного восстановить справедливость. Чуть позднее я также энергично участвовал и в сборе помощи для детей Никарагуа, где вездесущие американцы, не угомоняясь, вели активную подрывную деятельность, направленную на подавление Сандинистской революции. Моему никарагуанскому мальчику дал я имя Даниэль, в честь Даниэля Ортега – лидера революции.

Все-таки с Вьетнамом своим я однажды здорово переборщил, о чем понял по сокрушенному и смущенному маминому виду. Случилось это в Молдавии, где мы отдыхали вместе с папой. В то время по Союзу активно гастролировал аттракцион «Гонки по вертикали», и приехал он в то место, где мы жили. Суть шоу была следующая: внутри циркового купола находился большой металлический сетчатый шар, состоящий из двух половинок, которые соединялись и разъединялись в зависимости от траектории движения и скорости мотоциклиста, едущего внутри. Отважный гонщик на своем мотоцикле не боялся падений и гонял так отчаянно, что все зрители только ахали и покачивали головами от удивления.

И вот мы с мамой пришли на представление. Поскольку я был совсем еще небольшого роста,

то люди пропустили нас с мамой вперед, чтобы мы могли занять места прямо у нижней половины шара. Я встал на цыпочки, положил руки на края и стал оглядываться по сторонам в ожидании начала. Зрители громко галдели и обсуждали предстоящий аттракцион.

– Сашенька, убери, пожалуйста, руки, а то поедет мотоцикл и может тебе на них наехать, – мама улыбнулась и погладила меня по голове.

Мамино слово – закон. Повиновался я ей сразу же, но в то же время обратил внимание, что стоявшие рядом с нами зрители не хотят убирать своих рук с края опоры, словно мамино предостережение даже не приходит к ним в головы.

Я вертел головой в ожидании начала, а руки машинально сами собой ложились на прежнее место. После третьего замечания мама сказала: «Если ты не убережешь, наконец, руки прочь, то я буду по ним бить». И мама легонько меня шлепнула по пальцам. Мне стало обидно! Ведь никому не делали замечаний, кроме меня, и никто не убирал своих рук! Но вдруг произнесенные ею слова совершенно отчетливо всплыли в моей памяти и конечно в связи с Вьетнамом! «Руки прочь от Вьетнама!» Не знаю, какой бес в меня тогда вселился, только я сразу же принял воинственный вид и обрушил на нашего взрослого соседа, стоявшего слева, всю свою пятилетнюю мощь:

– Руки прочь от Вьетнама! – крикнул я громко и решительно и хлопнул его по лежащим не на месте рукам. Сосед тут же в недоумении убрал руки, и это меня окрылило. Пользуясь своим маленьким ростом, я вырвался от растерявшейся мамы и проскальзывал между взрослыми, ударяя по рукам тех, кто держал их в запрещенной мамой месте. Каждый мой удар, достигая цели, сопровождался громким и грозным кличем: «Руки прочь от Вьетнама», а застигнутые врасплох жертвы, не понимая, что происходит, переводили свои вопросительные взгляды с меня на маму, желая получить от нее объяснения в происходящем.

– Саша, что ты делаешь, немедленно прекрати! – мама в смущении схватила за порозовевшее лицо, но осознав, что не может до меня добраться, принялась извиняться перед пострадавшими соседями. Успел я хлопнуть тогда по рукам четырех человек, после чего под веселые возгласы был все-таки остановлен и возвращен обратно к маме.

Зато вся нереализованная мной доселе обида и неприязнь к американским агрессорам нашла свой выход на непослушных посетителях шоу. Ей-богу, мне почему-то взбрело в голову, что руки этих случайных людей – именно те конкретные руки, которые отвечают за американскую агрессию против вьетнамцев, и я решительно бросился на борьбу со злом.

– И что тебе взбрело в голову, причем здесь эти люди? – мама никак не могла понять, почему ее сынок решил назначить виновными за американские преступления во Вьетнаме жителей Советской Молдавии.

Да и сам я терялся в объяснениях, но один козырь у меня все же был на руках, и я его без промедления выложил:

– Ну, хорошо, пусть они ни в чем не виноваты, но ведь ты сама обещала бить по рукам, если я тебя не буду слушаться. Чем эти непослушные люди лучше меня? Мама молча улыбнулась и слегка потрепала меня за ухо.

В год олимпиады 1980 года возмущался я все теми же американцами и их союзниками, отказавшимися приехать к нам в Москву. Не устраивает их, видите ли, то обстоятельство, что мы оказываем «дружественному афганскому народу братскую интернациональную помощь» по его же просьбе. Эти мерзавцы развязывают гонку вооружений, разворачивают свои военные базы по всему миру, вторгаются на территории государств, желающих идти по пути социализма, и подло объявляют мою страну «империей зла». Но и этого им мало. Даже мне – школьнику младших классов – хорошо известно из истории, что на время проведения олимпиад разногласия и войны прекращались и все участники сходились на спортивных соревнованиях для выявления победителей. А эти обороты опять мутят воду и настраивают против нас другие страны.

В этом же году папа, видя мой интерес к международной политике, принес мне информационный сборник «Страны мира-1980», и я углубился в его изучение. Интересовался я всем подряд: названиями столиц, историей и государственными языками, политическим строем и действующими партиями. Но больше всего меня занимали демографические вопросы. Очень я был доволен, что помимо размера территории мы – Советский Союз – превосходим США по численности населения. Пусть это превосходство было и не столь очевидным, как в случае с площадью территории, но все равно, два-ноль в нашу пользу.

От папы я подробно узнал о составе стран-участников, входящих в блоки НАТО и Варшавского договора, и внимательно складывал миллионы жителей, входящих в противоборствующие лагеря. Здесь картина получалась уже не столь для нас радостной: население большинства стран наших восточно-европейских друзей, таких как ГДР, Венгрия, Болгария и Чехословакия, колебалось в диапазоне между восемью и пятнадцатью миллионами человек, и лишь только Румыния с Польшей выглядели более-менее солидно на их фоне. Но такие американские подпевалы, как Италия, Англия, Франция и ФРГ, с населением от пятидесяти миллионов и больше, уже в два раза превосходили наших европейских союзников. А были еще Испания и Турция и прочие малые страны, которые все вместе в буквальном смысле могли бы положить наших друзей на лопатки за счет количественного превосходства в живой силе. Их счастье, что есть, кому за них заступиться. Осознав, что перевес человеческих сил складывается явно не в нашу пользу, я по

собственной инициативе начал включать в блок стран Варшавского договора такие страны, как Монголия, Куба, Вьетнам и Северная Корея. Несмотря на солидные размеры, Монголия со своим полутораmillionным населением вызывала у меня только вздохи разочарования. Такая огромная территория, а почему там так мало монголов? Но социалистический Вьетнам, закаленный в боях с агрессором и наконец-то прогнавший его за океан, с его многомиллионным населением меня очень порадовал.

– Папа, как ты считаешь, могу ли я отнести к нашему блоку Афганистан? Ведь мы все-таки им очень помогаем, и я думаю, что в случае чего они должны воевать на нашей стороне, тем более что в справочнике указывается о том, что там живет много таджиков и узбеков, а это почти что советские граждане.

Очень мне были нужны эти обоснованные миллионы афганцев для расчетов, и я с надеждой уставился на отца. Представлялись мне афганцы ловкими и отважными джигитами на конях, похожими на Саида из «Белого солнца пустыни». Такая отважная конница нам очень бы пригодилась в боях с избалованными американцами.

– Ты, похоже, не на шутку решил устроить сухопутную схватку, без согласия на то сторон, – папа внимательно посмотрел на меня и засмеялся.

– Послушай, я не понимаю твоего веселья! Ведь если кто-нибудь из них решит на нас или наших друзей напасть, мы должны четко знать, хватит ли у нас сил дать им отпор! – задел я был ироничностью папиного тона, и поэтому решил его немного пристыдить и повесить у него сознательность, поставив разговор на серьезные рельсы.

– Понял тебя, вопрос действительно серьезный, но с афганцами дела обстоят не так однозначно, – папа в легкой задумчивости почесал за ухом, – вот где пригодился бы Китай, но с этими ребятами не знаешь чего ждать!

Коммунистический Китай, действительно, мог бы в одиночку опрокинуть всех наших врагов. Даже еще совсем маленьким я помнил, как бабушка говорила, что Китай в случае чего сможет «забросать всех нас шапками». Еще мне говорили, что отношения с ними раньше были прекрасными, и на улицах Ленинграда и Москвы то и дело раздавался стук китайских деревянных башмаков, но потом из-за чего-то мы повздорили, и поговорка «Русский с китайцем – братья на век» потеряла свою актуальность.

Вскоре я был вынужден все-таки приостановить мои демографические исследования из-за нечеткой и несознательной позиции некоторых наших союзников. О чем тут можно было говорить, если даже Польша совершила удар ниже пояса! Подрывная деятельность польской «Солидарности» вообще поставила под сомнение единство стран нашего социалистического блока, по иронии носящего имя польской столицы.

Как насмешку я расценил то обстоятельство, что самые большие темпы рождаемости наблюдались не где-нибудь, а в Монголии. О чем они только раньше думали?

Дедушка меня немного успокаивал и объяснял, что в современном мире все зависит от ядерного потенциала и вооружения, с которым у нас было все в порядке. Самолеты, танки, подводные лодки, – по этим позициям, как я понял, мы даже опережали американцев.

– Только больно уж изматывает нашу экономику эта гонка вооружений, – дедушка сокрушенно помотал головой, дав мне понять, что победа в этом соревновании любой ценой далеко небесспорна.

Но ничего не поделаешь, кто-то ведь должен взять на себя ответственность за торжество мира и справедливости на земле, и если эта почетная миссия принадлежит моей стране, то ничего, кроме гордости я не испытываю. Пусть, листая журнал «Америка», я сожалею, что по нашим улицам не ездят такие, как у них, автомобили, у нас нет небоскребов и красивой одежды, и живем мы далеко не в таких роскошных квартирах и домах, как они, но все равно – это наш путь и иначе мы не можем! Не для того мы в войне побеждали, чтобы потом спускать кому-нибудь мелкие пакости!

Даже «Голос Америки», который мы с папой или дедушкой иногда слушали, вызывал у меня только раздражение, хотя со многими вещами мы соглашались. Однажды я там услышал, что Советский Союз – это полунищия, развивающаяся страна, где люди чуть ли не голодают и вынуждены ютиться в крохотных клетушках. Голос ведущего сквозил высокомерием и неприязнью к нам и нашей стране. Мне это крайне не понравилось, и я больше никогда не слушал это радио.

Но не стоит думать, что будучи маленьким мальчиком я интересовался исключительно международной политикой. Мама мне всегда читала много книг о Ленине, и они были одними из самых любимых. Я рассматривал картинки и фотографии откуда на меня смотрели добрые и очень умные глаза. Совсем не геройской внешности, он вполне бы мог быть учителем, доктором или профессором, ведя спокойную и сытую жизнь. Но выбрал он сложный и опасный путь революционера, думая не только о себе, но и о всех жителях дореволюционной России, живших в тяжелых и угнетенных условиях. В Музее революции я однажды не смог удержаться и даже заплакал, после того как мама показала мне красные крестики от пуль на пальто Ленина. Эсерка Каплан стреляла в него из пистолета. Очень мне было жалко его!

Переживал я и за судьбу Александра Ульянова – брата Владимира Ильича. Старший брат – тоже революционер, был казнен царским режимом, но Ленин не испугался и продолжил дело брата. «Мы пойдем другим путем» и «из искры разгорится пламя» – я навсегда запомнил эти ленинские фразы.

Однажды из-за этой искры я чуть было серьезно не пострадал. Слава богу, что тогда все обошлось, но могла произойти настоящая трагедия. Дело было так: мне примерно шесть лет, моей двоюродной сестренке Танечке – пять, мы на даче в Зеленогорске, и родители уложили нас спать после обеда. Спать совершенно не хотелось, и принялись мы болтать на разные темы, пользуясь тем, что одни в комнате. Взрослые занимались своими делами на улице, и нам никто не мешал. Сначала мы смеялись и прыгали на пружинных кроватях, потом я схватил книгу о Ленине с прикроватной тумбочки и решил похвастаться своими знаниями о его жизни перед сестрой. Очень любил я показывать ей свою образованность и начитанность, и всегда была она моей благодарной слушательницей и последовательницей, восторгающейся многогранными знаниями. Залезла Танечка ко мне на кровать, и я принялся листать страницы, показывая ей картинки и комментируя их.

С открытым от восхищения ртом она внимательно проглатывала все, что мне приходило на ум:

– А знаешь, Танечка, как называлась газета, которую выпускал дедушка Ленин? – увидев, что сестренка безропотно внемлет каждому моему слову, я на правах политинформатора принялся за ее просвещение, – она называлась «Искра» и делать ее было очень опасно, так как царская полиция в любой момент могла разделаться с революционерами.

– Какой ты умный, Сашенька, а почему она называлась «Искра»?

– Это дедушка Ленин так ее назвал. Он сказал, что из искры разгорится пламя, а деятельность газеты перерастет в революцию. Сидели мы с Таней и разговаривали вполголоса, чтобы взрослые случайно не услышали наших разговоров и не догадались, что мы не спим. В комнате было довольно темно из-за задернутых занавесок, и мне даже начало казаться, что мы с Танькой настоящие борцы–революционеры и находимся на каком-то особом подпольном положении.

– А сейчас в нашей стране для школьников издается газета «Ленинские искры», названная так в честь «Искры», и когда я пойду в школу, я обязательно буду ее читать.

– Я тоже буду ее читать, только через два года. – Таня немножко даже расстроилась из-за сроков ожидания и завистливо на меня посмотрела.

Очень мне захотелось успокоить сестренку и совершить перед ней какой-нибудь особый героический поступок, свидетельствующий о том, что я настоящий юный ленинец. И вдруг идея, подкупающая своей оригинальностью, неожиданно быстро появилась у меня в голове.

– Давай добывать «ленинские искры», мы уже не маленькие!

– Давай, Сашенька, а как это сделать? – Таня, захваченная моим энтузиазмом, заметно оживилась.

– Я замечал, что когда из розетки быстро вынимаешь шнур лампы, то оттуда летят искры. Вот эти искры я и предлагаю добывать. Это и есть самые настоящие «ленинские искры».

– Здорово! Только лампы в нашей комнате сейчас нет, она, наверное, находится на веранде, а там дедушка.

– Ничего, мы с тобой обязаны придумать что-нибудь другое! Главное, чтобы можно было захихнуть в розетку какие-то железячки!

Не смутили меня возникшие сложности и добавили даже мне находчивости. Осмотрев быстро комнату, я принял нестандартное и смелое решение.

носил из «Метрополя» для домашних торт, который всегда водружался им в раскрытом виде в центре обеденного стола в гостиной. После этого действия он удалялся в свою комнату, переодевался, просматривал и разбирал почту, ученические тетради и готовился к обеду, а женщины начинали активно хлопотать и суетиться на кухне, заканчивая последние приготовления перед выносом блюд. Не дай им бог задержать обед или подать что-то не в рамках заранее оговоренного и утвержденного им меню! Никаких криков и ругани не будет, он просто фыркнет и посмотрит на них своим особым хлестким взглядом, чего окажется вполне достаточно, чтобы вызвать у «провинившихся» домочадцев дискомфорт и чувство собственной неполноценности на долгое время. В этих его жестах нет ни высокомерия, ни злости, ни обиды, он просто всегда и во всем следует заведенному порядку, и если что-то в этом порядке нарушается, то все его существо протестует и начинает исправлять ситуацию. Все кроме папы были при деле, и он в одиночестве стоял в гостиной, смотря на излюбленное лакомство, расположенное в центре стола. Он знал, что дед всегда педантично делит торт на равные части и никогда не делает ни для кого исключений и скидок на возраст. Старшая папина сестренка Аля к сладкому относилась почти равнодушно, а сам он на свою беду был страшным сладкоежкой и буквально мучился, истекая слюной в преддверии послеобеденной порции торта. Но мучился он еще и по другой причине. Несколько недель назад он начал потихоньку подворовывать кусочки торта, откусывая и слизывая языком небольшие слои кремовых и шоколадных башенок, цветков и других фигурок, расположенных сверху.

Все бы ничего, но в последние два раза за столом начали обращать внимание и удивляться прогрессирующей скромности некогда стабильно пышного фирменного кондитерского изделия. И хотя тогда все списали на трюки торговли, папа все же из чувства самосохранения догадывался, что зарываться и дергать тигра за усы – дело опасное.

Он в нерешительности стоял возле торта, мучился, смотря на него, и облизывался. Но любовь к сладкому все же оказалась сильнее и постепенно начала побеждать волю и разум. Он осторож-

но оглянулся вокруг, прислушался к звукам и, не обнаружив ничего подозрительного, принялся за ювелирное слизывание вкусовости с поверхности торта. В этот раз он решил не терять благоразумия и сознательно хотел подсократить свои аппетиты. Все шло хорошо и вкусно, но вдруг чья-то ладонь резко опустилась сзади на его голову и с силой вдавила ее в торт. Крем, бисквит, шоколад, смешиваясь, облепляли папины лоб, нос, губы, глаза. Он понял, кто его держит, и не на шутку испугался. Воздуха уже начинало не хватать, но все попытки выбраться из торта пресекались железной рукой, ни на секунду не ослабевавшей хватку. Он напрягал все силы, чтобы выбраться из торта, пытался кричать, но ничего не получалось. Им завладела паника. Вдруг железная рука ослабла, ладонь легла на шею и, сильно сжав пальцы, стремительно вытянула голову из злополучного торта.

– Сегодня пришлось пожертвовать сладким, чтобы вывести раз и навсегда в нашей квартире крысу, – дед брезгливо одернул руку от своего сына, картинно вытер ее о салфетку и принялся испепелять его суровым холодным взглядом. Вышедшие на шум из кухни папины мама, бабушка и сестра со смешанными чувствами взирали за происходящим.

Папа захныкал, из его глаз побежали слезы стыда и жалости к себе, и даже их слегка сладкий кремовый вкус ни на градус не мог повысить настроения и уменьшить страха. Низко склонив голову, он облизывался, хлопал носом, вытирал ладонями остатки торта с лица, но больше всего на свете он боялся поднять голову и взглянуть в глаза своему отцу. Ему казалось, что дедовы глаза в эти минуты источают гром и молнии, и стоит только лишь в них взглянуть, как он потеряет дар речи или превратится в каменную статую, наподобие статуй тех греков, которые в свое время так смело смотрели в лицо Медузе Горгоне.

– Надеюсь, это будет тебе уроком на всю жизнь. Ты лишаешься сладкого на две недели и обеда на сегодня.

Приговор прозвучал, и никто не собирался его оспаривать. Всем было известно, что любые споры и уговоры могут только осложнить судьбу виновного.

– А теперь выброси эту гадость, умойся и отправляйся к себе. Папа безропотно взял остатки торта и направился в сторону мусорного ведра. Как хотелось ему проглотить эту «гадость» и как мучился он, выбрасывая остатки торта! В это время в Ленинграде как нигде еще были живы воспоминания горожан об ужасах голодной блокады, торты же с пирожными воспринимались как нечто пришедшее из совершенно другого сказочного и благополучного мира. Да и сам дед, находясь в блокадном офицерском госпитале с тяжелой степенью дистрофии, выжил только благодаря тому, что смог выиграть в карты у соседа по палате Сульфедин – недавно появившееся американское лекарство для лечения дистрофии. Карт он никогда не любил и в тот раз иг-

рал чуть ли не в первый раз в жизни, поставив все свои деньги против заветного лекарства. Если бы он не уцепился за этот шанс, то деньги скоро бы утратили свою силу – мертвым они ни к чему. Он сыграл только один раз, выиграл и выжил. И, несмотря на все это, он, не моргнув глазом, единолично предпочитает избавиться от покаленного деликатеса, не рассматривая даже вариантов по его спасению. Папа выбрасывает торт, умывается и отправляется к себе в комнату, а дед, как ни в чем не бывало, вешает себе за воротничок салфетку, усаживается на свое место и с аппетитом начинает есть уху. Он как всегда спокоен, сдержан и знает, чего хочет.

Помню, как мучился и переживал отец, когда позволил себе однажды занять резко отличную от деда принципиальную позицию. Самого повода уже припомнить не могу, да это и неважно. Историй подобного плана хватало. Дед отказался общаться со своим сыном и адресовал ему письмо, после которого папа в буквальном смысле места себе не находил. В длинном письме дед именовал сына «Милостивым государем», обращался к нему на «вы» и вновь в категорической и резкой форме осуждал его позицию. Папа, которому уже перевалило за сорок, дрожащим от обиды голосом перечитывал матери отрывки из письма и с трудом сдерживал себя, чтобы не разрыдаться в присутствии жены и детей.

– Ира, я не представляю, что теперь делать, может быть, начать выплачивать ему деньги за мое детское содержание?

Папа был очень растерян и напоминал мне ребенка, которого несправедливо наказали взрослые в воспитательных целях. Он не раз звонил деду и даже порывался приехать к нему в квартиру на Крестовский, чтобы объяснить и расставить все точки над «i», но дед холодно и жестко обрывал все эти попытки. Никто не мог повлиять на него и разрешить конфликт. Бабушка тоже была бессильна, дед даже не отрывался от своих книг или газет, когда она в очередной раз робко просила подойти его к телефону для разговора с сыном. Спустя пару недель дед сам позвонил отцу и, словно ничего не произошло, заявил, что ожидает всю нашу семью в ближайшие выходные на обед. Папиной радости не было предела, как будто все горы мира свалились с его плеч. Забыв все обиды и разногласия, он так и сыпал дифирамбами в адрес своего отца.

– Ира, ты подумай, какая воля, выдержка, характер!

– Гибкости бы еще только Петру Ксенофоновичу добавить! – с многозначительной улыбкой добавила мама.

Мне было очень приятно и радостно за всех нас, словно по взмаху волшебной палочки все встало на свои места. Но особенно забавляла меня позиция папы, который еще недавно волю, выдержку и характер деда называл не иначе как «самодурством», а самого обладателя железной воли соответственно «самодуром».

Нас с Танькой дед дрессировал по всем случаям жизни. Особенно доставалось нам летом на даче в Зеленогорске. Каждый день мы писали изложения и сочинения, учили басни и стихи, участвовали в спортивных соревнованиях. Как это ни смешно, но труднее всего мне давались деловые задания по физкультуре, и мучил меня он основательно.

В школе я не мог похвастаться выдающимися спортивными результатами, но был все же в числе середнячков. А здесь рядом с Танькой я превратился в чистого неудачника. Еще бы, ведь она там у себя в Москве – балерина, ученица хореографического училища, которая прыгает, бегают и стоит у станка целыми днями. Насколько ей трудно даются стихи и изложения, настолько же просто она выполняет все его спортивные нормы и задания. По всем видам она меня опережает. Дед очень доволен Таней и постоянно ропщет на меня.

– Мужчины должны всегда опережать женщин. Непозволительно уступать им. Ты не должен уступать девочке и сдаваться. Никакие мои аргументы не помогли. Я говорил ему, что Танька – не какая-то абстрактная девчонка, а конкретная балерина, прыгающая как кузнечик, и что весит она в силу своего профессионального призвания килограмм на пятнадцать, а то и двадцать меньше меня, и поэтому она легка как пушинка. Дед был абсолютно глух к моим доводам. Он вновь и вновь требовал, чтобы я прыгал в длину с места с линии, а затем с первой и со второй ступенек верандного крыльца. Сам он исполнял роль тренера и каждый раз делал засечки специально изготовленным тонким прутом. Я старался изо всех сил, и даже какие-то мои предыдущие достижения иногда удавалось немного улучшить, но до Таньки мне было далеко. Она сидела на верхних ступенях верандного крыльечка, радовалась, что дед от нее отстал и, ковыряя в носу, грезил о своих балетных делах, равнодушно взирая на мои усилия.

– Ты не должен сдаваться, напряги волю. Борись изо всех сил. Все мои надежды рушились, когда дед изредка призывал Таню к линии. Сестренка отталкивалась своими длинными ногами и летела по какой-то диковинной немислимой траектории, напоминая то ли кузнечика, то ли лягушку. Даже не стараясь, она легко перепрыгивала все мои рекорды. Я был в отчаянии. Ну неужели ему неочевидно, что мне ее никогда не догнать? Да.., скорее Таня пожалеет меня и станет хуже прыгать, чем дед успокоится.

Но у сестры плохо прыгать не получалось, а дед действительно не унимался. Он даже звонил кому-то из своих бывших коллег – журналистов из спортивного отдела «Ленинградской правды» и профессионально консультировался по моему поводу. Его интересовало все: прыжковая техника, спортивная диета, психология.

На меня он действовал, как, вероятно, удав действует на кролика. Я воспринимал его как

неизбежную реальность, с которой нужно смириться. Впрочем, немного утешало, что примерно в такой же ситуации были и другие члены нашей семьи, а редкие бунты нещадно и жестко подавлялись «железным тираном». У меня не было никаких шансов, и я прыгал, прыгал и прыгал...

В беге дела были ненамного лучше, но там мне все-таки удалось немного схитрить и договориться с Танькой, чтобы она бежала не изо всех сил. В противном случае она «уничтожила» бы меня своими семимильными порхающими прыжками.

Дед начал жестко контролировать мою диету и резко сократил хлебную норму. Нигде проходу от него не было. Под сокращение или исключение попали и другие виды продуктов и готовых блюд. Я начал ощущать себя жителем блокадного Ленинграда, взятого немцами в кольцо. Не зная, чем это все может закончиться, я по собственной воле практически полностью отказался от потребления хлеба, а сэкономленные кусочки откладывал «на черный день» в специально заведенную коробку.

Видимо, я сам себя загнал до такой степени, что однажды на заливе чуть не потерял сознание после купания. Даже посторонние люди обратили внимание на мою бледность и предложили свою помощь. Понятно, что в такой ситуации спортивные результаты у меня не росли. Я был в отчаянии и только лишь и мечтал, чтобы дед наконец-то потерял ко мне интерес как к прыгуну.

Я хитрил и в отместку ставил эксперименты над своим грозным оппонентом. Зная его слабости, я играл на них. На мое счастье, этот железный человек действительно имел слабости. Когда мне совсем становилось неважно от прыжков, я, пытаясь его отвлечь, сознательно переводил разговор на литературные темы, и тогда спорт для него быстро переставал существовать. Впрочем, все зависело от качества вопроса, и иногда он не велся на мои провокации, удастая меня лишь короткими отговорками и снисходительными усмешками. На мое счастье, дед был бывшим учителем литературы, а не физкультурником и в большинстве случаев легко велся на подобные уловки.

Когда же он начинал говорить о литературе или искусстве, все его существо как бы озарялось изнутри светом добра и любви, и он перевоплощался в совершенно другого человека, не имеющего ничего общего со своим холодным и рассудочным двойником. Как будто глухие двери стального непробиваемого броневика раскрывались, и оттуда выходил подлинный человек, освещающий своим мощным внутренним светом любви все ближайшее пространство. Сила любви этого сложного и непонятного человека к литературе не знала границ. Он мог продолжительное время с восторгом рассказывать о своем книжном мире и литературных героях. Весь педантизм его куда-то испарялся, и он оживал и

раскрывался прямо на моих глазах. Словно бутон розового куста, дождавшегося своего часа, связанного с приходом солнца, он открывался в истинной красоте человеческой души и невольно зачаровывал меня, вызывая восхищение. Говорил он убежденно и пламенно, глаза его сияли счастьем. Мне казалось, что он был искренне рад и благодарен мне за мои «литературные трюки», которые давали ему возможность оторваться от прозы однообразной дачной жизни курортников. Я смотрел на него и ловил себя на мысли, что несмотря ни на что я очень люблю своего деда. Именно этот человек, не имеющий ничего общего «с железным самодуром», и есть мой настоящий дедушка.

Но вдруг он неожиданно смотрит на часы, его глаза холодеют, и он отсылает меня на кухню напомнить бабушке, что через четверть часа обед. Я поражаюсь стремительной перемене. Сам он, взяв полотенце и радиоприемник «VEF», выходит на улицу и направляется к умывальнику. Ни тени от еще недавнего одухотворения в его облике уже нет, он опять залез в свой броневик и превратился в стальную машину, не знающую слабых мест.

Хотя дед и предпочитал принимать пищу с комфортом в гордом одиночестве, но часто любил приставать к нам с Танькой, делая замечания по вопросам столового этикета. Будучи любителем «яйца в мешочек», он никогда не доверял бабушке приготовления этого несложного блюда и всегда самостоятельно контролировал процесс варки, сверяя время по секундной стрелке своих часов.

Однажды он поставил над нами эксперимент: на стол легло блюдце с тремя только что сваренными яйцами, одно из которых было с трещиной.

– Дети, возьмите себе по яйцу.

Наши руки потянулись, и мы без задних мыслей взяли неповрежденные яйца. Я уже было приготовился расправиться со своей нехитрой трапезой, но через несколько секунд чуть не выронил яйцо из рук и не потерял дара речи. Дед с железными нотками в голосе выпалил:

– Ответьте, почему вы взяли именно эти яйца?

Мы, не сговариваясь, пооткрывали рты, не понимая, что происходит. Пауза затягивалась, а дед буквально пожирал и морозил нас своим немержкующим фирменным взглядом.

– Вы могли взять треснувшие яйца, но вы этого не сделали, почему? Отвечайте!

Я почувствовал себя, как на допросе у немцев. Главное было не сболтнуть лишнего.

– Вы повели себя как последние эгоисты! Воспитанные и интеллигентные люди никогда бы так не поступили! Скверно думать только о себе и игнорировать интересы ваших соседей по столу. Почему вы молчите? Что вы на это можете сказать?

Дедов ледяной холод и сила переворачивали мое нутро. Больше отмалчиваться было нельзя. На Таньку надежды не было никакой. Она сми-

ренно сидела с открытым ртом и готова была за реветь. Я решил.

– Мы не подумали и взяли первые попавшиеся яйца. Для убедительности я вернул свое яйцо на блюде к злополучному треснувшему собрату. Таня последовала моему примеру и доукомплектвала трио.

– Неправда, вы подумали. Возьмите свои яйца обратно.

– Но ведь воспитанные люди не должны так поступать! Почему мы должны опять взять их? Ты же сам только сказал, что нельзя игнорировать интересы соседей.

– Возьмите обратно, ваш поступок неискренен. Не стоит быть ханжей и не надо ерничать. Вы хотели именно эти яйца.

Как хотелось плюнуть на все эти целые и треснувшие яйца вместе с дедом и его церемониями и вообще выйти из комнаты, но демарша нам не простили бы никогда.

Этот эксперимент не был исключением. Дед нас воспитывал постоянно. Как-то за ужином он предлагает мне взять с тарелки последний оставшийся на ней кусок буженины. Так бы я его не осмелился взять в присутствии деда, но раз уж он сам предлагает, то лучше не отказываться. Я беру, и тут он на меня накидывается.

– Почему ты взял буженину?

Я чуть не поперхнулся и во все глаза уставился на него. Какую ловушку он опять заготовил?

– Прости, дедушка, но ведь ты только что сам предложил мне взять мясо!

– Да, предложил! Но в действительности это был тест на твоё поведение за столом, и ты с ним не справился. Подумай и скажи, в чем твоя ошибка? Что должен сказать в этой ситуации за столом по-настоящему воспитанный человек?

Я постепенно начал догадываться, к чему он ведет и что хочет услышать от меня.

– Воспитанный человек, наверное, должен отказаться и сказать: «Спасибо, я не хочу».

– В нашей ситуации уместнее сказать: «Спасибо, не буду».

– Но ведь разницы никакой нет!

– И, тем не менее, разница есть. Дело в том, что ты как раз хочешь этот кусок мяса, и значит, твой ответ неискренен. Повторяю, правильно в этой ситуации сказать: «Спасибо, не буду».

Диалог закончился; дед, допив свой чай, вышел из-за стола и удалился на веранду. Все же он ошибался. Своим замечанием он окончательно отбил у меня всякое желание доедать эту несчастную буженину, и значит мое «не хочу» было правильным. Я сидел в одиночестве за столом и с неприязнью смотрел на мясо в тарелке. Но у меня не было вариантов. Приходилось его доедать. Дело в том, что нам с Таней он однажды раз и навсегда вбил в головы правило, согласно которому нельзя ничего оставлять на тарелках недоеденным.

Самый же большой стресс я пережил у него в квартире на Крестовском. То ли тогда он встал не с той ноги, то ли съел что-то не то, но такой хо-

лодной ярости я не ожидал увидеть даже у него. Виной всему были проклятые яблоки, которые бабушка вымыла и поставила передо мной на тарелке. Я сидел за столом в комнате деда, что-то чирикал карандашами на листе бумаги и расслабленно доедал второе яблоко. Оторвавшись от чтения и проходя мимо меня, дед внезапно остановился и к моему огромному удивлению начал пристально рассматривать не мои рисунки, а яблочный огрызок, одиноко лежащий на тарелке. Он стоял возле меня и переводил взгляд с огрызка на столе на яблоко, которое я доедал. Чувствовалось, что он чем-то был недоволен, но причин этого недовольства я не мог понять. Дед продолжал стоять и сверлить меня холодным и изучающим взглядом, в котором начала просматриваться легкая неприязнь. Я заерзал, в последний раз откусил яблоко и положил его в тарелку. Это было моей первой ошибкой. Буря, перерастающая в ураган, начинала набирать обороты.

– Ты закончил есть? – резкость и отрывистость фразы заставила меня вздрогнуть.

Я утвердительно кивнул головой и отодвинул в сторону карандаши. Начало не обещало ничего хорошего.

– Это недопустимо! Это избалованность, безответственность и почти преступление! – дед взял тарелку с яблочными огрызками и с неприязнью поднес ее к моему носу, – что это такое? Я тебя спрашиваю, что это такое? Это не огрызки, это черт знает что такое! Это яблоки, которые покусали. Не доев первого яблока, ты принимаешься кусать второе и тоже выбрасываешь его недоеденным. В лучшем случае ты обкусываешь яблоко процентов на пятьдесят пять-шестьдесят. А огрызок должен составлять не более пяти или десяти процентов от объема яблока. Это распушенность, неуважение к себе и окружающим людям.

На меня обрушился шквал стихии, и душа ушла в пятки. Я смиренно дожидался развязки и хранил молчание.

– Кто будет доедать за тобой? Это неслыханно оставлять почти половину на выброс.

И тут я совершил вторую трагическую ошибку. Дело в том, что примерно в это время в Ленинграде началась агитация за отдельный сбор мусора. Бытовой мусор выбрасывался в центральный мусоропровод, а пищевые отходы предлагалось сваливать в специальные баки, размещаемые на лестничных пролетах в городских высотках. Рядом с этими баками в обязательном порядке вешались плакаты, на которых изображались очаровательные розовые поросята, весело и с аппетитом поедающие из корыт всякую пищевую требуху. Свинки на рисунке мне очень нравились. Они виляли хвостиками и радовались своей судьбе. Надпись на плакате призывала людей быть хозяйственными и проявлять заботу о животных. Одно время я даже любил собственноручно выносить в бачок всякие очистки и хлебные корки, представляя, как будут радоваться хрюшки, поедая их.

– Не нужно волноваться, дедушка, поросята с удовольствием доедят мои яблоки, – я выпалил фразу и, довольный своим ответом, осмелился взглянуть в лицо деду. В следующее мгновение меня сразил удар молнии.

– Какая мерзость! Тебе бы следовало помолчать, а ты с наглостью морозишь эту чудовищную глупость. Это недопустимо! Если угодно, это и есть самое настоящее свинство. Я научу тебя есть яблоки. Марш за мной.

Холодный пот начал выступать на моем лбу, и я, проклиная все на свете, поплелся за дедом. Он был неумолим, тверд и решителен как никогда. Его железная воля полностью парализовала мою. Я смирился и был готов к любому наказанию или эксперименту. Мы пришли на кухню и уселись за столом. Дед мастерски начал орудовать ножом, отрезая от моих полуяблок мякоть. Через короткое время в его тарелке лежали два эталонно выточенных яблочных огрызка, составлявших по «пять–десять процентов от первоначального объема». На второй тарелке горкой расположились яблочные куски разных форм и размеров.

– Ешь!

Тарелка энергично пододвинулась ко мне. Я уже приготовился было взять рукой первый кусок, но вовремя спохватился и попросил разрешения воспользоваться вилкой. В глазах деду на секунду блеснуло выражение удовольствия, и он протянул мне вилку с ножом. Взяв ее в левую руку, а нож в правую, я, не торопясь и тщательно пережевывая, расправился с содержимым тарелки. Через секунды передо мной лежало уже целое яблоко.

– Теперь при помощи ножа покажи, как ты усвоил урок. Я начал, подражая деду, активно орудовать ножом и разрезать яблоко на куски, но скоро понял, что достигнуть его огрызочных стандартов мне никогда не удастся. Это было выше моих сил. Я боялся порезаться и решил сдаться на милость победителя. Дед это почувствовал и победоносно взирал на меня.

– Вот это огрызок, – он указал на свой, – а то, что у тебя – недоеденное яблоко. Впрочем, если ты считаешь, что тебе не по силам справиться с ножом, можешь есть яблоко целиком с косточками. Так поступают люди в деревнях, и вреда от этого еще никому не было. Впредь будешь предъявлять мне свои огрызки. И запомни, в блокаду от такого вот пустяка могла зависеть человеческая жизнь. Я отложил в сторону нож и героически на глазах у деду начал расправляться с остатками своего яблока. Демонстративно работая челюстями, тщательно пережевывая косточки и чешуйки, я впервые победоносно взирал в его глаза. На, получай! Я разжевал и проглотил все без остатка, а тебе, интеллигенту-чистоплюю, так сделать слабо! Мои смелые мысли так и не были озвучены, но и без этого полная победа была за мной, ведь я съел свое яблоко на сто процентов, а он в лучшем случае на девяносто пять. Не дожدهшься, никаких огрызков теперь вооб-

ще не будет, и даже ты со своими эталонно тонюсенькими огрызочками не сможешь отныне мне делать никаких замечаний.

С этого времени у меня появилась устойчивая привычка есть яблоки и груши целиком с костями. С улыбкой приходится признаться, что этот эксперимент удался деду на сто процентов и огрызков я не оставляю за собой по сей день. И грустно и смешно.

Дедов диктат мне пришлось ощущать в прямом смысле с младенческого возраста. Оказывался, будучи грудным ребенком, я категорически не желал отрываться от материнской груди даже тогда, когда прорезались зубы. У мамы от боли текли слезы, но она предпочитала жертвовать собой ради любимого сыночка. Сейчас мне даже немного стыдно, но тогда без угрызения совести я терзал губами и зубами мамины груди поочередно, жадно вытягивая из сосков порозовевшее от крови молоко. Мама мучилась, но материнское чувство было сильнее боли, она не могла устоять перед душераздирающими криками своего первенца. И тут в дело вмешался дед. Услышав от бабушки про мамины мучения, он позвонил папе.

– Передай Ирине, чтобы безотлагательно кончала с этим делом. Даже телков у вымени столько не держат. Распушенность какая-то!

– Да мы и сами понимаем, что нужно это прекращать, только не знаем как.

– Намажьте соски горчицей, живо отучится.

Все было сделано согласно нехитрой дедовой инструкции, и уже через некоторое время младенец с неприязнью морщился и смотрел на недавно желанные материнские груди. Эксперимент удался на сто процентов. Я почти сразу же переключился на еще недавно презираемый рожок с соской. Через некоторое время мама решила проверить твердость заученного мною урока и оголила грудь, но я, фыркнув, с недовольным видом отвернулся. Дед как всегда оказался прав, и всем было смешно. А горчицу я не переносу до сих пор.

Дед продолжал меня дрессировать с диетой и прыжками, но успехи оставались по-прежнему более чем скромными. Железная воля тренера разбивалась о бездарность спортсмена, проваливавшего большинство спортивных требований своего наставника. Дед не сдавался, но развязка была уже не за горами...

В один из субботних вечеров мы сидели на кухне и пили чай. Я любил дачные чайные посиделки и особенно с родителями, которым удавалось вносить в наши будни волну хорошего настроения и свежей энергии молодости. По выходным дням мы беззаботно наслаждались жизнью и радовались, что дедовы экзекуции на законных основаниях откладываются до понедельника. Мама за чаем обменивалась какими-то новостями с дедом и отвечала на его вопросы. В этот раз ей приходилось отдуваться за двоих, поскольку папа по каким-то причинам задержался в городе. Дед благоволил маме, и она без труда и с ве-

селостью общалась со своим непростым и церемонным родственником.

Я любовался и гордился мамой, которая в отличие от очень многих людей не теряла естественности и обаяния в его присутствии. Все шло хорошо, и он был доволен своей невесткой. И тут все началось. Расслабившись от непринужденного общения, царившего за столом, я совершенно без задней мысли решил съесть дополнительный бутерброд с колбасой и взял его. Но дед не был бы дедом...

– Немедленно положи на место. Еще чего не хватало, объедаться на ночь!

Мама вздрогнула от неожиданности и во все глаза уставилась на него. Нужно сказать, что я никогда не жаловался родителям на сложности моего дачного существования, и дедов тон застал ее врасплох. Я заметил ее смущение и, не желая раздувать конфликт, предпочел вернуть только что взятый бутерброд обратно.

– Петр Ксенофонович, я не понимаю вашей категоричности. Никакой беды не будет, если Саша съест бутерброд.

– Нет, нельзя позволять ему нарушать режим диеты, и так он превратился в неподвижного увальня. Это ж надо – проигрывать в прыжки младшей девчонке вот столько. Жестом рыбака, выудившего рыбу небывалых размеров, дед показал размеры моего отставания от Таньки. Далее следовал его сокрушительный монолог, повествующий о длительной истории неудачного эксперимента с прыжками. Мама ерзала на стуле и смотрела на меня взглядом, полным любви, сочувствия и жалости. На деда же она поглядывала с оттенком недоумения, ужаса и смущения. Он разошелся и жаловался, что я нарушаю режим диеты и плыву по течению, вместо того, чтобы целеустремленно преодолевать препятствия, жаловался на недоработку по технике и недостаток воли и еще на бог знает что. В довершение всего он призвал маму жестко повлиять на меня и раз и навсегда выбить несобранность и слабости. Для убедительности он даже хотел вывести нас с Танькой во двор и продемонстрировать мое отставание.

– Петр Ксенофонович, да как же вы можете, разве можно сравнивать Таню и Сашу? Таня же легкая, как пушинка, она балерина, Саше ее никогда не догнать.

– Если не есть на ночь, постоянно упражняться и тренировать волю, то можно добиться многого. А если набивать брюхо и по-обломовски всего бояться, то и жить не стоит. Можно отъезжаться и на две Тани, если других целей нет. Дети, пошли тренироваться! Сейчас мы, Ира, тебе продемонстрируем все на практике.

Дедова муштра моментально подействовала, и мы с Танькой вскочили, как солдатики по сигналу тревоги. Мама вспыхнула и непроизвольно схватилась за щеки. Казалось, что в ней происходит серьезная внутренняя борьба, и ее взгляд стремительно менялся с мучительного и поте-

рянного до гневного и даже ненавидящего. Дед же, как всегда, не обращая внимания ни на что, уже взял свой прут для замера прыжков и указал нам к выходу.

И тут все началось. Маму прорвало.

– Да как вы можете! Вы! Вы – учитель, педагог, интеллигентный человек и опускаетесь до того, чтобы ставить эксперименты и мучить своих внуков и маленьких детей. Это безобразие.

Мама была прекрасна, сильна и убедительна как никогда. Вера в свою правоту и материнская любовь смогли вознести ее дух на такую высоту, что даже дед опешил от неожиданности.

– Что?

– Простите, Петр Ксенофонович, но я не допущу, чтобы вы издевались над детьми, по крайней мере, над моим сыном. И вообще, мне ваши методы очень напоминают эксперименты нацистов с пленными.

Мама подошла к нам, приобняла и демонстративно закрыла своим телом от деда. Я чувствовал всю силу ее любви и был благодарен за самоотверженность и отвагу. Обняв маму за талию, я всхлипнул, и из глаз против воли покатались слезы. Дед, как всегда невозмутимый и спокойный, вернулся за стол и принялся наблюдать за происходящим, не в силах что-либо предпринять. Бабушка с ужасом переводила взгляд с мамы на своего супруга и безропотно ожидала дальнейшего развития событий.

Впервые в моей жизни я видел, как железная воля деда встретила силу, не только не уступающую ей, но даже и превосходящую. И эта сила исходила от моей любимой мамы, и это была любовь. Бабушка отвела Таню в сторону, а мы так и продолжали стоять, обнявшись. Теперь слезы текли и по маминым щекам.

– Ну вот, приехали! Рассюсюкалась мамка с теленком! – дед произнес фразу с оттенком барственного высокомерия и даже с плохо скрываемой неприязнью.

– Сашенька, уезжаем в город! Немедленно. Я больше не намерена терпеть издевательства и эксперименты над собой и тобой. Все, хватит. Это уже просто невыносимо.

Мама стремительно вышла из кухни и начала собирать наши вещи, я побежал за ней, чтобы помочь. Бабушка призывала нас успокоиться и отказаться от намерения уехать с дачи, Танька тихо ревела, а дед с ледяным спокойствием пил на кухне вторую чашку чая, не проронив ни слова.

Несколько месяцев мама с дедом не разговаривали. Оба были убеждены в своей правоте и оба вели себя более чем достойно, не сдаваясь и не заискивая друг перед другом. Вскорости после этого события я приехал на дачу, и с этого момента, как по мановению волшебной палочки, мои мучения прекратились. Нет, сочинения, изложения, разучивания стихов и басен остались,

но количественно наши задания серьезно сократились, и мы с Танькой начали вести более свободную дачную жизнь. Спортивные эксперименты, к моей радости полностью прекратились. Но как это ни покажется странным, мне стало в деде чего-то не доставать. В нем появилась какая-то излишняя сухость при общении с нами, казалось, что он утратил интерес и азарт к процессу воспитания своих внуков и просто отбывал с нами время. Как впоследствии я понял, он продолжал заниматься с нами в основном из-за Тани, чьи успехи в гуманитарных науках были скромнее, чем у меня. Я же просто отбывал с ней время за компанию и даже часто стал освобождаться от некоторых заданий, чего раньше никогда не было.

Конечно, в скором времени произошло примирение. Как часто бывало в подобных ситуациях, он однажды просто и естественно заговорил с мамой, и она с радостью ответила взаимностью. После этой истории дед стал относиться к маме еще с большей симпатией и уважением.

– Давай, тащи сюда бабушкину коробочку с нитками, там она, кажется, хранит свои железные черные заколки для волос. Они должны нам подойти по размеру.

Заколок в коробке было предостаточно. Взял я первую попавшуюся и легким усилием раздвинул ее за концы, чтобы получить нужную ширину. Теперь ничего нам больше не мешало.

Ощущая торжественность момента, мы как заговорщики переглянулись, и я принялся за добывание «ленинских искр». Взял я заколку за дугу и быстро ввел и вывел ее концы в розетку. На удивление, я ничего не почувствовал, но к большой нашей радости из розетки выбежали долгожданные искры.

– Ура, мы добыли «ленинские искры»! – мы обнимались, торжествовали и прыгали на кровати. Радовались мы так сильно и искренне, как, вероятно, торжествовали в свое время люди, причастные к запуску в космос Юрия Гагарина. И хотели мы уже повторить наш успешный эксперимент, как вдруг со стороны кухни и веранды раздались громкие и взволнованные голоса взрослых.

– Грища, на кухне что-то случилось, и погас свет, – бабушка вышла на крыльцо с какой-то кастрюлей в руках и адресовала свой вопрос папе, читавшему журнал за нашим большим уличным столом.

– Ничего не понимаю, на веранде погас свет, – дедушка с приемником на втором крыльце, казалось, окончательно добил папу.

Мы решили отложить наши опыты с ленинскими искрами в связи с непредвиденными обстоятельствами и принялись наблюдать за тем, что происходит на улице, через сетчатую занавеску. Все суетились. Особенно расстроенным выглядел папа. Было слышно, что такое у нас

случилось впервые, что непонятно почему это произошло, и много говорилось о каких-то пробках и жучках, что нам показалось очень странным на фоне происходящего. Вышло так, что свет пропал не только на нашей даче, но и в соседских домах, и пострадавшие дачники дружно начали собираться у нашего дома. В конце концов, совет постановил отправить делегацию во главе с папой в дачный трест за электриком.

Смутно я начал догадываться, что мы с Танькой имеем некоторое отношение к происходящему, но поскольку помочь мы все равно ничем не могли, то решили, во избежание возможных проблем, все-таки лечь спать, ведь именно для этого нас и оставили взрослые одних в комнате.

А когда мы проснулись, то свет уже был, и все выглядели совершенно спокойными и ослабленными, занятые своими обычными дачными делами. Вечером за ужином я для очистки совести все же задал папе вопрос, который меня беспокоил:

– Папа, а свет может пропасть, если в розетку сунуть бабушкину металлическую шпильку от волос?

– Пропасть может не только свет, но и тот, кому на ум пришла эта дурацкая мысль, – папа весело на меня посмотрел и подмигнул, – так что, если такие идеи и приходили тебе в голову, то раз и навсегда выбрось их из головы, а то так долбанет, что мало не покажется.

Сидели мы на кухне за столом, и папа сопровождал свою фразу особым устрашающим жестом, от которого стало мне не по себе. Понял я, что здорово рисковал, и угрожала мне настоящая опасность, как угрожала она в свое время и революционерам. Это были мои первые и последние самостоятельно добытые ленинские искры, больше в эти игры мы не играли.

Сила воображения

С самого раннего детства я был окружен царством книг и культом книги, и, вероятнее всего, именно этому мое воображение больше всего должно быть обязано. Сначала я погрузился в мир книжных сказок, которые папа специально для меня добывал где только придется. Он, радуясь, как ребенок, приносил и разворачивал передо мной самые необычные книжки, многие из которых, к моему огромному удивлению, покупались им в зарубежных поездках – в основном в ГДР и Чехословакии. Я не мог еще полностью понять, что означало слово «дефицит», но еще

меньше я понимал, почему для того, чтобы купить красивые детские книжки с картинками на русском языке, нужно было ехать за тридевять земель. Я радовался за маленьких чехов и немцев, которые могли приобщаться к нашему языку через такую красоту, но в то же время недоумевал и расстраивался, что в наших магазинах таких книг никогда не продавалось, а ведь именно нам, советским детям, они были нужнее, чем иностранным ребятам, при всем уважении к последним.

Меня интересовали все сказки подряд, ведь с их помощью я погружался в историю, культуру и традиции самых разных народов мира. Я впитывал все как губка. Мои путешествия переносили меня в самые далекие концы планеты: в Индонезию, Японию, различные европейские страны (в числе которых, подумать только, была даже Албания!), Монголию, Персию, Китай, Индию, Кавказ, Крайний Север нашей страны и множество других мест. Русские народные сказки я тоже очень любил, как и сказки Пушкина, которые особенно хорошо читала мне мама перед сном. Потом были Незнайка, Чиполлино, Буратино, Мюнхгаузен и Братец Кролик – эти вещи я просто обожал и был абсолютно счастлив, когда родители купили мне виниловые пластинки с записями великолепных музыкальных спектаклей, в которых участвовали любимые герои.

Читали мне почти все взрослые: мама, папа, бабушка. Исключение составлял лишь дед, который не хотел опускаться до моих интересов, считая, что «достойная литература для мальчика начинается с мифов Древней Греции». С учетом моего пяти-шестилетнего возраста его рекомендации учителя литературы были признаны преждевременными, и родительский совет постановил перенести мое ознакомление с мифами Греции на школьный период. Папа признался, что с ним в его детстве была ровно такая же ситуация, так что ему пришлось «практически младенцем окунуться в суровые будни античности», подчиняясь воле деда.

Зато на мое младенчество серьезно посягнули басни Крылова, которые все тот же дед в свойственной ему безапелляционной манере мне наказал выучить наизусть. Родители, к моему неудовольствию, это предложение встретили на «ура» и уже к семилетнему возрасту я знал десяток разных басен. Но дед и здесь не унимался и требовал, чтобы я «объяснял и расшифровывал ему свое понимание басенной морали». Я не понимал, что он от меня хотел, и остро ощущал несправедливость. Мало того, что я намучился, разучивая все эти басенки, мало того, что он требовал от меня выразительного их прочтения, но теперь он высокомерно смотрел на меня и хотел, чтобы я распинаясь перед ним о какой-то морали. Папа с мамой пытались объяснить мне, чего хотел дед, и переглядывались между собой с оттенком легкого веселья, но я все равно ничего не понимал.

Для меня герои крыловских басен были просто птицами и зверями, с которыми случались различные жизненные неурядицы, иногда даже смешные. Но дед от меня требовал передать «особый зашифрованный смысл – аллюзию». Оставалось только гадать, какие новые тараканы могли заползти в голову моему деду – интеллектуалу?

Плохие предчувствия меня не подвели, и уже летом на нашей даче в Зеленогорске я в качестве крепостного актера был главным действующим лицом на дачных концертах – представлениях, устраиваемых все тем же деспотом – дедом. Насколько я смог тогда разобраться в ситуации, нам с Танечкой сильно не повезло, поскольку он только уволился с поста заместителя редактора «Ленинградской правды», ответственного за освещение в газете культурных событий нашего города, и мы просто попались ему под горячую руку. То ли ему не хватало журналистов, которых он мог бы поучать и загружать заданиями, то ли культурной среды, в которой он до недавнего времени вращался, но отдуваться за все пришлось именно нам с сестренкой. Из-за того, что я был старше Тани и опытнее, на меня приходился основной удар. На ее два – три стишка и басенки мне приходилось читать порядка десятка.

Мы изготавливали билеты – приглашения и разносили их нашим дачным соседям. Людей на концерты приходило иногда человек до тридцати, среди которых были также и дети примерно нашего возраста. Последнее обстоятельство меня раздражало и задевало: в то время, когда сверстники полноценно отдыхали и развлекались на летних каникулах, мы с сестренкой писали диктанты и изложения, учили стихи и, что самое неприятное, должны были, как обезьяны на сцене, всех развлекать. Но разве деда наше мнение могло беспокоить – конечно, нет!

Все же я выработал свои методы борьбы с его тиранией, пусть и не столь эффективные. В басне «Мартышка и очки» есть такие строчки:

Тьфу пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Все про очки лишь мне наггали,
А проку на волос нет в них.

Так вот, именно к этому «Тьфу» я специально готовился на концертах, заблаговременно накапавшая слюну. Произнося эти звуки, я гордо смотрел на деда и плевал в его сторону, прикрываясь мартышкиной ролью. В этом поступке выражалось все мое скрытое отношение к диктату деда над нашими судьбами.

Да, я вынужден был подчиняться, но в душе я оставался свободным и посылал ему знак. Конечно, для деда это было не более чем комариный укус для циклопа. Но это было важно для меня. В конце представления он мог только сказать что-то вроде: «Я считаю, что ты сегодня опять немного переиграл», или «не стоит излишне уподобляться образу».

Но поскольку наши выступления пользовались большим успехом у зеленогорских дачников, и они награждали нас бурными овациями и радостными возгласами, дед в целом был доволен своим дачным театром, принимая, видимо, на свой счет часть от заслуженных нами с Танечкой аплодисментов. Все-таки он – главный режиссер.

Помню одну трагикомичную историю из нашей дачной жизни, где мы с сестренкой проявили свое воображение в полную силу. Гуляя по гравийной дороге недалеко от нашей дачи, я обратил внимание на широкие следы от проехавшей грузовой машины. Следы, как следы – вроде ничего особенного, но что-то все-таки заставило меня остановиться и внимательно к ним присмотреться. Я понял, что меня привлекло. Весь путь, проложенный правым колесом грузовика по песчано-гравийной смеси, был усеян мертвыми муравьями.

– Танечка, какой ужас! Ты посмотри, сколько трупов. Как после фашистской бомбежки! Представились муравьи мне мирными жителями, спасающимися бегством от оккупантов. Но вражеские самолеты с танками подло уничтожили гражданское население, не дав ему шансов эвакуироваться.

Сестренка увидела мою реакцию, схватилась за щеки и начала искренне сопереживать несправедливо убиенным жертвам войны.

Я всегда удивлялся тому обстоятельству, что Танечка практически всегда и во всем настраивалась на мою волну, поддерживала меня, и ее эмоции напрямую зависели от моих чувств. Так было и на этот раз.

– Сашенька, что же нам теперь с этим делать? – Таня смотрела на меня полными надежд глазами, ожидая, что, как и всегда, ее брат сможет принять оптимальное решение.

– Это не по-людски, – многозначительно сказал я и по-деловому скрестил руки за спиной, – нужно их всех похоронить.

– Точно, какой же ты умный, Сашенька, только как мы будем это делать?

Я задумался над ее вопросом, по взрослому наморщил лоб и начал вспоминать кладбище, где мы были пару раз вместе с дедушкой на могиле его мамы.

– Нужно им выкопать могилы, а сверху поставить кресты. Так всегда хоронят мертвых. Разве ты этого не знаешь?

Танька бодро кивнула, и мы с особой торжественностью принялись за дело. Технология была следующей: в песке проделывались небольшие лунки для наших покойников, затем их тела бережно укладывались туда и засыпались. Захоронив на двоих с сестренкой порядка двух десятков павших бойцов, мы выдохнули и начали обозревать плоды наших рук. Что-то было не так. Я напрягся и осознал наши недоделки: на могилах не хватало крестов. Поняв, что мы не в со-

стоянии изготавливать вертикальные крестики, мы с Танечкой начали бодро укладывать на холмики перекрещенные палочки.

– Ну вот, теперь по-божески, – я выдохнул, вытер пот и удовлетворенно осмотрел наши законченные творения. Довольная Таня улыбалась.

Технология была отработана, и мы начали ставить дело на поток. Но уже минут через пять мой энтузиазм иссяк, и я на правах старшего решил остановить операцию. Пройдя вдоль автомобильного следа более ста метров, я понял, что мы взяли на себя совершенно непосильную задачу, поскольку весь путь был усеян муравьиными трупиками, нуждающимися в захоронении. Их было так много, что невозможно было даже сосчитать покойников, не говоря уже о персональных похоронах. И я сдался, предоставив природе самой разбираться с последствиями муравьиной трагедии. Мы пошли на дачу.

Да, мы не смогли справиться полностью с нашим заданием, но все-таки мы – простые дети – сделали много, и ощущение сопричастности к чему-то очень важному и таинственному никак не покидало меня. Я воображал нас с Танечкой тружениками тыла, которые в тяжелый для Родины час не растерялись и взяли на себя очень серьезную миссию. А могилки муравьиные как-то удивительно быстро исчезли сами собой уже вечером следующего дня.

Великолепные отечественные сериалы – «Три мушкетера» и «Приключения Шерлока Холмса» в младшем школьном возрасте вызвали у меня бурный интерес к первоисточнику, и дедушка, откликнувшись на потребности внука, подарил мне «Библиотеку приключений» и собрание сочинений Конан-Дойля, которые я тут же начал зачитывать до дыр. Восторгом не было предела. Меня восхищали, удивляли и притягивали атмосфера и мир книжных героев, которые переносили меня то в викторианскую Англию, то в средневековую Францию. Я неохотно вылезал из своего яркого мира книг в серые ленинградские будни городских новостроек и уныло плелся в школу мимо безликих блочных домов. Но предвкушение новых встреч с полюбившимися героями наполняло меня особым ярким и радостным светом. Я приходил домой, обедал и с головой нырял в царство книг – там я обретал счастье.

Нельзя сказать, что я не был счастлив в реальной жизни, но красок, динамики и ярких событий в ней все же недоставало. Потом пришли Дрюон, Стивенсон, Вальтер Скотт, Джек Лондон, Майн Рид, Фенимор Купер и, конечно же, Жюль Верн. Мир был прекрасен и безграничен, и я был его частью.

Примерно к пятому классу, прочитав большинство романов Дюма и Мориса Дрюона, я ощущал себя обедневшим французским дворянином, живущим в своем родовом поместье в

средние века. Прочно выстроив в своем мозгу иерархию дворянских титулов, я был слишком скромнен, чтобы самолично присвоить себе королевский титул, но быть простым шевалье тоже не очень хотелось. Чего хорошего, если какой-нибудь граф будет глядеть на тебя с плохо скрываемым высокомерием. Выход был найден произвольно и в совершенно неожиданных условиях.

Начало восьмидесятых – время пустеющих прилавков и дефицита. С родителями, а иногда и самостоятельно я ходил в продовольственные магазины за продуктами и проводил много времени в очередях. Стояние в очередях – дело для советского человека довольно обычное, но эстетически совершенно чуждое моему детскому воображению. Я стоял в очереди за картошкой и грезил о средневековой Франции, а впереди меня стояли люди в длинной и расплывающейся веренице из тридцати-сорока человек. Хмурые, неодухотворенные люди, одетые в мрачные и однообразные одежды, очень не вязались с миром моих фантазий. Действительность требовала корректировки, и я решился... Взяв на себя функции творца, я начал присваивать титулы людям из очереди. Тот, кто под громкий грохот транспортной ленты получал в свою авоську картошку, несомненно, должен быть королем, – этот титул не дался ему или ей просто, он был заслужен и выстрадан в очереди, и тридцать или сорок королевских вассалов могли это подтвердить и засвидетельствовать. Далее в очереди за королем располагались герцог, маркиз, граф, виконт, барон и шевалье. Мне казалось, что моя идея не имела изъянов, поскольку все в ней было справедливо. Чем длиннее очередь, тем больше королевство и тем более сладкие минуты упоения королевской властью. Стояние в очереди приобретало для меня не отталкивающе-прозаический смысл получить свою грязную картошку или что-нибудь наподобие ее, а стало наполнено особым романтическим светом, который в моем сознании преодолевал серую действительность и уводил в волшебный мир фантазий. Мне хотелось поделиться своим открытием с людьми, встряхнуть их, дать им смысл и надежду, но я был мал и стеснителен и боялся нарваться на непонимание.

Когда очередь продвигалась, и я становился шевалье, то начинал с гордым видом оглядываться на стоящих позади меня людей. Еще бы, все они были моими вассалами, хотя в реальности и не подозревали об этом. Но во взгляде моем не было презрения, ведь история скоро расставит все по своим местам, и не за горами то время, когда самый последний из моих подданных гордо оденет свою корону. Но почему у большинства этих людей, включая самых титулованных дворян, по-прежнему такие печальные и угрюмые лица?

И вот моя минута славы наступает. Я становлюсь королем и с гордым видом нахожусь впе-

реди авангарда, возглавляя свою армию, состоящую из самой разношерстной публики – от близкой свиты высокородных аристократов и дворян до самых последних простолюдинов, которым, впрочем, не стоит отчаиваться. Пройдет всего лишь какой-нибудь час-другой ожидания, и последние совершат головокружительную карьеру, превратившись в первых лиц государства. Как жаль, что они этого не понимают, и их лица по-прежнему хранят хмурое смирение и безразличие. Но они – это они, а я – это я, и мне доставляют истинное упоение те мгновения, в течение которых я получаю свою картошку, едущую по ленте под громкий грохот транспортера. Этот грохот я воспринимаю не иначе как барабанный бой-приветствие короля. Я торжественно держу свой мешок и гордо наполняю его картошкой. Я король! Мне очень хорошо и радостно.

Но моя минута славы, как и все на свете, подходит к концу, и я уже опять превратился в простого смертного, отходящего от прилавка с авоськой грязной картошки. Се-ля-ви!

Вальтер Скотт, Дюма, Конан-Дойловский «Белый отряд» и Дрюон сделали свое дело и уже в пятом-шестом классах я под воздействием прочитанного на правах сюзерена посвятил в рыцари своего непутевого соседа по парте. Необычность ритуала и торжественность нашего поведения настолько отличались от скудной обстановки и убогого поведения одноклассников, что некоторые из них даже рты открыли от удивления и с интересом начали наблюдать за происходящим. Мой сосед стоял передо мной на одном колене и с придыханием слушал необычные слова, льющиеся из моих уст. Я держал школьную линейку, символизирующую меч, у него на плече и говорил примерно следующее: «как твой сюзерен, жалую тебя, сын мой, рыцарским достоинством за деяния твои и добрую службу во славу и благо твоего господина и твоего короля. Отныне величать тебя будут не иначе, как “сэр рыцарь”, и титул этот перейдет от тебя к детям твоим и потомкам твоим».

Были еще и другие фразы, после которых я сильно хлопнул линейкой по плечу новоиспеченного рыцаря и поощрительно дал ему легкий подзатыльник, что вызвало одобрительные возгласы со стороны ротозеев-одноклассников. Уже через минуту самые отъявленные хулиганы нашего класса, растолкав всех, изъявили желание быть первыми произведенными в рыцари.

По правде сказать, эти обормоты своим поведением совершенно не заслуживали никаких титулов, но политика класса требовала более тонкого понимания, и я решился наступить на горло собственной песне. Веселило то, что, к моему удовольствию, я мог надавать тумачков самым отъявленным бандитам без каких-либо последствий. Наоборот, они даже начали злобно рычать друг на друга, желая первыми приобщиться к моим ритуальным подзатыльникам. Очередь из человек пятнадцати мальчишек нашего класса

выстроилась вслед за хулиганами, и все они мечтали пройти торжественный обряд посвящения в рыцари. Ребята галдели, толкались и требовали ускорить процесс. Я объяснил им в доходчивой форме, что не соблюденный по всем правилам обряд не может иметь силы, и кто с этим не согласен, тот может навсегда оставаться простолюдином и не морочить мне и другим мозги. Слова нашли понимание, и галдеж прекратился. Очередь стала более дисциплинированной, на лицах появилось торжественно-смирненное выражение. Мой сосед по парте – новоиспеченный рыцарь, гордо стоял за моей спиной и высокомерно рассматривал толпу наших последователей.

– Сын мой, сэр рыцарь, наказываю тебе достать свой меч из ножен и повторять слова и действия за своим сюзереном. – я решил ускорить процесс посвящения и поручил новоиспеченному рыцарю ассистировать мне, на что он безропотно согласился под одобрение очереди. Еще бы, никому не хотелось оставаться простолюдинами и терпеть издевательства и презрение со стороны рыцарей. Переменка уже скоро должна была закончиться.

Слово в слово повторяя за мной все, что я говорю и делаю, он вполне справился с моим поручением, и мы успели удовлетворить большинство желающих. К моему огромному удовольствию и изумлению, уже на следующем уроке я отметил перемену, которая произошла с большинством из моих одноклассников. Даже самые хулиганистые ребята преобразились от осознания своего нового статуса. В их лицах появились одухотворение и достоинство, их души, находящиеся еще под сильным влиянием недавних торжественных минут, ярко сияли и светились, и сияние это распространялось по классу. Даже учительница почувствовала что-то необычное в поведении класса, похвалила нас за собранность и дисциплину и радостно заулыбалась.

Но все же иногда мое воображение играло со мной злые шутки, и об одной такой истории обязательно нужно рассказать. Страна моего детства, как я уже говорил, – страна дефицита. Я мечтал о фигурках рыцарей, викингов, ковбоев и индейцев, с которыми можно было бы играть, строить города и вести их на войны и штурмы крепостей. Но в магазине нельзя было достать таких солдатиков, и приходилось мне выкручиваться из создавшейся ситуации подручными средствами.

На толстой фанерной доске размером пятьдесят на пятьдесят сантиметров я основал средневековый город с центральной площадью, кафедральным собором, улицами и, конечно же, домами и дворцами, расположенными на специально выделенных для этого участках. В качестве строительных материалов использовались бумага, картон, пластилин и клей «Момент», исполнявший функции цемента. А жителями моего средневекового города стали простые однокопе-

чные советские монетки, которые устраивали меня своим размером и доступностью. В зависимости от года выпуска монеток они награждались дворянскими титулами. Все было справедливо: чем более старым был род, тем более высоким титулом он обладал. Исключение делалось только лишь для монет, выпущенных в год моего рождения. После некоторых сомнений я наградил своих монеток-сверстников королевским происхождением и выбрал из их числа короля. Свое решение я считал вполне логичным, полагая, что только при таком раскладе в жизни города могут быть покой и гармония. Титулы у меня получили все рода, но большинство из них все же оставались обычными дворянами – шевалье.

Я оборачивал своих аристократов и их свиты в специальную тонкую разноцветную фольгу, которая доставалась им в зависимости от титулов. Моим достался золотой цвет, тут уже сомнений быть не должно – все же королевский род. Жизнь в городе кипела: на специальном ристалище устраивались рыцарские турниры, а все дворяне собирались для игр в кости на золото и серебро, которое я изготавливал все из той же фольги. Я играл в кости честно, а если проигрывал, то сборщики налогов пополняли королевскую казну за счет выигравших. Так что в накладе я не оставался. Также у меня в королевстве существовала и душевая подать. Все справедливо. Устраивались гвардейские парады, процветала торговля, и проводились религиозные праздники. В целом все жители моего королевства были довольны мудрым правлением своего короля.

Но логика жизни подсказывала, что безмятежная жизнь – это только лишь надводная часть айсберга, и в головах злоумышленников все же зреют коварные замыслы. Так оно и было. Какой-нибудь барон или виконт с приспешниками периодически поднимал мятеж против королевской власти, желая свергнуть своего сюзерена и захватить трон. Реакция была незамедлительной и жесткой. Королевские войска с армией своих преданных вассалов наголову громили мятежников благодаря численному превосходству и умелым тактическим действиям. Битвы протекали на поверхности большого письменного стола, в них участвовало до трехсот человек, что составляло практически полное население королевства. Мои воины окружали немногочисленных солдат мятежной армии, громили самых отъявленных головорезов, разоружали их и захватывали в плен главаря, которого тут же под конвоем отводили в центральную городскую тюрьму для предстоящего суда. Суд, возглавляемый королем, приговаривал заключенного к смертной казни, которая проходила на центральной площади у кафедрального собора.

Физически казнить металлическую монетку было невозможно, но технология была отработана: с приговоренного прилюдно срывались дворянские одежды, я делал его бумажный образ и

вешал его на виселице, сделанной из спичек, ниток и пластилина. Но однажды мне захотелось чего-то более эффектного и кровавого. Мятеж поднял граф, и в назидание подданным нужно было продемонстрировать жесткость и неотвратимость наказания. Я вспомнил казнь Яна Гуса и суды инквизиции и решил поджечь своего висельника к удовольствию зевак, присутствующих на площади. Решено – сделано. Аристократы и народ единодушно приветствовали оглашение приговора, который сделал сам король. Почтенная публика взирала за происходящим с трибун, простолудины и солдаты толпились на площади с трех сторон, окружая место казни. Наступила торжественная тишина. За дело принялся палач. Чиркнувшая спичка эффектно вспыхнула и быстро взялась за тело осужденного мятежника, далее пошла нитка, на которой он висел, и уже через несколько секунд вся виселица эффектно пылала. Это не входило в мои планы, но зрелище было незабываемым и очень меня заворожило. Я вместе с толпой зевак хранил молчание и наблюдал за происходящим. К моему ужасу, огонь начал перекидываться на стены собора и принялся пожирать сначала его, а потом и другие здания моего города одно за другим. Я, конечно, был в курсе, что пожары в средневековье часто случались, но был к этому совершенно не готов. Мной овладела паника, и я не знал, что делать. Казалось, что происходящее абсолютно нереально, что я смотрю какой-то фильм, а между тем нужно было мгновенно действовать.

Ситуация в любой момент угрожала выйти из-под контроля и стать необратимой. Я бросился на кухню за водой, но, вернувшись, с ужасом заметил, что горящий пластилин лавой распространяется по пространству, где еще совсем недавно стояли дворцы, дома и улицы. Клей тоже сыграл злую шутку и лишь ускорил и без того стремительное уничтожение моего города. Это была катастрофа и трагедия. Не мешкая, я обрушил на остатки некогда процветающей цивилизации трехлитровую банку воды. В следующее мгновение автоматная очередь из расплавленного пластилина с грохотом пронзила мои щиколотки, обои и мебель в комнате. На зеленом паласе в нескольких местах появились горящие очаги из пластелиново-клеевой смеси.

Мои знания о борьбе с огнем ограничивались фильмом о приключениях Холмса и Ватсона, где Ватсон самоотверженно тушил пламя в квартире на Бейкер-стрит с помощью своих ног и каких-то тряпок. Лес рубят – щепки летят. Я бросился стремительно затапывать и забивать тряпкой горящие пластилиновые пятна на моем ковре, и уже через пару минут опасность распространения огня была остановлена. С облегчением я перевел дух и плюхнулся на диван. Стихия была побеждена, но урон был устрашающ. Палас был испорчен, настроение и обои тоже. Удивительно, но я чувствовал себя почти героем. Да, моего города не существовало, империя рухну-

ла, но я победил. Жаль только, что моя победа и подвиг не были оценены родителями. Их сын предотвратил наступление конца света, а в качестве поощрения получил лишь только отцовский подзатыльник и нравоучения. Случившееся же я расценил как знак сверху. Никогда, даже в играх, нельзя покушаться на человеческую жизнь, и с тех пор казни и телесные наказания моим указом были отменены навсегда.

Мама

Милая, дорогая моя мамочка! Какое счастье, что я могу говорить и повторять эти слова. Мы давно живем уже не вместе, но ты живешь всегда рядом со мной, намного ближе, чем это может показаться, – в моем сердце. Идут годы. Нет уже того маленького, крепенького белобрысого мальчика, который не отходит от своей мамы ни на шаг и смотрит на мир ее глазами. Все стремительно меняется, и мальчик превращается во взрослого мужчину, мужа, отца. Внешние перемены лишь доказывают условность и относительность времени и материального мира. Но я знаю, что есть что-то несоизмеримо более важное, настоящее, вечное и цельное, и это есть любовь. Это чувство, словно языки пламени горячей свечи, освещает нас изнутри, живет в нас и наполняет жизнь смыслом. Я знаю также, что жизнь – это величайшее счастье и радость, и ты подарила мне возможность узнать это.

Я бесконечно благодарен тебе.

Когда я смотрю на тебя, я вижу и чувствую, что бег времени бессилён изменить нашу тонкую связь, наш мир. Слова здесь ни к чему. Мне достаточно видеть твою улыбку, глаза, чтобы ощутить всю силу и глубину материнской любви. Истоки этого чувства идут из наших глубин и скреплены самым ярким, счастливым и беззаботным периодом в человеческой жизни – детством.

И я снова возвращаюсь туда и опять превращаюсь в маленького, спокойного и светловолосого мальчика, одетого в футболку и шортики. И опять я гуляю по своему Зеленогорску с мамой за руку. Мне хорошо и спокойно как никогда. Мы никуда не торопимся, улыбаемся друг другу и идем на залив. Я понимаю, что мама – самый важный человек в моей жизни, и наслаждаюсь нашим общением. Сегодня мне повезло: Таня осталась на даче с бабушкой и дедушкой, а папа с дядей Юрой с утра на рыбалке. Мама целиком моя. Как я ждал этого!

Солнце медленно и нежно обволакивает земную поверхность светом и теплом своей заботливой любви, дует едва заметный ветерок, и мы идем нашей обычной лесной тропой. Птицы громко поют на все голоса, и мне кажется, что поют они именно для нас. Их пение – пение самой жизни, и звучит жизнь радостью молодости и счастьем. Пахнет смолой, древесной корой, травами и росой. Кругом разлит аромат свежести и бодрости. Мы приходим на «дикий» пляж и располагаемся у колышка, к которому привязывается на берегу наша лодка. Никого еще нет, мы совершенно одни, и лишь только крик чаек нарушает тишину. На заливе отлив и штиль. Мы раздеваемся, садимся и молча долго смотрим вдаль, туда, где сейчас находится наш папа. Водная гладь почти смеется и как зеркало отражает в себе радостную улыбку солнца. Мама нежно и заботливо гладит меня по голове, и наши глаза встречаются. Я не могу оторвать взгляда от маминого лица и купаюсь в лучах света, исходящего от нее, непроизвольно двигаюсь к ней и протягиваю руки. Она ласково принимает меня к себе, продолжает гладить и несколько раз с особой нежностью прижимается губами к моей щеке. Я счастлив, я хочу, чтобы эти минуты никогда не кончались, я хочу остаться здесь с мамой навсегда. Смотрю на нее и с удивлением замечаю, что ее глаза почему-то повлажнели, а по щекам побежали слезинки. Странно, мне так хорошо, а она плачет. Почему она расстроена? Такой замечательный день, и мы вместе. Что ее может тревожить? Ну вот, наконец, она вытирает слезинки и с любовью продолжает смотреть на меня. Улыбается. Слава богу, слез уже не видно! Но мне кажется, что я чувствую в ней какую-то тревогу, грусть, и это мне тоже не очень понятно. Я хочу обязательно ее успокоить. Поднимаюсь на ноги и нежно обхватываю ее за шею. Как же я люблю свою маму! Она откликается, расцветает и обнимает меня. На несколько секунд мы замираем в объятиях и без слов растворяемся друг в друге. Как же мне хорошо, спокойно и радостно.

– Сынок, милый, только бы в жизни у тебя все было хорошо! Ну вот, теперь уже по голосу ее чувствуется, что она опять слегка чем-то встревожена. Но чем? Ведь нам никто не мешает, и мы никуда не торопимся.

Накаркал, кажется, все-таки кто-то появился на пляже и как назло идет именно в нашу сторону. Какой-то человек в яркой рубашке. С досадой наблюдаю за ним. Что ему нужно? Он действительно идет к нам. Но зачем? Что-то есть в нем странно знакомое, но я его никогда раньше не видел. Крепкий, в необычных очках, с бритой головой и аккуратной бородкой. Одет в рубашку ярко-оранжевого цвета и белоснежные джинсы. Наверное – финн, они часто сбиваются с пути и забывают, где их автобусы. Наверняка иностранец – у нас такая необычная одежда не продается, да и держится он по-особенному. Лицо доб-

рое и умное, наверное, из-за очков, но в фигуре чувствуется сила. Он совсем уже рядом, внимательно смотрит на нас и улыбается. Но чему? Что ему от нас нужно? Удивительно, но в этом человеке есть что-то определенно знакомое и даже близкое, но он мне точно незнаком. Чувствую, что он добрый и хороший, и нам с мамой нечего бояться. Он останавливается в метре от нас и очень внимательно смотрит в наши глаза. Молчит и изучает. Пауза затягивается, но меня это не раздражает.

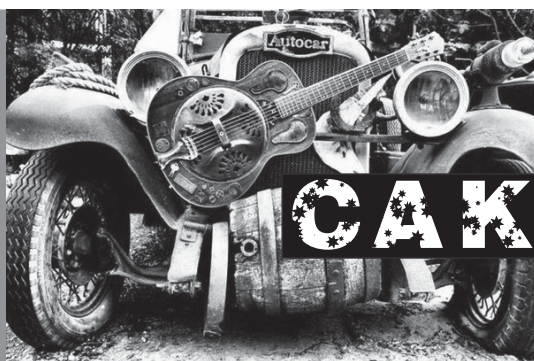
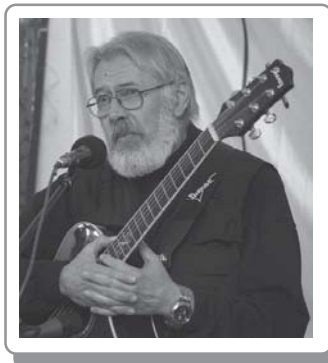
– Я пришел к вам потому, что вы не хотели, чтобы сегодняшний день заканчивался. Вы были счастливы, и вам было хорошо. Поэтому я здесь. Я хотел подарить вам еще раз возможность насладиться этим днем, – он говорит очень вежливо и ласково улыбается, – это ведь так несложно. Вы живете в моей памяти и воображении, но ваша жизнь не становится от этого менее реальной. Я дал слово вернуться сюда, в этот день, и поэтому я снова здесь. Я люблю вас, и мы опять здесь и все вместе.

Я почти ничего не понимаю и во все глаза смотрю на знакомого незнакомца. Он говорит какими-то загадками и смотрит на меня почти, как папа, когда хочет проверить мою сообразительность. Да и похож он чем-то на папу. Зато мама ведет себя очень необычно. Она встала и с нежностью переводит взгляд с меня на этого загадочного человека. Я чувствую, что она очень рада видеть его. Но почему? Кто он? Нам и без него было очень хорошо. Он, похоже, знает нас, по крайней мере, ее. Она тоже его узнала.

– Я появился, чтобы ты не волновалась за него. Ты хотела, чтобы у этого мальчика все в жизни было хорошо, и я пришел тебя успокоить. У него все сложится так, как ты хотела. Вас ждут впереди серьезные испытания и потери, но вы с ними справитесь и выйдете победителями. Спасибо тебе за то, какая ты есть! Что касается меня, то у меня действительно все хорошо, я счастлив, и иначе быть не могло. У нас с моей Юлей прекрасная семья и двое мальчишек, один из которых очень мне напоминает его, – он указал на меня, но говорил при этом только с мамой. Я почувствовал удивительное доверие к этому человеку, хотя по-прежнему не понимал, что происходит. Его глаза излучали какую-то загадку, но мама, кажется, уже ее разгадала и была счастлива. Она так и не произнесла ни одного слова, но в глазах ее светилось нечто большее, чем все мысли и слова вместе взятые. И это был свет любви.

Непроизвольно мы все сближаемся, протягиваем друг другу руки и улыбаемся. Мне очень хорошо, радостно и спокойно. Я обнимаю маму, и она меня треплет по голове.

Я по-прежнему обнимаю маму и открываю глаза. Мы опять в ее квартире на Гражданке, только маленького, крепенького и белобрысого мальчика уже рядом с нами нет, он остался внутри нас, в нашей памяти и сердце.

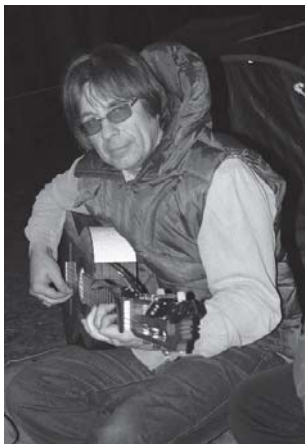

Андрей Григорьев

ЖВОЯЖ

От автора

Вот от этих строчек, которые теперь у тебя перед глазами, очень многое зависит. Конечно, не веришь, я знаю. Слишком долго читать нас заставляли, для того, чтобы - раз! - и довериться автору. Сам уже очень осторожен в общении с сочинителями. Я почему к тебе решил обратиться: листочки эти я для друзей писал и раздавал, размноженные на принтере. Просто, чтобы не повторять много раз одно и то же. Подчеркиваю: для ДРУЗЕЙ, потому, что мои друзья отличаются утонченным чувством юмора, столь необходимым при чтении этих записок. Иначе они могут быть истолкованы наизнанку, так же, как и отдельные эпизоды в отрыве от сюжетной канвы. Вот, предложили мне их издать. Просто, по-дружески. Ну, не успеваю я всем желающим напечатать. Видимо, это мой Ангел Хранитель включился. Издание - уже серьезное дело, в котором многие участие принимают. А в каждом монастыре есть свои законы, которые нарушать - просто признак дурного тона. Так что, если некоторые отличия от «первоисточника» встретятся, так это - лишь проявление уважения к мнению читателей и Мастеров, к их опыту, наработанному годами. И еще, издание этих строк дисциплинирует здорово. Если ты читал это в ином виде - не огорчайся, здесь, кроме идеи, много нового. На одной из страниц я выражаю надежду на то, что эти записки останутся вне социальных сетей, однако, если захочешь отзыв написать (с любым знаком) - я с радостью его приму лично, может, и включить в книжку получится. Это всё, что я хотел сказать. Спасибо.

1

Еще год назад я был уверен в том, что НИКОГДА не откажусь от алкоголя. Не пью уже больше года. Мне никто не запрещал. Я с интересом вдыхаю пары коньяка из собственной фляжки и делюсь солнечным напитком с желающими. Я понимаю людей, которые получают удовольствие таким доступным способом. Я просто не хочу. Даже пива. Желания нет. Вообще.

Еще год назад я рассмеялся бы в лицо тому, кто скажет, что я буду по утрам делать зарядку. Делаю. Никто не заставляет. Никто этого не видит и не оценивает. Хочу просто. Полчаса. Каждый день. (Правда, потом - чашка кофе и сигарета).

Еще год назад я смеялся над теми, кто говорил, что мне пора написать книгу. Зачем? Сейчас это может сделать каждый, вложив (или выложив) определенную сумму. Но ведь нынче их никто не читает! Любую необходимую информацию можно получить из сети.

Но. В 97 году прошлого века я купил видеокамеру. Вы, конечно, знаете, что я стал снимать в первую очередь? - А вот и нет! Я тогда «сел на больничной» и в течение трех дней «наговаривал» на нее все выводы, к которым я пришел за последние лет пять. Почему? - чтобы освободить переполненную память. Освободить от знаний, обретенных в силу изучения целого ряда книжек совершенно разных направлений, доступ к которым был практически невозможен на протяжении всей моей предыдущей жизни. Коротко эти направления можно обозначить, как: история религий и культов, мифология, философия, теософия, эзотерика, психология и некоторые гипотезы и теории современной традиционной науки, находящиеся на грани вышперечисленного. Зачем тогда читал, если все потом «удалил»? Во-первых: осталась трехчасовая кассета с этой записью. Во-вторых: осталась (видимо, в гараже) огромная схема на нескольких листах ватмана, с событийными, личностными и временными привязками, которую я составлял и переделывал собственноручно цвет-

ными фломастерами. И, самое главное: остался человек – Андрей Новый. Все это отразилось на его мироощущении и последующих поступках.

Прошло почти семнадцать лет. Все повторилось. Память переполнена. Тот Андрей незаметно перестал быть новым. Появился Андрей Другой. Куда его девать? Видеокамера осталась, но она аналоговая, неудобная уже. А Word – вот он. И вести себя как-то перед объективом не нужно, причесываться. Вот и книжка.

Почему такое название? Саквояж – дорожная сумка. Обычно, собираясь в путь, человек старается взять самое необходимое, но в дороге оказывается, что именно это и осталось дома – невозможно предусмотреть всё и предугадать степень смещения уровня ценности. Кроме того, по прибытии к конечной точке маршрута, вдруг убеждаешься в том, что все аккуратно упакованные вещи находятся в совершенном беспорядке, как «звездочки» в этих записках, а половины вообще нет – раздал попутчикам. С товарищем в дороге делишься самым дорогим: последним глотком, сигаретой, хорошей песней... Поэтому и идти легче в конце – ноши поубавилось. Так что две защелки в стороны – саквояж открыт!

2

Так вот, пока скорость набираем, я тебе еще расскажу кое-что. Почему «на ты»? – Потому что я эту книжурку отдам только человеку, с которым очень хорошо знаком. Если с тобой конкретно мы не так близки, значит, к тебе она попала от моего друга, а это – то же самое, случайностей не бывает.

Я вот сказал про хорошую песню. А какая хорошая? И почему «песня»? Дело в том, что я себя считаю, в некоторой степени, автором-исполнителем или бардом, если хочешь. Хотя это слово многие недолюбливают (да и я тоже), но как-то надо различать тех, кто работает на сцене, получая за это вознаграждение и тех, кто «просто так». Да, ладно, я про песню сразу не буду, а то читателя потеряю!

Вот про прозу хочешь? Я, например, считаю, что в прозе обязательно ритм должен быть. Может быть не очень заметный, но иначе никак, без ритма. Иначе читать трудно. Вот у меня ритм есть – его внук диктует. Пока спит – листочек наберу, пока ест – еще один... Ритм – это наше все! В стихке – понятно. Ритм не соблюдаешь – значит словарный запас невелик, интеллект недостаточен, прочитал мало, мало думал, формулировать не умеешь мысли свои. Вот смотри:

Тяжеловесны долгие стихи,
Как многословье частых сообщений.
Они, быть может, вовсе не плохи,
Но нарушают четкий ритм общенья.
Поверь мне, если есть о чем сказать,
Ты будешь аккуратен, скуп и краток.
И каждый сможет искренне принять
Ткань текста без уродливых заплаток!

Это я придумал. А откуда он, ритм? – Из Мирового Устройства. От элементарных частиц, до метagalactic – все «дышит». Ну, про временные циклы я говорить не стану – сам знаешь, а вот про видеокамеру на светофоре расскажу. Зачем? А как пример «авторского мировосприятия». Вот стоишь ты на переходе и видишь машины. Сейчас видишь. А вечером их меньше будет. А ночью – вообще... А камера на светофоре всю тайную жизнь этих машин наблюдает, выводы делает. Кто праведно ездит, кто нет. И на следующий день. И так всю жизнь! Одно слово: ритм! А по дорожным бетонным плитам приходится ездить? А стыки рельсов? – Везде ОН!

Я ведь уже слышу, как ты говоришь с усмешкой: «Лучше бы он пил!», правда? Ну и не читай, я специально дальше про интересное придумую.

Вот, например, про диски. Правильно, у костра диск не продашь. Там ведь искренность ценится, там ведь поешь для того, кто завтра без команды тебя выручать будет. Просто так. Не может он по-другому, не комфортно ему иначе. И «спасибо» твое ему не нужно. Эгоист, одним словом. Да и как в рамки буклета или бокса втиснуть распаханность, открытость, откровенность, любовь? Нет, никак не втиснуть. И ценник не приклеить – руки в золе, неаккуратно получится.

Но. На это есть «Правило котенка». Вы же знаете, что за котенка хоть пятачок надо дать хозяину, иначе не приживется! И в роддоме в карман сестричке рубль (раньше, конечно) сунуть незаметно. Это я к тому, что **диск, полученный в дар, слушаться не будет**. Проверено. Привести друзей побольше на вечер-встречу можно. И поблагодарить по-людски – тоже. Это я так думаю.

3

У каждого, конечно, свои представления о том, что хорошо, а что плохо. Но это отдельная тема: «хорошо – плохо». А пока вот:

Полутонов загадочные знаки,
Как цвет фаты – «индиго» или «хаки»...

Андрей Другой... Потешно! Вроде изменилось что-то, но ведь что-то и осталось, а? А что? Имя? Но ведь его уже и произносить некоторые стали иначе... Стрелка осталась. Та, внутри. Которая все дергается между «хорошо» и «плохо». Я-то знаю, что она до конца дергаться будет, иначе не с чем сравнивать. Стрелка – это вам не волосы, не перекрасишь! Про стрелку – это так, к слову. **Беспринципные и бессовестные люди обделены: первым нечем поступиться, вторым не с чем пойти на сговор. Принципиальные и совестливые – наоборот, богаты(!)**. Петля Мёбиуса. Хотите еще примерчик?

В победно проигранных войнах,
На встречах интимных и клубных,
Среди недостойных достойных
Встречал недоступных доступных.

Ну, что ж, ритм просвечивает, интрига есть, стихиками разбавил, внук поел. Пора строить танк из подушек!

Амбициозность – признак дилетанта. Тут все очень просто. Признаки: 1. Непримируемое отношение к критике на фоне склонности к оправданиям; 2. Навязчивое упоминание собственных достижений; 3. Упорное стремление поучать; 4. Бестактное желание находиться рядом с кем-то из «великих»; 5. Устойчивая тяга к тиражированию себя любым способом; 6. Регулярные попытки подмены объективной оценки личной. Да всего и не перечислить... Но. Представь автора, который адекватно реагирует на критику, активно устраняет замеченные недостатки, искренне соглашаясь с ними, скромно умалчивает о наличии соответствующего образования, выражает искреннюю благодарность оказавшим необходимую и своевременную помощь в становлении... Ну вот хочет, чтобы его услышали СЕЙЧАС, а не потом, когда созреет? Как с ним быть? Объяснить, что сейчас он, стремясь к скорому успеху наступает сам себе на горло? Стараясь прозвучать, показаться, стать узнаваемым, ставит на себе крест, как личность? Почему крест? Да потому, что зритель уже билет купил и ты должен удовлетворить его чаяния совпадением ваших воззрений. Иначе завтра не купит. А наука угождать не такая уж мудреная...

Царапают сердце огрехи стиха.

Стихам под гитару прощается многое.

На видео радуется даже убогое:

Похлебка с душком - как стерляжья уха!

Умело вкраплен утонченный изыск

В безмерную щедрость огней презентации.

Цветные шары, журналисты, овации...

Написана КНИГА и выпущен ДИСК!

Извержен восторг, замирает дыша...

Остались за кадром огрехи стиха.

4

Всё неправильно, да? Ничего не прощается стихам под гитару, да? Я очень люблю песню из к/ф «Дом, в котором я живу». Помнишь:

ТИШИНА за Рогожской заставою,

Спят деревья у сонной реки.

Лишь СОСТАВЫ ИДУТ ЗА СОСТАВАМИ

Да кого-то СКЛИКАЮТ ГУДКИ. (с)

Я эту песню всю жизнь пою с радостью – хорошая песня. Ну, вот такая «тишина» у них. Никто и не заметил составов и гудков на фоне идеального видеоряда. «Глаза читателя более строги, чем уши слушателя» - Вольтер, между прочим!

К словам, вообще-то, лучше уважительно относиться, вслушиваться в них. Вот услышал я в песне слово «равнодушный». В песне равноду-

шие осуждается, конечно, но что-то не так, вроде... Почему «равноправный», «равноценный», «равномерный», «равносторонний», «равнозначный», «равносильный» - это хорошо или, по крайней мере, нормально, а «равнодушный» - плохо? Представь, я другу заявил бы, что мы с ним **равнодушные** люди, что души у нас равны глубиной мировосприятия, созвучны друг другу... Видимо, только люди, произносящие это слово с грассированием, максимально приближают его значение к устоявшемуся традиционному пониманию.

Или препарат какой-то медицинский сейчас рекламируют – «Климактоплан» называется. У меня сразу возникает ассоциативный ряд летательных аппаратов. Я даже в шутку стихок придумал, который заканчивается словами:

... Климактоплан готов к полету –

Осталось выбрать эшелон.

Я знаю людей, которые честно заявили: «Всё. Я больше не бард. Я профессиональный артист эстрады!» То есть: я сознательно принимаю соответствующие правила игры и готов подписать договор. Достоинство? - Да! Ведь многие справедливо убеждены в том, что только на пике известности они смогут вполне официально и достаточно эффективно отстаивать свои идеалы. Один мой знакомый стремился стать генералом для того, чтобы навести порядок. Похоже? Ну, это их свободный выбор, генералы тоже нужны.

Многие хорошие музыканты и авторы считают проведение фестивалей порочной практикой. «Графоманы плодят графоманов». Мол, это не спорт и соревнования в творчестве неуместны. Многие. Хорошие. А знает ли когда их мнение меняется на противоположное? Правильно, догадались! Признанный автор свои дипломы хранит где-то на антресолях, но это ЕГО ступеньки к мастерству. Эти эпизоды обогатили его опытом сравнения, оценки. И еще из Вольтера: «Соперничество – пища для гения».

Соблюдаю один из проверенных приемов сочинительства – цикличность. Алкоголь напоминает мне солнцезащитные очки-хамелеон. Очень удобно. Вот резанет какое-то впечатление из-за угла внезапным лучом, а ты готов – очки на носу, не ослепнешь! Сглаживает остроту, защищает ранимую душу автора. А если еще и с оптикой, то можно мелочи разглядеть, незаметные с первого взгляда. Хорошие песни получаются, смелые, бесшабашные. Я мно-ого таких придумал. А еще очки – это единственная защита от пристального взгляда зрителя (кроме микрофонной стойки)...

5

А стрелка знаете где? Там, куда нажимают при наружном массаже сердца. Остриё её там, ось. Governor, чакра там есть какая-то (когда на видео за-

писывался, помнил еще). И что смешно, - ну, прямо компас – чем больше один конец к «хорошо» отклоняется, тем больше другой к «плохо»! Поэтому лучше не увлекаться особо-то, а то, неровен час, и не вернется к нулю, завалится в «штопор»!

Я вот как-нибудь просто перепечатаю фрагменты своих сообщений из «ВК», естественно, без указания адресатов. Вопросы всегда одни и те же задают про песенки. Я, конечно, по-разному отвечаю, в зависимости от уровня, да и аргументация шлифуется потихоньку, число эффектных примеров растет. И далеко не всем говорю о том, что форма, технические навыки владения инструментом, даже поэтические, совсем не главное. Стрелка – главное. Та. Знаете, как её увидеть у исполнителя? И я не знаю. Догадываюсь. Вот ведет себя человек у микрофона необычно, не так, как по телевизору. Почему? Может он СВОЮ жизнь живет и именно о ней тебе сказать пытается? А что говорить, если она неинтересная? Нечего говорить. Если неинтересная, надо хорошо одеться и накраситься перед выходом на сцену. И петь громко и эмоции ярко выражать, гротескно, профессионально! А у кого интересная, тот просто говорит, ДЕЛИТСЯ! Стесняется, конечно – ведь «не как у всех!»... А если его в сторонку отвести и спросить: а расскажи-ка, ты кто? Да, никто, скажет, так, вот друзья попросили про наш поход (завод, паровоз) рассказать, говорят, у меня получится. Я и играть-то не умею. И не стихи это совсем. А ты ему яркий эпизод из его же песенки: «И это не стихи?». – «Ну, это случайно как-то, Вы уж простите!». Самое удивительное, что потом, через год или пять, будучи лауреатом громкого фестиваля, желанным гостем праздничного вечера, ФАМИЛИЕЙ, которая приобрела конкретные зрительные ассоциации, он подойдет на перекуре и выразит сомнение в собственном праве оставаться собой, оставаться непонятым для большинства ПО СУТИ, да простит меня большинство! А еще через год вдруг окажется, что он горячие точки прошел. Давно, «в прошлой жизни». «Да я там недолго был, вот ребята...». Вот такие вот «просто Саши» и «просто Лены»... А неинтересной жизни не бывает. Если она ТВОЯ, а не списанная у соседа или с телеэкрана.

Один мой добрый знакомый – очень известный питерский автор, человек простой в общении, на вопрос, где можно купить его диски, ответил: «Я не продаюсь!». В шутку ответил. Я тогда стишок написал:

Поверьте, я не без причин
Желаю авторам удачи
В реализации, тем паче,
Пластинок, книжек и картин.
Какая сладостная грусть
В прощальной упаковке чуда!
Сегодня я не продаюсь.
(И завтра, видимо, не буду).

6

Он часто интересные слова произносит. Вот однажды сказал: «Чем дальше от столиц, тем чище человек». Потом сделал широкий жест рукой: «Дарю!» Так я песенку такую сразу придумал (ну хоть диск прикрепляй к книжке, сейчас это модно).

О стрелке в нуле... Если она там задержалась, потом медленно возвращается к движению, понемногу. Сначала радуется потолок. Долго. Потому, что белый. Такой хороший белый потолок. Долго. Пока вставать не придется по нужде (простите). Потом опять белый. Долго. И стена под ним. Бежевая. Какая хорошая бежевая стена! Потолок со стеной очень гармоничны. А еще есть вода. Воду можно пить. Пить и смотреть на белый потолок, так гармонирующий с бежевой стеной. Стрелка, возвращаясь к своему движению, через пару дней начинает радоваться тому, что в стене окно. Ну и что, что серый февраль? Ну и что, что стволы деревьев черные? Даже красиво. Стрелка – дальше, амплитуда больше, вот уже и на сцену хочется!... Стрелку в нуле упустить нельзя. Это шанс. Реальный. Это самая большая плоская и широкая деталь «Лего». На ней можно строить все заново. По одному кубику. Опыт есть, чтобы теперь красиво получилось.

Уважаемый мною автор-исполнитель, поэт, ленинградец, говорит, что авторская песня умерла. На попытки выяснить подробнее, что он имеет в виду, он, практически, не ответил. Все слышали. Другой, не менее уважаемый мною автор-исполнитель, поэт, ленинградец, ответил, что она жива, что просто очень изменилась. Все слышали. Он обосновал свое мнение. Я - просто автор-исполнитель, ленинградец, считаю, что правы оба. Да, в понимании шестидесятников, она умерла. Как «эзотерическая», закрытая форма общения. Как песня для узкого круга людей, объединенных общими представлениями о непреходящих ценностях. Как песня, сложившаяся в результате скромных «кухонных посиделок», дружеских встреч (я бывал на этих кухнях и слушал воспоминания их хозяек). Как песня, созданная у костров и палаток, где врать просто не получится, где вместо «авторского права» - право быть услышанным, поправленным (далеко не всегда любезно), и спетым другими (если заслужил). Изменилась? – А как же! И не только внешне. Ведь те ребята в далеких шестидесятых, еще не знали, что Высоцкий будет признан ВСЕЙ страной, как великий Поэт! А ведь он пел на тех же кухнях рядом с ними! И что Битлз переживут многих и станут символом своего поколения и маяком для последующих! Бесценный творческий багаж этих людей не мог не отложиться в пластах музыкальной, поэтической и писательной культуры тех, кто шел за ними!

Но. Появился магнитофон. Я помню первый «Дзинтарс» за бешеные деньги (97 руб.), приве-

зенный из Прибалтики. И микрофон «мыльницу». И первые записи старшего брата и сестры: Окуджава. Потом соседские: Кукин и Клячкин. Да, тогда это были только фамилии, символы чего-то таинственного. Я не об этом. И не о том, как за свежей записью мы мотались с этим сундуком черт знает куда. Я о том, что это оставалось ТАИНСТВОМ, требующем напряжения, приложения сил духовных и физических. Ведь можно было в это время в футбол погонять!

Ритм. Я варю очень вкусную овсянку. Гораздо лучше, чем сочиняю песни (судя по оценке внука). Человек любит делать то, что у него хорошо получается. Меня часто спрашивают, как я пишу песни. Очень часто. Очень редко спрашивают, зачем. С этого вопроса я начинаю, как всегда, внеплановые, мастер-классы. «Самовыражение», «миссия» и т.д. – вот обычные ответы. В лучшем случае речь идет об «антенне», «приемо-передатчике». Некоторым песни снятся. Привлекают внимание авторы, которые говорят: «Не знаю». Почему привлекают? Потому что я тоже не знаю. Обычно я отвечаю: потому, что остальное делаю еще хуже.

7

Авторская песня изменилась потому, что стала доступной абстрактному слушателю. Изменилась в корне. Она приобрела возможность тиражироваться. Отсюда и «экипировка» соответствующая – звукооператоров просто выбивают из седла гитары «без подлючки». Тех, кто может с ними грамотно работать остались единицы! Зал на 800(!) человек теперь норма! Чем можно заинтересовать 800 человек? Нет, еще раз, скажи мне, друг дорогой, чем можно заинтересовать 800 человек сразу???

А ты знаешь, что обо мне подумает кто-нибудь из поколения моих детей, когда услышит о картриджах для «Кэнона» и пачках офисной бумаги? – Правильно! Если ты хочешь поделиться мыслями, теперь необязательно их материализовать. В крайнем случае, можно скинуть все это на СД-карту, тем более что написал-то я всего 30 КБ! Картридж стоит тысячу + бумага + время + формат изделия и возможность передать лично... А тут – как удобно – и по почте 5 секунд и на карте размером с ноготок вся книжка! А ты: «У костра»... Не вернуть, дружок, «у костра». Поезд с нашими теплушками ушел. Навсегда.

Но. Ты знаешь, почему фотографии свадьбы продавались успешнее, чем видеозапись? Потому что их можно сразу оценить. Коробку продать труднее, чем зримый фотоотпечаток. А «мамонты», лишённые навыков «пользователя», (Ох, какое верное слово! Поколение пользователей!) еще остались. Среди них ОЧЕНЬ много искренне уважаемых мною людей. Им я подарю «рукопись».

Скоро слабо мотивированные (для меня) праздники – зимний и весенний. Одинаково слабо мотивированные. Я очень хорошо отношусь к женщинам. Очень! Я думаю, что каждый поступок, каждое движение мужчины только для них. Даже если он об этом не думает. Так устроено. Не нами. Мы, даже если хотели бы, ничего не можем изменить. От легкого доброго слова до поставленной на карту жизни – все делается ради женщин. Есть категории, которые я принимаю безоговорочно. Это – одна из них. Я отдаю себе в этом отчет ежедневно, круглый год. Мужчина, который нуждается в напоминании о смысле собственного существования, на мой взгляд, неадекватен. Мне трудно заставить себя сконцентрироваться именно в марте. Может быть – это возраст. Может быть раньше именно в марте вопрос вставал гораздо острее. Но почему именно восьмого? Анализировать поведенческие мотивы женщин в конце февраля я не готов.

Есть достаточно людей, которым я поставил бы памятник при жизни. И авторам тоже. Хотя бы памятную доску на стену дома. Как Тимур и его команда звезды красные ставили. Пусть все знают - он уже так много сказал! Доброго! Он уже рассказал нам о Вечном! Многие пытались, а так проникновенно никто не смог, кроме него! Даже лица вижу этих Мастеров. Ты ведь тоже, правда? А вот я смутно догадываюсь, почему нет досок таких. А вдруг он до смерти еще что-нибудь выкинет? Перечеркнет все сказанное, а мы уже раскошелились, в учебнике процитировали... А у него стрелочка-то оп – и в штюпор! Или акценты общепринятых достоинств сместятся с точностью до наоборот, а у нас – такой конфуз – совсем другое на стечке-то! Нет, дорогие, подождем, пока он финишную линию не пересечет, не отойдет пока от соблазнов земных... А пока досочку прилипим тому, кто отошел уже. Пусть и не так интересен, но спокойнее как-то...

Создать искусственно нельзя. Особенно уважение. Особенно уважение ребенка.

8

Стишков давно не было...
Да, он - поэт, поэт «от Бога».
Он чужд сентиментальных грез.
Он жил всегда довольно строго,
Целенаправленно, всерьез.
Над недостойной круговертью
Он снисходительно парил.
Не пил вина до полусмерти,
Не привлекался, не курил.
Он не бежал знакомств полезных,
Советов мудрых не бежал.

От скуки, а не по болезни,
Порой «на воды» выезжал.
Но, увлечен его стихами,
Стяжав священный ореол,
На кухне, ночью, будто в храме,
Я откровение обрел.
К нему я крался осторожно,
Бесшумно строчками скользя:
Забыть и отвернуться можно.
Создать искусственно – нельзя!

Слово «уважение» слишком часто звучит, правда? А знаешь почему? Уважение – это форма моего личного отношения к человеку в зависимости от степени соответствия его поступков моим представлениям о Мировой Гармонии. При всей непостижимости истинного смысла хода событий. То, что диссонирует с общечеловеческими представлениями о добре, такого отношения не вызывает. Все просто.

Так вот. Один из уважаемых мною и очень известный, заслуженный исполнитель заметил как-то, что авторская песня в чистом виде – это песня, исполняемая человеком, ее создавшим. Исполнитель. Уважаемый. А я знаю, почему. За ответом на любой вопрос о песне композитор может отослать к автору текста. Исполнитель, в принципе, туда же, но он в ответе за свой выбор. Автору отправлять некуда. Он лично отвечает за все. Перед всеми. За выбор темы, за выбор слов, за акценты аккомпанемента, за подачу – за все! И, самое главное - за конечный результат перед Подарившим ему вдохновение. А вот это – уже тайна.

Весь вечер угробил на попытки верно оценить написанное. Перечитывал раз десять. Нашел порядка трех чисто технических ошибок. Но, в целом, узнаваемо. Можно даже фото не прикреплять. А вот про амбициозность переписал, честно говорю. Переписал, вспомнив первое из своих негласных правил (они у меня в папке на рабочем столе постоянно висят, десять штук, понемногу поделюсь): **никогда не атакуй личность!**

А вообще, я «взялся за перо» после того, как мне предложили изучить книгу очередного «мессии». Не нашего, конечно. А вот про себя я подумал по-нашему: **«Какого, собственно...»?!**

9

Написал про амбициозность, а сам свою «Азбуку оперчаток» вспомнил. Есть у меня такая. Может потом всю наберу. Там у меня слово есть такое: АМБИЦИРРОЗНОСТЬ. Первое в Азбуке. Это когда личные амбиции приводят автора к необратимым изменениям. Есть слово ОБЕСФУРАЖЕННОСТЬ. Это не о продрозверстке, не об отсутствии фуража. Это - синоним чинопочитания. (Шапки долой!). Тебе, конечно, интересно, что у меня на букву «Х»? - ХРАМОТОРГОВЕЦ. А на букву «П» («Покой» по-старому) – ПеснепродА-

вец. Вот я про Женский день написал, про «легкое доброе слово», а у меня в Азбуке вместо трех – одно: НЕЖНОМЕТИЕ. Там, в Азбуке, все слова необычные. Вот, например, некоторые одинокие женщины страдают БРАКОБЕСИЕМ. А проныры - ДЕЛИГАДНОСТЬЮ. Вот раньше говорили «коллективизм». А у меня на «К» («Како» по-старому) КОРЫТОЛЮБИЕ. У этого слова, правда, еще одно значение есть... А почему старые буквы помню, так их на флоте до сих пор используют. Например: «Надеть РЦЫ» - заступить на верхнюю вахту, а «КАКО» - дежурный по низам. Нарукавная повязка «рцы» - синяя с белой полосой, а «како» - красная с белой. И флаги сигнальные такие же. Флот вообще очень консервативен. И по форме и по традициям. Он объективно существует, за что и УВАЖАЮ.

У каждого свой мир. Своя азбука, свой опыт, свои привязанности, объекты почитания, система миропонимания... Вот я одного хо-орошего поэта спросил, где он слова то такие выковыривает, а он мне сказал, что программист по профессии, мир у него свой, виртуальный. Он и живет там, в основном, а когда к нам вылезает, некоторые слова прилипают оттуда. Я ему поздравление написал его же фразами из разных стихов. Хочешь почитать?

Пусть «капли лет стекают по плечам»,
«Под крышку дома своего» нам рано,
Дмитрий!

«До фильтра мы докурим жизнь»,

и в этом фильтре,

Отраду обретем, назло врачам!

«По ком малинишь колокол, по ком?»,

Кто «на клубок времен мотает нити»?

Хоть «каждый третий волос лыс», простите,

«Полцарства за коньяк!», за коньяком!

«И вот еще...

А, впрочем, это было...

В кавычках – это я из его стихов надергал. Мне многие дарят свои произведения – книжки, диски... Целый стеллаж подарков. Все с авторскими пожеланиями. А первый подарок я очень хорошо запомнил. Это мой хороший друг написал книгу «О правах потребителя». Он там все законы собрал. Правда он себя писателем не считает, говорит – литератор. Правильно говорит. От слова «писатель» какой-то насмешкой пролетарской попахивает, а «литератор» и выговорит не каждый, особенно с похмелья. Я теперь тоже буду литератор.

А еще в Азбуке у меня есть слово ШАНСОНЕССА. Это о женщинах перед микрофоном. А то их «бардессами» называют – неблагозвучно как-то... С поэтессами проще – они сами себя к мужскому роду относят, обижаются на поэтесс, я, говорят, «поэт»! Одна недавно в спор ввязалась по поводу «скелетов в шкафу». Я ответ написал, но не стал отправлять (см. правило первое). А у тебя есть какие-нибудь правила на «рабочем столе»? А... то-то!

Шутить по поводу скелетов –
Удел проказников поэтов,
А не безгрешных поэтов –
Не нарушайте политес!

Ну вот, десятая страница близится к завершению. Я сейчас книгу вышеупомянутого «мессии» открыл наугад на стр. 105. Знаете, сколько у него букв на странице? - 1584! А у меня ну, допустим на стр.5? – 2625! Хорошо это или плохо? С точки зрения ясности изложения мысли – видимо, плохо. А с точки зрения патриотизма – хорошо, правда?!

Я не философ, дорогие,
Но этим автор и живет:
Чуть больше видит, чем другие,
Ну и немножечко приврет!

Из корзины

...Ты бываешь на разных кортах, в разных концах города. С жестким, «быстрым» покрытием и с мягким, «медленным». Крытые и открытые, подешевле и дорогие. На одних собираются те, кто посильнее, на других – начинающие, «расслабленные», бесперспективные, слабо знающие правила игры, плохо владеющие техникой, не соблюдающие традиций, некорректные по отношению к сопернику, но заслуженные где-то и в чем-то. У тех, кто посильнее, корт открытый, мелкобитый красный кирпич, линии сами мелом разведенным подправляют, сетка самодельная...

Но вот, те, кто посильнее, рядом с домом площадку открыли. Самодельную, рядом, бесплатно. Слабый теннисист с десятилетним стажем упорно ездит на шикарный корт для общения с себе подобными. На другой конец города. А теперь вопрос: ЗАЧЕМ?

Говорят, бывших офицеров не бывает. И моряков. И альпинистов. И... А бывшие родственники бывают. Это, когда кто-либо разводится, оставляет семейный клан. Я помню, как один из моих бывших родственников в походе, в горах, когда его любимая захотела пить, не к фляжке потянулся, а принес воду из родника в листе какого-то кавказского дерева, лежащем в его ладонях...

Этот эпизод не элемент маневра – просто течением отнесло немного.

Часто люди отталкивают руку с листом и родниковой водой ради надежной фляжки. Жаль мне их, как того, кто получает удовольствие от игры в теннис на богатом корте, гарантирующем победу.

А «расслабленным» я не бываю. Не умею.

Я знаю, ЧТО самое интересное на предыдущих страницах. Откуда? А я их прочитал много раз. Про стрелку - самое интересное. Остальное и так понятно. А про стрелку... Тут осторожно надо очень. У меня **второе правило** на рабочем столе от товарища Хайяма:

Пусть и не ново, я напомним снова:
Перед лицом и друга и врага,
Ты – господин несказанного слова,
А сказанного слова ты слуга.

Осторожно, потому, что второй раз стрелка обязательно выйдет на «нулевой режим» и остановится. СОВСЕМ. Это я тоже принимаю безоговорочно. Ну, правила такие тут, на «грубом плане». А вот ляпну что-нибудь не так, и по-другому все сложится, а мне это зачем?

Про стрелку я знаю, что можно говорить. Вот разбил кто-то лампочку о стену. Красиво, с осколками, со звоном. Доволен (я одного такого электрика с трудом отучил). Или елочку спилил в сквере к Новому году, семье угодил, детишкам своим. Или бросил в море на пляже бутылку пустую. Далеко бросил, сразу видно – сильный. Ну и все. И хорошо. Так? Да, вроде, так. Так ТАК или нет? Да, вроде нет... А что не так? Стрелочка проклятая. Царапает кончиком своим синим (или красным). В общем, каким-то царапает. И окурки, брошенные мимо урны, царапает. Я на Соловках хотел молодежь примером своим положительным, наглядным, воспитать. Целую неделю окурки в карман складывал – там урна одна только, у гостиницы. А перед отъездом взял, да и высыпал все в урну на глазах у молодежи. А от них парнишка подошел, карман вывернул и тоже высыпал окурки в урну. Тоже неделю копил. Ну и кто кого воспитал? А ты мне после этого еще скажи, что молодежь у нас «не та». Лучше Книгу пророка Екклесиаста открой – там про это все написано. Из Онеги ребята, музыканты. Потом мне диски свои присылали...

А есть еще «состояние неустойчивого уважения». Один мой друг в такое угодил (в моем понимании, конечно). Это когда стрелка здорово «гуляет». А он даже батарейки копил, не выбрасывает – все экоавтомобилей ждет, ездит в указанное место, а его нет и нет. Обратные батарейки привозит. И лампы галогенные... А потом, как отчудит что-нибудь - хоть стой, хоть падай!

Вот и приходится условно различать бардов и авторов-исполнителей. Условно. Какой проект сильный «Песни нашего века»? Песни хорошие, исполнение отличное. Я сначала все кассеты собрал, потом диск... Ну и что же, что хором? Ну и что же, что с контрабасом? Ну и что же, что с профессиональным гитаристом? Люди-то наши, и песни наши. И люди уважаемые. Так? (Ты ведь знаешь уже у кого про «так» спрашивать, правда?). На первой кассете №19 Милая моя. Потом, ниже, мелким шрифтом: Все авторские права за-

щищены (с) 1998 ... Оптовая продажа на территории России и стран СНГ... тел... А у одного моего сверстника, УВАЖАЕМОГО мною автора, на диске написано: «Все права защищены. Фонограмма предназначена для частного прослушивания. Воспроизведение (копирование), публичное исполнение и передача в эфир без разрешения правообладателя запрещены». Я почему прочитал, - хотел на концерте его песню спеть. Не спел. Не было времени на поиски правообладателя. А я послушный. Очень!

12

Про стрелку я еще расскажу, раз так интересно (то, что можно, по-моему). Вот в 93-м году прошлого века мы в Крым собирались попуте. Я две недели билетов достать не мог. Остался последний день – горит путевка. К этому времени я уже дифференцирован к нищим относился и к музыкантам уличным – тоже (хотя к музыкантам лучше). А тут в переходе бабушка с протянутой рукой... Я пяточок достал, дал ей. Да упал пяточок, покатился по наклонному полу. А я спешу, конечно, последний ведь день-то! Тут стрелка эта. Ну не пускает дальше, хоть ты тресни! Пришлось вернуться, поднять, в руку положить. И какая-то уверенность вдруг появилась, спокойствие, УМИРОТВОРЕННОСТЬ. Спешить перестал. На вокзал пришел, в кассовый зал. Очереди везде, лето... Стою посреди зала, обстановку изучаю. И тут голос мне: «Ви военный?» (Я в цивильном, конечно). По сторонам посмотрел – из окошка кассы для каких-то там групповых заявок женщина спрашивает. Подошел. – Давайте ваши документы. Получил я билеты, спрашиваю, сколько я Вам должен? А она (похоже, прибалтийка): у Фаас же треебофание фооинское, какиие дееньки? Случайность, конечно, ТАК?

Приближается праздник-то. Ну, слабо мотивированный. А ты, когда любимой будешь НЕЖНОМЕТИЯ говорить, про стрелку-то не забывай. Про два конца. Хвалить надо любимых, конечно, но не сравнивать! Не произнеси: «Самая»! Часто хвалить. Еще чаще. Мелочи замечать, быть, по возможности, галантным. Вникать в их дела, искренне интересоваться, от души. Бывает, даже интересно весь отпуск загорать на одном боку...

Я очень помело люблю. Каждый день ем. Могу две штуки за сутки. И чистить люблю. Хорошо у меня получается чистить. Пальцами, без ножа. Потом доскажу.

Сейчас про реку. С рекой надо уважительно. Особенно на байдарке. На катамаране – тоже. Ломать реку не надо, ее надо читать. Понять, что у нее на уме. Особенно перед порогом. Она там, все равно, сильнее, сама сломать может. И говорить с ней надо, как с равным. Я вот в магазин пошел, а меня книжка эта, как река – со стрем-

нины не отпускает, в напряжении держит. И обратно никак не выгрести – поздно уже. А вперед и интересно, и шанс есть. Хороший шанс.

Помело выбирать трудно. Возьмешь помягче – окажется сухим, выберешь потверже – несладким и наоборот. Очень трудно. И гитару трудно. И машину. Есть, конечно, одно правило: выбери ту, на которую «глаз упал». А ведь работает! Я вот сегодня помело взял со следами повреждения при погрузке. А почему? А что, помело виновато в том, что у какого-то грузчика настроение плохое было? У него достаточно причин может быть для плохого настроения. Тем более там, на Дальнем Востоке. Пожалел, короче, помело. Почищу, попробую – скажу честно, ошибся или нет в выборе. «Состояние неустойчивого уважения».

В машине главное цвет. Ошибешься – все пять лет подташнивать будет. У меня так со второй было, с серой. Цвет лучше, конечно, кардинальный, чтобы сразу понятно было. Пятая была черная. Вопросов нет. А шестая – белая. Нет вопросов. Как фата. Или есть или нет. Не бывает «индиго» или «хаки». И гитара. И... вообще.

Гудит в руках у шамана бубен

Задубевшей кожей:

Абонент временно недоступен,

Позвоните позже!

13

Я вот в жюри сижу на фесте, думаете, я на аккорды смотрю? Не-а. Я знаю эти аккорды. И другие знаю. И теорию музыки изучал. На стрелку смотрю, проглядеть боюсь. Лучше там, где нет увидеть, чем там, где есть проглядеть. Не дай Бог! А те, кого не проглядел, теперь уже и песни лучше меня пишут и играют лучше, да и известны по-хорошему. И вслед за ними к микрофону выходить даже неудобно как-то – лучше они, сильнее. А еще зрители восторженно удивляются: «О, вы даже с Ним знакомы!». Это - радость. За него.

Многие считают, что хорошую песню можно написать про кого-то. Да не получится про кого-то, даже если захотеть! Гимн можно про кого-то, ораторию. Хорошая песня, конечно, обобщает, она не привязана по времени. Это ведь не поздравление с Днем рождения! (В поздравлениях, кстати, я тоже не люблю штампов – лучше меньше, но искренне). А казусов много. Вот один зритель на фесте во Всеволожске подошел ко мне и два слова сказал: «Афган? Вертушки?». Я объяснил, что в Афгане не воевал и к авиации отношения не имею. Не поверил он. Я ему диск подарил - приятно, черт возьми! Песня «После боя» называется, в сети есть. А другой чашечку кофейную с коньяком опрокинул, а я ему:

Помни закон простой,

Выстраданный, бесспорный:

Лучше разбить пустой,

Чем опрокинуть полный!

- Обиделся. Говорит, что я постоянно над ним подсмеиваюсь. А это вообще не про спиртное. Это - о том, что дорожить надо тем, что прожито, не размениваться на сиюминутное, на вспышку вдохновенную...

Уважение. Я закончил Военно-Морское училище. Жил в здании Главного Адмиралтейства пять лет. В левом портике у нас клуб был. Зал с колоннами, галерея, танцы... В одном из служебных помещений рояль стоял. Мы там по ночам рок-оперу записывали. Пять голосов, рояль и 12-струнная гитара. Я на клавишах. В рояле гремело что-то, как оказалось – струна басовая оборвана. Ну, я ее извлечь хотел, тянуть начал, тут голос, тоненький такой: «Не делайте этого!» Поворачиваюсь, а в дверях наш однокурсник стоит с другого факультета. Он там все на рояле играл, технику оттачивал. Хиленький такой, но вид решительный. Его послали, естественно. Я опять за струну, а он опять за свое. Ему ребята наемнули направление, а у меня руки как каменные стали. Не трогайте, говорю его. Не буду я струну доставать. Он мне поверил, ушел. Потом настройщик сделал все грамотно, перестал греметь рояль. Я не знаю, стал ли он офицером Флота, вроде ушел в консерваторию, что ли, а вот, сколько лет прошло – до сих пор уважаю человека. Сильный мужик!

Я вот в следующей жизни лучше музыку буду сочинять – спокойнее. Кто его знает, что ты имел в виду?! А то объясняй со сцены каждый раз, что песня была вообще в другой стране сделана, нет давно той страны...

А какой помелка оказалась, я передумал рассказывать. Могут же у мужчины быть свои маленькие секреты? Ма-аленькие...

14

Я родился на Удельной,
Стал на лыжи на Поклонной.
В Озерках учился плавать
И ходил на Велотрек.
Зарабатывал усердно
Аттестаты и дипломы...
Ничего не пригодилось –
Зря старался человек.

Учителей своих помню. Не преподавателей (я сам преподавал 15 лет), а УЧИТЕЛЕЙ. Маргарита Яковлевна по английскому в школе нам тексты Битлов приносила и переводы. БИТЛОВ! В ШЕСТИДЕСЯТЫЕ! Александра Петровна по математике из меня отличника сделала. Мне кажется, она так свой талант проверяла на деле (я в этой науке очень слаб был). А Зинаида Ильинична – по химии. Она на Госах потом полчаса за мою пятерку с комиссией доказательно дралась. Эмма Иосифовна по сольфеджио рассказывала правду о Высоцком. В ШЕСТИДЕСЯТЫХ! Татьяна Васильевна по ф-но со вздохом слушала мои рок-н-роллы вместо школьной про-

граммы... Вот откуда стрелки в груди берутся. От учителей наших.

Алкоголь – это один из способов достижения ИСС – измененных состояний сознания. Я про эти дела у Морозова и Успенского много прочитал. Человек стремился к ИСС всегда, в разных уголках разными способами и с разными целями. Я их много помню. Бомонд тоже неспроста к этому делу неравнодушен – кураж появляется, вдохновение посещает...

Но. Страшно, когда измененным состоянием сознания становится НЕпринятие алкоголя, а состояние опьянения – естественным. Это – тупик. Я знаю. И знаю, что грани нет. Может быть, к сожалению.

ЕЖЕНЕДЕЛИЕ
ЖЕРТВОПОДНОШЕНИЕ
ЛЮБВЕСТАБИЛЬНОСТЬ
МЕЖДУУГОДИЕ
ЦИБИЛЬНЫЙ
ЧРЕВОВМЕЩАНИЕ
ЭРОГЕНТ

Это я обещал еще азбуки подкинуть. Мне еще очень НОВОВВЕДЕНИЕ нравится. Жаль, уже придумали. До меня.

Из моих «настольных правил» еще немного (фамилии авторов не указываю – люди известные):

- У слушателя всегда должна возникать «картинка». (с);
- Если песня нуждается в пояснении – она не удалась. (с);
- Третий куплет всегда лишний. (с);
- Повтор рефрена должен быть логически обоснован. (с).
- У слушателя всегда должен быть «голод» (с);
- Лажать можно в процессе, но кода должна быть совершенной (с).

15

Я все: «Зачем, зачем?»... А любовь зачем? Случайностей ведь не бывает? Система, Мир этот, что-то ведь имели в виду? Значит никак без нее? Нет ведь ничего в Мировом Устройстве случайного? Так? Ну, вот к чему она приводит? Нет, не трагическая, горькая, тупиковая, а нормальная, разделенная, позитивная? Опять все просто. - К детям, к внукам и правнукам, если повезет. Любовь гораздо больше, чем влечение, духовная близость и взаимное уважение. Она по схеме, по плану, должна передаваться. Детям и внукам. А иначе это совсем не любовь, а самая первая и далеко не достаточная ее составляющая. Любовь бессмертна? – Ага. Только бессмертна непрерывной чередой собственных рождений. Поэтому и серьгу последнему мужчине в роду в ухо вставляли и в армию не брали, чтобы, неровен час, не убили любовь в дурацких мужских играх! Чтобы не прервать ее. Любовь не имеет прошедшего времени не пото-

му, что ты помнишь неординарного партнера и не потому, что все остальные хуже. Такая, как раз имеет прошедшее время. Она не может быть в прошлом по Схеме. Иначе это ... (убрал я отсюда обидное). Про любовь надо заканчивать красиво всегда, нельзя плохими словами. А лучше вообще не заканчивать, ибо настоящая Любовь не кончается вместе с жизнью. Она безгранична. Как Вселенная. А мы по ней плывем. Пока.

Заводятся холодные авто,
Заводятся случайные знакомства...
Наш путь, увы, не вечен, но зато,
Поправ предел, заводится потомство.

Я вот тут прикинул, сколько недоброжелателей приобрел, за эти 15 страниц – страшное дело! Полупрофессиональные артисты – раз. С неразделенной любовью – два. Успешные дилетанты – три. Бросающие окурки мимо урны – четыре. Алкоголики – пять. Чинопочитатели – семь. Почему после пяти – семь? А я об одной категории умолчать решил – я же автор, имею право! Ой-ой-ой... это не все еще! Самое страшное, что я и тех, кто оправдывается, очернил, а самому придется... Профессионального артиста, в частности, отличает «всепогодность». Это значит, что профессионал обязан смеяться, если надо по ходу действия, даже если он потерял только что близкого человека. И с температурой играть под 40. И партнера выручить находчиво, если тот чушь спорол или фразу подал неверно. И вообще, он ведь не работает, он СЛУЖИТ! (Так раньше говорили). Много таких? Я вот на «Веселой вдове» был, так там семь человек за весь спектакль ни одного прокола не допустили ни в мимике, ни в интонации. Даже те, кто на втором плане «отстаивался». А помещение плохое, не приспособленное, сцена для танцев не годится. А цветы каждому подарить хотелось! И это сразу после Нового года (ты меня понимаешь)! А потом на «Сильве» в прекрасном театре с прекрасным оркестром. На сцене я 23 артиста насчитал вместе с кордебалетом (это 23 февраля было. Интересно, на следующий день у них 24 будет или только 8 марта – восемь?). Костюмы шикарные, сцена, свет... Только такое ощущение, что они добросовестно смену отстояли, дай им Бог здоровья! Это я к тому, что Галича вспоминаю всегда, когда договор подписываю. Даже на доставку мебели. «Еще раз о черте» (не к ночи будь помянут). Помнишь: «И я спросил его, это кровь? – Чернила! – ответил он». Так мне кажется, прежде, чем договор подписывать на творческую деятельность, надо самому себе ответить на вопрос, «всепогодный» я или так, погулять вышел по берегу под солнышком.

А курение не тело убивает. Зачем ему твое тело, телу и так хана... В душу оно целится, в волю. Курящего человека помянуть проще, на слабости его сыграть. Нет?

16

С артистами, относительно, понятно. Артист физиономию набьет, а потом в буфете сам же и угостит. С авторами тяжело. Автор, он же психолог классный еще. Он перед одной и той же песней может один стишок прочитать, а может ведь и другой... Это зависит от того, кто в зале, конечно. Он так их, стишки и песенки, составить может, что все разом повернутся и на одного человека посмотрят, а может так, что на другого. А может вообще сам в окно смотреть при этом – это еще страшнее. А то возьмет, да какую-то тему «забортную» поднимет, а все голову ломают: «А это вообще к чему?». А он специально не смотрит ни на кого и мимика отсутствует напрочь! От авторов я стараюсь подальше держаться, так, на всякий случай. А если не удастся, то хвалю их, достижения, с праздниками поздравляю, с Днем Рождения. От меня ведь не убудет, правда?

Состоялось 23 февраля. В 66 году прошлого века в этот день мой отец бросил курить.

А помело от машины знаете, чем отличается? А от гитары? Нет, ну видом – понятно, а по сути? Машину и гитару можно поменять на новую. Помело – нельзя. Во-первых, пока не снимешь кожуру, не поймешь. А разденешь – кто его обратно примет? Но дело даже не в этом. Помело обязательно попробовать надо. Иначе, как диагностировать? То есть съест. А оттуда в прежнем виде не возвращаются. Витамины, правда, остаются, кое-какие, но в целом...

Очень люблю русский язык. Плохо знаю, конечно, а кто хорошо, пусть бросит в меня ластик! Ну, вот, только один попал, из Каменногорска. Трудный он (язык). Я стараюсь обходиться литературным. Это вроде упражнения – мол, смогу ли сказать грамотно, не прибегая к плохим словам. Вроде, получается. Уж если ругаться, так флотским матом, без «лиговщины», с применением названий элементов набора, рангоута и такелажа, правда? А вот про гитару и машину рассказывал и еле удержался, чтобы не сказать, во что они никогда не могут превратиться! Даже когда весь ресурс свой выработают. Никогда!

Только для личного прочтения.

Любое копирование, цитирование и публичное обсуждение запрещено.

- Нравится?

Хорошо праздник прошел, интересно. Правда, дата выбрана несколько странно – нет, чтоб в день памяти святого Георгия Победоносца, например... Я только вот о чем подумал: для парнишки в 18 лет (а, тем более, ранее) не совсем понятна миссия его великая. Да и постарше люди не все понимают, что, собственно, празднуем в феврале. А у меня выслуги в ВС двадцать девять

лет. Как думаешь, могу я свое мнение иметь? А? – Правильно думаешь. Это к вопросу о любви, между прочим! Я бы в армию, наоборот, набирал семейных. Ну, тех, у кого любимые есть, детишки. Во-первых, они худо-бедно, но со своей задачей перед Мировым Устройством справились. Во-вторых, он горло будет рвать врагу конкретно за свою любовь (не дай Бог, конечно), за ее земное воплощение. Военная наука – она не очень сложная, хотя и творческая. Мне в этом отношении Айкидо по душе, вернее его идея: обращать силу, приложенную супостатом, против него самого, «Ки» испускать из точки Сэйко-ноитен, кажется... Это там, пониже пупка. Так вот, человек зрелый, такое «Ки» испустит, что любому (я тут нелитературное слово опущу) мало не будет!

И платить им прямо пропорционально их отношению к службе. По пятибалльной шкале: 1 балл, например, - 10 тысяч. А качество службы оценивать по Курсу стрельб (а не валют). Интересно, каким был бы конкурс на место? Что, низкий конкурс? – Тогда по десятибалльной.

17

Обычно. Разрешено цитировать.

Так что выходит? 1. «Авторская песня», как жанр, нынче - искусство публичное, почти профессиональное. (Это слово я проверяю всегда, перечитываю, не написал ли лишнюю «а» вместо «о»). Песня «для своих» должна называться иначе как-то. Например: «бардовская» (придумай лучше). 2. Мировое Устройство можно называть как угодно – это штука непостижимая, но действующая. 3. О любви не болтать надо, а жить, как старики учили. 4. Стрелка будет дергаться до конца. В этом весь смысл. Курс выбирать тебе. 5. Если у автора стрелки нет, он – «лежачий полицейский». 7. Очки нужны только тем, кто плохо видит. 8. Состояние «неустойчивого уважения» - трезвый бред. Такое уважение имеет УСТОЙЧИВУЮ тенденцию - угасать. 9. Курение приводит к смерти. (Как и жизнь). 10. Выбрать верно машину, гитару и помело можно только по принципу «глаз упал». Заметил, что пункт № 6 опять отсутствует? Ну, ты уже знаешь, почему.

А знаешь, почему я слово «помело» пишу, как в сказках про Бабу Ягу, а не по-магазинному? - Потому, что аббревиатура такая есть: PAMELA, «Payload for Antimatter Matter Exploration and Light nuclei Astrophysics». Прибор такой научный, космическое излучение изучать. Чтоб не путать.

В очень знакомых, любимых, проверенных временах, фильмах меня два эпизода настораживают. Первый – в «Карнавальная ночь» - когда достаточно интимная запись на диске (с признанием в любви) звучит по трансляции на весь зал.

Смешно, вроде, по сценарию, а у меня какое-то ощущение пакостное возникает, как будто, раздевают прилюдно. А второй – из «Место встречи изменить нельзя», когда тов. Шарапов графологическую экспертизу имитирует в отношении Фокса. Он ведь негодует по поводу кошелька, подброшенного Жегловым, однако, представления о морали и чести несколько трансформируются при стремлении к скорому достижению достаточно благородной цели самим собой. А зритель восхищается его сноровкой и ловкостью: как он хитро с записочкой-то Фокса! К сожалению, такие издержки свойственны целому ряду профессий. Я их даже и перечислять не буду – зачем стрелку тревожить?

«ВК» - силища, конечно! Бывает, кто-то в новостях напишет фразу - ты ее и так, и эдак... Шарада! Можно умным прослыть, но могут и в глупые зачислить. Особенно тех, кто хочет умным прослыть. Цитат много очень.

Мораль, устои, Бог...

Но вряд ли кто возьмется

Подняться до высот

Изысканных речей.

А здесь, у самых ног,

Перед тобою вьется

Неприхотливых слов

Живительный ручей.

- Это про цитаты яркие. Я цитаты из фильмов люблю. Ну, там: «Семнадцать мгновений весны», «Адъютант Его Превосходительства», «Белое солнце пустыни». Из товарища Хайяма уважаю...

18

В «ВК» ведь, чем реже появляешься, тем больше тебе внимания. И эффект сильнее от выступления. Я туда стишки скидываю иногда. Так, на реакцию посмотреть. Вот перед Новым Годом написал:

Грядущий праздник на пороге

И кто-нибудь, наверняка,

Поудаляет диалоги

Со мною со страниц ВК.

Но перспективы вдохновляют –

Непредсказуем НОВЫЙ год!

Да, кто-нибудь поудаляет.

А кто-то и наоборот!

Представляешь, 30 человек откликнулись (от слова «клик»). Вот представь, при таком внимании, кинешь чушь какую-нибудь... Ну, хоть, из «Белого солнца» просто фразу или диалог... Например такую: «...Где же он, муж этот? Все она, Гульчатай! – Когда я была любимой женой Абдулы, мы каждый день его видели. – И, даже, каждый день он кого-то бил! – Наш муж забыл

нас, еще не узнав! – И как его понять, ведь мы не так уж плохи? – А, может быть, Гюльчатай плохо его ласкает? – Или ему не нравится, как она одета?» (С). Просто так, вроде, кинул, а я реакцию заранее знаю. Пять человек выводы сделают. Трое отметят, мол, нравится. Один обидится, один постесняется. И так с каждой цитатой! А друзья по всему свету... Я же говорю, от авторов лучше подальше держаться!

У меня настоящих друзей мало. Пальцев на одной руке хватит пересчитать. Вот с одним, настоящим, мы редко видимся, раз в год. Ему 80 лет. Так мы даже без рукопожатий обходимся. Обнимаемся просто и стоим, передаем друг – другу все, что пережили за «отчетный период». Минуты две этот обмен длится. И прощаемся так же. Мол, ты поезжай, но знай, я всегда пойму тебя. А между этим, как все – болтаем просто, ерунду несем.

Вообще от серьезных людей редко похвалу получаешь, поэтому и ценишь особо. Вот на этот стишок вообще только трое откликнулись, зато какие!

За силиконом колоннад
Храм на искусственном покрытии.
Надеть бахилы не хотите ли,
А то, повсюду - ламинат!
Там ни торговцев, ни менял,
А для оплаты – терминал.

Машина и гитара не превратятся в продукты жизнедеятельности, потому, что не пропускаем мы их через себя (в отличие от помело). Но есть надо. А ездить и играть – не обязательно. Ездить и играть – это свободный выбор, «барство». Поэтому цитрусу надо прощать помятости.

У меня еще папка есть на РС – «Трезвые мысли» называется. Там есть кое-что. Смотри:

- Групповые сообщения упорно что-то напоминают...

- Почему Эдгару По, а мне – нет?

19

Видимо, пока всё. Эффектной коды не получилось, хотя стишков еще достаточно. Но задача, в принципе, выполнена – поговорили об авторской песне. Память посвободнее стала, правда всего на 80 КБ, но все же посвободнее, дышится полегче. 20 страниц набирать не буду – третий куплет... помнишь? А про повтор рефрена? Ну вот, значит и вопросов ко мне поменьше будет – и так понятно, что отвечу. В общем, пока! Со своей стрелкой бы разобраться...

Из корзины

Любящей женщине дружба в любой форме ни к чему. У нее места в сердце больше ни на

что не осталось, кроме своего высокого чувства. Даже не имея возможности общения с любимым, она будет бежать от любых проявлений дружбы к мыслям о нем и сладостному самоистязанию. Любое посягательство на это право она будет воспринимать, как агрессию, а свои спонтанные попытки ответить на предложение дружбы – досадной данью этикету или милостыней на паперти. В противном случае, налицо ошибка в диагнозе. В мотивах дружеского отношения мужчины к женщине тоже возможна ошибка консилиума, в том случае, если это нечто большее, чем врожденный инстинкт.

... А при чем здесь песни бардов? А, при том, что в отличие от профессионального романса, например, они честно, без романтической сладости говорят о лежащих на поверхности и близких каждому истинах, представлениях, сформированных многовековой мудростью. Нет ни одного жанра (может быть, кроме рок-музыки), который бы позволил называть вещи своими именами без сползания к пошлому примитиву. Отличие от текстов рокеров заключается в культивируемом бардами чувстве такта и отточенной форме стиха.

Мы часто можем объяснить необъяснимое, нам только зацепку дай, мотивировка ждать не заставит. Советская привычка еще, не одно поколение прошла, проверена годами. Где бы тебя не остановили, надо быстро и четко ответить, куда и зачем. Главное – гладко, быстро и четко. Правду не стоит говорить, даже после работы или в выходной. Особенно, если за бутылкой идешь. Кивнут с пониманием, а потом с работы – Ррраз!

Вот возвращаешься ты из магазина с покупками. Пакеты в двух руках – так, ерунда ежедневная. Ты живешь на четвертом этаже. Вдруг понимаешь, что оказался на один пролет выше – между четвертым и пятым. Посмотрел в окно – высоко. И всё. «А я здесь зачем?» – видимо задумался, проскочил... Спустился и вошел туда, куда надо, домой.

Никто и никогда не станет тебя ругать за эту случайную промашку. Ты и сам не знаешь, как так получилось. Удовольствия никакого. Правда, ты там очень редко бываешь, может, за десять лет только один раз и поднимался – помогал соседу донести что-то (или его), но это «на скорость не влияет», как говорят водители. И на безопасность движения тоже.

Но. Представь, что тебя там увидели. Случайно. Между четвертым и пятым. С пакетами... Оп-паньки!... Хоть ты тресни, а объяснить невозможно. По крайней мере, не объяснить гладко быстро и четко, а это настораживает. Очень настораживает. Как бы ты себя дальше не вел, но это будет проколом на всю жизнь. Надо быть внимательнее при подсчете этажей!

20

На заре моих опытов в роли «пользователя ПК» поучительная история произошла. У меня к тому времени много песенок и стихков уже было и решил я их систематизировать. Я очень люблю систематизировать, устроен так. Например, в предыдущем предложении я написал сначала «было уже», потом поменял слова местами на «уже было». А не знаю зачем. Так вот: скинул я все материалы на комп, ну, думаю, завтра суббота, с утра, пока все спят, я по папочкам-то все и разложу аккуратно. Первоисточники, конечно, с облегчением уничтожил, не имел тогда еще привычки копировать. Отметил это дело, да и спать лег. Утром подготовился физически сначала, потом морально, с мыслями собрался, важность момента осознал. Включаю... Еще раз включаю... Ну не загружается операционная система и все! Вообще – по нулям. Как в анекдоте: «И так семь раз!» (Я восемь раз пробовал). А там ВСЁ. ВООБЩЕ! Вышел на кухню, закурил. Сажу и думаю: А ну и что? Андрей-то не помер, вот он, живехонький пока. И все, что сделано было, внутри где-то, не в башке, а именно внутри, осталось. Еще апостола Петра вспомнил, что не с системным блоком под мышкой, а голенький пред ним предстану... Он ведь как-то узнает, что у меня «за душой»? Новое напридумываю. С легким сердцем решил «контрольный» сделать, перед тем, как избавиться от этого хлама, включить еще раз... Включился, собака! Ну, все слова ты и так знаешь... Это я к тому, что вовремя сделанные выводы избавляют от устойчивых ошибочных представлений. Железяка – и есть железяка. Как машина или гитара. Внутри все у тебя. И душу в гитаре видит только тот, кто сам ею обладает. Отражение её.

Вот я к АК-47 уважение испытываю. Не к модификациям, а к тому, первому. Надежная машина, совершенная. Верх конструкторской мысли в обозначенном направлении. Ну, об этом много сказано. Михаил Жванецкий как-то заметил: «**Мало знать себе цену, надо еще пользоваться спросом**». АК пользуется. Но представь его без магазина – бесполезная вещь, нестрашная и ненужная, как компьютер без операционной системы. А вещи эти, машины, гитары – прилагательные. К тебе. С магазином и операционной системой.

В прошлой жизни у меня один номер был – номер паспорта. Номер дома и квартиры – уже общие. Теперь у меня свой (?) номер телефона. Пин-коды свои. Много. Номер свидетельства о регистрации машины и Гос. Номер. ИНН. Пошел в сберкасса – талон получил в автомате № А015 – номер в очереди. Поругаться уже не выйдет. Оцифрован. Весь. Прогресс. Хорошо, ТАК? За билетом в кассу стоять не надо, как в 93-м тогда... К зубному записаться можно не выходя из квартиры. Пиццу горячую заказать. А ты: «Ав-

торская песня»!... Это ведь только я пока догадался поздравления поэту из его же строк составлять, а если программу создать такую: «В помощь начинающему автору», например? А помело я могу и сам выбрать. С удовольствием! (пока).

Чувствуя удачу за версту,
Ободренный злыми голосами,
Я стихи, как камушки во рту,
Бережно обкатывал часами.
Протирал «до белого» лады,
Продирал «до розового» деку
И потоком пенистой воды
Я утюжил северную реку...

21

«Штопор» у стрелки – это когда «север» и «юг» местами поменялись, когда «перемагнитилась» она. Никто не следил за ней, когда надо было, вот и плясала туда-сюда, а кому нужен компас «наоборот»? Удобно разве? Куда корабль он приведет? – Правильно, на рифы прямиком, к полному кораблекрушению и развалу. У меня даже песенка такая есть «О паузах» называется. И тогда много виноватых найти можно, но ты ведь знаешь, что под нактоузом топор лежал. А может и не один топор-то. Чем топоров больше, тем девиация сильнее, уважение неустойчивее... Жаль такой корабль. Очень.

Прогресс нельзя догнать, наверстать. Вернее, формально можно, но без душевного понимания. Каждый рожден на своем срезе. Я рожден на срезе «радиола». Такой приемник ламповый с шестью клавишами-зубами и одним глазом зеленым. Сверху, под крышкой, проигрыватель для пластинок. На него потом первый телевизор был похож, а потом и первый магнитофон. И телефон с проводами должен быть, а для телевизора антенна должна быть на крыше, чем выше – тем лучше. А когда антенну приделают с помощью соседей, потом надо ее «обмыть», иначе сигнал не будет устойчивым. Диваны надо «перетягивать», а пальто «перелицовывать». Я и носки штопать умел... Первый «планшет» я увидел год назад. Нет, не удивился. Я уже ничему не удивляюсь. Пускай так. Кроме стрелок перемагнитических.

Вот берет гитару человек. Просто, правда? Предложение простое такое получилось. А я вчера Автора слушал. Недолго. Меньше часа он пел. А я об этом вечере начал бы так: «Вот берет Гитару Человек...»! Есть разница, ТАК? Сразу услышал, как он пел и о чем. Удалил я дальше рассказ про него. Потому, что ты и так все понял. Я помню ЗАПАХ своей первой. Гитары.

Гитаре 800 лет. Автомобилю – 200. Телефону с проводами – меньше 150. Планшету – год (в прикладном смысле). Автомобиль не узнать, телефон – тоже. Помело не изменилось. Вооб-

ще. И полюса не изменились, хотя ось куда-то тянет, говорят. А когда полюса поменяются, что будет? – Правильно. Причем ВСЕМ. А я про категории какие-то сомнительные, как названия песен у Автора... Только Мировое Устройство предполагает взаимосвязь всех своих элементов, поэтому каждая стрелочка важна для верного курса всего кораблика. А иначе, точно ВСЕМ...

Вот, помните наглядную агитацию? Ну, например: «Советская Морская пехота – надежный щит социализма!» Правильно? В общем – да. Трогает?... А так?:

Норвежские вышки,
Компот из морошки...
Всё не понаслышке
И не понарошке.
Но в жизни, ребята,
Поставлена вежа:
Год семьдесят пятый.
Бригада морпеха.

22

По моим наблюдениям, **многие авторы не песни пишут, а наглядную агитацию.** Хоть и о правильных вещах. И правильными словами. Лежачие полицейские тоже нужны, видимо. А то, что нет такого слова: «понарошке», я знаю. «Понарошку» - есть. А это из детства слово.

Пока я не стал безвозвратно докуренным,
Потраченным, вычеркнутым из Времени,
Увидеться бы с Борисом Акуниным,
Да руку пожать Диане Арбениной...

Этим стишком я обычно предваряю свою песенку «Феномен Б.А.». Помню, как-то в книжном на Бухарестской я спросил его книжку, так продавщицы дискуссию развернули, мол, 80 рублей ЧЕХОВ стоит, а он за те же деньги какого-то Акунина хочет. Я тогда у них еще альбом Босха попросил – тут уж замолчали надолго. По Чехову у меня, правда, тоже песенка есть, «Палата №6» называется, но слабовата песенка, непопулярна. Так почему Акунина? А я вот никогда не подпеваю, когда со сцены команду такую дают. Знаешь: «А теперь давайте все вместе!» и еще хлопают в такт. Не люблю этого. По указке не люблю. А так – бывает и хочется подпеть, но это редко, да и без команды только. Я поэтому «Дона Кихота» так и не дочитал – слишком модно было рассуждать об этом. И не помню совсем, о чем она, книжка. Я про товарища Кихота ведь не просто так вспомнил. Попробовал бы он с Вайфаями, да с Блютусами повоевать! Можно даже все излучения и поля электромагнитные каким-нибудь инфракрасным способом подсветить – как в кино сигнализацию. Представил сеточку?! Мобильники рядом с тобой в дежурном режиме и в активном, планшеты разные, уоки-токи, ра-

дио на скорой, такси, полиция и т.д... А просто блоки питания? Телевизор, часы, холодильник, компьютер, трубки беспроводные дома ты от сети отключаешь? А сосед? А они, между прочим, поле создают, излучают. Вот с кем Дон Кихот сражаться бы не стал – не видно их. Есть такие штучки, которые не дано нам органами чувств воспринимать, нет у нас таких органов. Только последствия можем изучить, но, как обычно, поздно уже. А курить вредно, конечно. Особенно вредно у входа в метро.

Начинающий автор зачастую хочет произвести впечатление своими способностями на кого-нибудь (обычно противоположного пола). Потом вес в «группе» приобрести, среди своих. Потом соревнуется на фестивалях с переменным успехом, документальное подтверждение ищет этим способностям. Потом понимает, что его слово не в пустоту летит, следы остаются на тех, кто оказался «на линии огня». Потом просто не может жить по-другому, автономно. Потом молчит, в основном. Но до этого уровня далеко очень, редко кто дотягивает, Геймова раньше приходит. Это высокий уровень. Я вот у того, которого недавно слушал, отметил такое качество: он на пределе понимания всегда. Ведь простое неинтересно слушать, а слишком сложное, непонятное – обидно. А он поймал эту волну и на гребне балансирует, на «лезвии бритвы». Слушатель в напряжении постоянно, боится нить сюжетную потерять, ведь ясно, что о серьезных вещах Автор хочет рассказать, обратить на них внимание, показать с необычной стороны, с той, с которой только Он эти вещи видит. От такого вечера память надолго остается, мысли шевелятся, пытаются по полочкам устроиться. Автору – уважение и благодарность. Пусть пишет, радует людей, правда?!

23

Цветы дарят. Бывает, много. Один автор не любит «мертвые цветы», срезанные. А как ей живые подарить - в горшке? Не эстетично, вроде. Вот Геннадий Жуков тоже не любил мертвые. Он даже про розы написал, которые «дают на углу»: «Кто научился предсмертный их цвет продавать?» – Это в «Коллапсе», кажется... Вот - Автор! Я много его песен помню, хоть и не заучивал специально – сами куда надо ложились. А ведь дли-инные! А у меня вот про розы коротко вышло:

Нет ничего печальнее на свете,
Чем эти розы в мусорном пакете...

- Ну, хоть помело дари, честное слово!

Вот ритм, интрига... А почему я обещал только двадцать страниц написать, два раза прощался, а уже двадцать третью набираю? – эффект одной певицы известной очень. Чтоб всем страшно стало, что уйдет. Вот тебе, если страшно не было на счет продолжения, - значит, никуда я не погуюсь. (Ну, может, хоть немного, а?)

У нас кого любят? – солдат и заключенных. А почему? Потому, что старики говорили: «От сумы, да от тюрьмы не зарекайся!» (Сума, между прочим, - это элемент снаряжения, по-нашему, рюкзак армейский, ранец). Вот и смахнет старушка слезу, при виде строя, не зная о «кармических закономерностях», а так, по-христиански: «Не дай Бог и не приведи Господи!». И поэтов любят тех, кто «Кончил жизнь трагически» (с). И читать любят про любовь неразделенную, безысходную. А про нормальную обидно читать: «Зачем же так!». Слабых авторов жалеют, причины находят слабости автора объективные, оправдывают (знают, что все равно не выскочит выше всех – не страшно)! С сильными надо осторожно. Лучше вообще не замечать, с улыбкой так, многозначительно. А то, неровен час, все внимание на него обратят, а не на меня. Бывают и такие «мастера», правда, редко. А сильный кто? – у кого стрелка видна. Круг замкнулся.

Паника – страшное дело. Я один раз испытал на себе, хоть и раньше предпосылок было достаточно, но настоящую панику - только один раз. Мы на кате (катамаране) парусном вдвоем шли. Ну, ветерок, конечно. Тут кат задний ход дает, да еще и прибавляет. Я на грот смотрю – нормально наполнен, должен вперед идти, а он – назад. Мы друг на друга глядим воот такими глазами, а я еще и командовать должен что-то... Знаешь, как будто в другое измерение попали – все непонятно вообще! Ну, парус долой – вроде вперед пошел. Я потом причину понял – задняя шкаторина неверно набита была. Парализует она, паника. Потом я её по телефону только слышал однажды. У парусников, если больше двух – уже флот называется. Вот такой флот из четырех экипажей в Белое море пошел. На парусных маломерных судах – катамаранах. Тут шторм. Раскидало их. Я далеко был, дома на балконе курил в халате, в Петербурге. Вдруг звонок с острова одного, а в трубке – она, паника! А почему? Решили, что стрелочка – это атавизм или антиквариат, что GPS-навигатор теперь всяко удобнее. А навигатор этот, как секундомер в книжке у Виктора Конецкого, на шнурочке висел. А шнурочек на шее. А владелец его котелок с кипятком с костра снимал... Ну, спросил я, что видно вокруг, успокоил, как мог. Там берег рядом был, в семи милях. Потом командир второго экипажа позвонил, я ему рассказал, где первый. Вот такая навигация. Ну, как, нужна стрелочка?

А девиация не только магнитная бывает. Бывает биологическая, психологическая, сексуальная, социальная, финансовая... Много видов её, а причина одна... Топор спрятанный.

24

Сегодня услышал по телевизору фразу: «Меньше слов – дешевле телеграмма». Раньше не слышал. Хорошее правило для авторов, но

дворовое какое-то. Уж если эпитафии использовать, я бы к нашим юмористам обращался каждый раз. Вот, например:

«Мы тоже молодыми были, но, чтоб за де-еньги!!!...» (с)

А ведь, правда, у нас все или «за деньги», или «так». А что лучше? За деньги порядка больше, конечно, особенно с точки зрения налогового инспектора. И пожарного. И санитарного. И пенсионного. И профсоюза. И... А вот «так» - неустойчиво очень и непонятно. Самое главное – непонятно, зачем тогда? И слова определенные есть – не мне тебя учить и не мы их придумали. Вчера Прощеное Воскресенье было, так что вы простите меня, пожалуйста! (Это я ко всем обращаюсь, а не к тебе лично).

От недоска завуюлю

Увы, никто незастрахо.

На каждое: «За что и лю!»

Получишь искреннее: «хо!».

Это, видимо, очень смешно, но я частенько пасьянсом балуюсь. Да, да, «Солитером» (произношу с «э», дабы не путать). Давненько балуюсь, лет десять. Таблицы есть за каждый год. По 100 раскладов статистика. Все по-честному, проиграл, так проиграл. Процент выигрыша около 60 в среднем. Объясню. Успокаивает – понятно. Самое главное, что я с его помощью контролирую уровень своего психического состояния. По таблицам очень наглядно выходит. Грубо: получается, что если верно живу на временном отрезке, то и результаты хорошие. Но «верно» - понятие субъективное. Вот, например, когда находишься в процессе принятия какого-то решения (не знаешь еще, в правильном ли направлении идешь) – повышается результат, а если уходишь от задачи, хоть сразу «выход» дави – толку не будет. От боли тоже уходить – себе дороже. Чем меньше думать стараешься, тем больнее. Устроено так все: раз дано – решай! А уж если идея песенки прилипла, так точно писать придется, никак иначе не получится, «защекочет». Последнюю неделю у меня процент сложившихся раскладов – 48, низкий очень. Ухожу от чего-то, видно...

Один десантник рассказывал, что им перед строем письмо повара зачитали. Чужие письма читать – мало того, что некрасиво, так это еще и себе дороже: ты передачу «Давай поженимся» хоть раз посмотри. Чужие письма - табу. (Но, понятно, что не для всех...). Так вот, написал он, что прыгают они с самолета АН-2 в четыре потока(!). Смеялись над ним десантники, что он и близко к самолетам не подходил, но я не об этой стороне обмана, я опять о том, ЗАЧЕМ ему это? Разве позорно кашей кормить бойцов? Прямо, как в песне «Скачки» у группы «Машина времени»! Вообще «мобильник» честнее проводного телефона, более «морален», что ли. Ты ведь заранее знаешь, что в прямом эфире, правда? Это – как письма с фронта, треугольничком сложенные, незапечатанные. Честные письма. Петля Мёбиуса. Мне очень нравится название элект-

ронной книги: e-book. Одного себе простить не могу: в армии их направо и налево раздавали, а я не ценил...

Вот и отзывы на странички поступили. Один ОЧЕНЬ хороший, другой очень ХОРОШИЙ! Петля Мёбиуса...

25

«Чем хуже голос, тем короче юбка».
Ольга Арефьева

«Презрев изысканность косметик, на фоне Вечности Галактик...» - так у меня стихок один начинается. Стишок один, а воспоминаний!... Хорошо знакомых женщин (в разумных пределах, конечно) просто не узнавал без косметики. Нет, я старался, понимал ведь, что потерялся во времени и пространстве, как тогда, с парусом... Но понять не могу, в чем дело! Почему этот человек ко мне так панибратски обращается? (А ведь говорил, что панику только один раз испытывал...). Самые страшные эпизоды жизни запоминаются. Здесь я три строчки подробностей удалил: я же не триллер пишу. По утрам они активизируются, обычно. Особенно смущает неясность, нам за один кустик или за разные. Нет, я понимаю, что что-то подчеркнуть можно, но не до неузнаваемости же! Им же самим неудобно, должно быть! Тем более, в молодости. Ну, лукавого я могу представить без косметики, хоть и с трудом, но ангела с макияжем... Подозрительно! Очень подозрительно! Это – как я без бороды. Я одного барда без бороды встретил, так он мой взгляд перехватил, оглянулся по сторонам, с ужасом, и сразу бриться перестал. Нет, правда!

У костра имидж какой? Вот у Степаныча, например такой: все знают, что не бывает невыполнимых задач, если он рядом. Если надо машину поднять на метровый пень, чтоб бензин из пробитого бака не вытекал – она будет поднята. Это даже не обсуждается. Это всем и так понятно. А если этот пень (в диаметре он - тоже метр) надо на дрова расколоть, его даже не зовут, просто глазами проверяют, здесь он или нет. А если Серега у костра, свою гитару можно даже из палатки не доставать, вообще зря тащил. А на сцене? Там гитару попросить чужую – проблема частенько уже. Он ведь именно с ней везде на фото и на видео. А представь, если бы я тубетейку или бейсболку попросил, а это элемент сценического образа? Макияж шансонесс еще фотографам и операторам работу упрощает – не надо с осветителями ругаться, все и так подчеркнуто более, чем... Другие законы на сцене. Прагматичные. Мне имидж «шестидесятников» по душе. Ковбойка в клетку. Это, как подтверждение кредо: «Стрелка не перемагничена!».

Мы в траншее номер два
И судачить нам неловко,
У кого точней винтовка
И белее голова.
Да, невежливы подчас
И стишки у нас с оглядкой,
И за кованой оградкой
Лишь немногие из нас.
Но взгляните вы назад:
А не ваши ли приметы
У непризнанных поэтов
Со смешинкою в глазах?!

Вот ты волнуешься, как там помело... А никак. Нет помело. Съели помело. Не успел я.

26

У Никиты Михалкова фильм есть «полифонический»: «Утомленные солнцем». Три, на первый взгляд, не связанные темы развиваются одновременно: главная тема, сюжетная – тема Выбора, побочная явная – тема кармы или судьбы и побочная глубинная – тема трансформации энергий в Мировом Устройстве. Тем, кто эту полифонию «слышит» фильм нравится, а кому Бог не дал – нет. Говорят, мол, непонятно, причем здесь молнии шаровые и деревенька какая-то?... Это я к тому, что если прочитанное тебе кажется бессвязным бредом, то ты прав. Опять же, как у Жванецкого: «Пешеход всегда прав. Пока жив».

Меня вот спросили про циклы, мол измываюсь над читателем... Это о ритме я рассказывал, в начале. Правда, простите, я думал понятно и так. Речь, собственно, идет о ритмичном дроблении Времени от доступных, в некотором смысле, для понимания Юг (или махаюг) от Калиюги (темной) до Сатьяюги (светлой) (санскр.) до жизни в пределах клетки. То есть смена рас, периодов, веков, годичный цикл, месячный и т.д. В общем, дышит ВСЁ, туда – сюда. А вообще это привилегия зороастризма рассуждать о конечном и бесконечном времени (Акарана и Даргахвагата). Примерно, как память у компа. Ну и космофизика там, теории шкал разные, лептонная, «теория струн» или протяженных элементарных частиц и т.д. Я и не помню подробностей, давненько прикасался к этим делам с дилетантским апломбом, а это серьезные штучки, вообще-то. Но к стрелке в нашем контексте это непосредственного отношения не имеет, я только о ритме в прозе рассуждал.

А авторов-исполнителей (которые «так») я придумал, как называть: БАРБАДОС. (На втором слоге ударение). Мне, зачастую, проще словами объяснить, чем это ударение на клавишах найти. Как музыканту проще сыграть, чем записать нотами. Как в анекдоте про вопрос о курсе, помните? - Зюйд-Зюйд-Вест! – Тебе, что, лень рукой махнуть? А выделять большой буквой, как теперь принято, не всегда по смыслу

подходит. Барбадос – это остров такой, пиратский, между прочим. А у барбадоса (барда) обязательно «пиратская» песня должна быть и «цыганочка». Это индикатор принадлежности к цеху. У меня есть. А «цыганочек» - даже две. А еще «Барбудос» (*исп.*) называли себя кубинские повстанцы времен революции Кастро, например, товарищ Че. Они поклялись бороды не сбривать до полной победы. По-испански «барбудос» и есть «бородатый» - остров заросший вель.

У собак со стрелочкой идеальный порядок. Любовь ~~собаки~~ купить нельзя. Я почему говорю, у меня «немка» (овчарка) жила 17,5 лет. Много. Любила меня очень. Я не ценил. Жалею очень. Поздно. Вот, когда хороший человек умирает, говорят: «ушел». А она реально ушла. Через сутки вернулась объяснить почему. Я ее понял. Тогда совсем ушла. Она не хотела, чтобы я считал ее умершей. Сказала, что уходит сознательно и в этом виновата только старость. Жена с детьми уехала в отпуск как-то. Я с собакой остался. В два часа ночи она стала метаться от окна к окну и выть. В четыре перестала. Утром жена сообщила, что доехали нормально, только в два часа отказала какая-то система в их вагоне (что-то с тормозами) и его отцепили. Их перевели в другой, до четырех в коридоре сидели на откидных...

Таких случаев много было. Я не знаю, куда они имеют «административный доступ», но кое-какие догадки о Мировом Устройстве (М.У.) и Мировой Гармонии (М.Г.) подтверждают действием. Вообще вся ее жизнь состояла из Поступков. Бывало, неверных, но всегда очень убедительных. Она за каждый из них ОТВЕЧАЛА передо мной, как перед верховным жрецом.

27

Я не люблю собак на поводке,
Но если есть, то пусть он будет строгим.
А эти, современные, убоги -
Катушечка с пружинкой в руке.
Катушечка, как спиннинг рыбака –
Щуренка обрекает на сражение,
Но не передает руке движенья
Пружинка, напряженная слегка...
И, вот еще, послушайте меня:
Порою, просто покажите силу -
Она ведь лишь об этом вас просила,
Заклепки вырывая из ремня!
Я не люблю собак на поводке.
Они должны повиноваться ВЗГЛЯДУ
И шепоту. А поводка не надо.
Пусть у колена, «Рядом», налегке!

У меня есть еще один друг, с которым мы без рукопожатий обходимся и понимаем все без слов. Ему скоро 35 лет. Наш человек.

Барба(у)дос у костра и авторов-исполнителей одна штучка объединяет. Нет, я не про гитару или стихосложение. Я про достоинство. В авторах очень ценю. Я думаю, не надо объяснять его отличие от заносчивости, например. Это качество в советское время меня у конференсье поражало просто. Более наглядного примера не могу найти. Никакого заигрывания с залом. Все очень аккуратно, даже если смешно, никакой пошлости. А артистов представляли с такой значимостью, как будто сейчас Королева-Мать на сцену выйдет! Остались еще такие, НАСТОЯЩИЕ. У некоторых оно с детских лет, врожденное, что ли. А мое внимание на это качество относительно недавно обратили, шесть лет назад. Я его до конца и не постиг, наверное, но очень хочется!

Вот и выходит, что операционная система и магазин – прилагательные к компьютеру и АК, соответственно. Компьютер, АК, помело и собака – к нам. Как ими распорядиться, нам подскажет стрелка, т.к. она не зря вставлена, куда надо. А мы вместе со стрелкой к чему прилагаемся? – Правильно понял! ГОРЖУСЬ!

А название «Стрелка», конечно больше теме соответствует, она – главный герой книжки, но это слово, как и многие другие, в последнее время много смыслов имеет. Хотел я свои листочки «Бесплатно» назвать, да читатели остановили, в частности, из-за первых трех букв. На самом-то деле мы заплатим за все. Не валютой, а здоровьем собственным, физическим и душевным, осознанием горького слова «поздно» и еще Бог знает чем. За недоошенную любовь и за разбитую о стену лампочку. В разной мере.

Но. ВСЕ БУДЕТ ПРАВИЛЬНО! По СХЕМЕ. Поверь мне, я знаю.

28

Слушай скорее! Я ведь СТРАШНУЮ ошибку допустил! Вот такое нельзя прощать! На странице 20, внизу. Последняя строчка. (Не ищи, удалил уже!) Это ужасно, правда. Да не специально я – заигрался в сочинительство просто. Так у исполнителей бывает: решит заменить неудобное слово на удобное, а сам и не заметит, как смысл поменялся. А потом от автора получает эти... ну, e-book и – нашел, что получает! Там ведь не «надежна, как трехлинейка» должно быть, а «безотказна»!!! – Совсем смысл противоположный получается. Век живи... Или нет разницы между «надежна» и «безотказна», как ты считаешь?

Один разговор о дружбе был года два назад. Я ответил на вопрос, возможна ли она между мужчиной и женщиной, положительно, с оговор-

кой: только в том случае, если они супруги. Ответ не полный. Дружба между представителями разных полов возможна так же если они принадлежат одному роду, фамилии. До тех пор, пока близкий тебе по уровню духовности и интеллекта, по миропониманию и увлечениям человек может рассматриваться формально, гипотетически, как потенциальный интимный партнер... (несколько слов я удалил). Для супругов этого вопроса не существует, ибо он решен изначально. Кроме морально-этического аспекта, в данном случае речь идет еще и о готовности к абсолютному самопожертвованию, которое предполагает дружба в общепринятом смысле. Человек готов **безоговорочно** пожертвовать собой только в отношении близких по крови. В противном случае, вопрос: «А как же они?» будет стоять за спиной. Я повторю слово БЕЗОГОВОРЧНО, ибо зачастую возникают ситуации, когда стрелка подталкивает к такого рода самопожертвованию даже в отношении незнакомых людей, но это не относится к теме дружбы. Скорее, это вопрос Выбора и, чаще всего, мгновенного. Мужская дружба, на мой взгляд, нечто иное. Я не хочу останавливаться на внешней ее стороне. Речь о другом. Настоящая мужская дружба предполагает внутреннее виденье и глубокое понимание того пути, который привел твоего друга к состоянию «здесь и сейчас». Готовность к **уважительному осознанию** его выбора, даже если это противоречит твоим взглядам. Не оправдание, а сопереживание всех мотивов его поступков и убежденность в неуклонном следовании своим принципам в дальнейшем. Рассуждать о женской дружбе я не готов.

*Волнушек полная корзина...
Но почему так жаль бензина?!*
Андрей Григорьев

Был период, когда было плохо с сигаретами. Плохо бывает со всем, но в этот раз – с сигаретами. Совсем плохо. Талоны давали по прописке (даже на детей). Это начало 90-х прошлого века. Я почему запомнил, я тогда в 92-м курить бросил на пять лет – обидно стало за жену, которая за каким-то «Полетом» без фильтра четыре часа в очереди давилась, потом талоны ножницами вырезала... Но самое страшное, что была счастлива своей победой во имя любимого! Нет, не для нее страшное – для меня! Она-то как раз гордиться может своей самоотверженностью, а вот человек, который доводит близких до такого унижения, просто обязан бросить курить. Что я и сделал.

29

А до этого выпивали мы с другом, который потом стал литератором. Когда выпьешь, все-

гда интересные идеи возникают (до определенной стадии). Вот он и говорит: «А не махнуть ли нам в выходные в Са-нск за сигаретами?» (До Са-нска 36 км. грунтовки). Я спросил, зачем, а он ответил, что там блок сигарет на рубль(!) дешевле. Я опять спросил, а на чем поедем? Он говорит: «А на твоей машине!» (у меня «восьмёра» тогда была красная). Я, хоть и «выпимши» был, но разговор этот на всю жизнь запомнил и всегда задаю себе этот вопрос: «А на чем поедем?»...

Я, между прочим, понял, для кого книжку-то пишу. Нет, не для барбадос, для помело. Уж больно открыто улыбалось оно мне вчера, прям, как «смайлик» из ВК. Нет, даже еще искреннее! Я только половину съел, остальное приберег на утро. Вкусное вчера было помело.

Так вот, про эпитафию. Бензин, он критерием целесообразности события является. Тут связь явная и дополнительных разъяснений не требует. Если уж потратился на заправку, то хоть один белый гриб привези. Или пять подосиновиков. А волнушки... Унизительно как-то. Волнушек и так полно. А, бывает, на концерт какой или на презентацию съездишь, а на обратном пути смотришь на стрелку (да на «комбинашке», комбинации приборов) – и жаль бензина. Много таких «волнушек», одно волнение доставляют по поводу бензина.

Стрелку, застывшую в нуле на время, не каждому дают ощутить. Это из тех закономерностей, непознаваемых. Но уж если есть такие люди, кто зафиксировал этот феномен (ударение в середине, проверял по словарю и не один раз, и не по одному словарю, и по словарю ударений, и давайте правильно говорить, даже если коробит!), так ты, хоть прислушайся к рассказу, вдруг пригодится! Это я про «Лего» хотел добавить.

Дети, они ведь ерундой не занимаются, в отличие от нас. У них на чужь всякую времени просто нет. Им надо интенсивно развиваться постоянно и на это дело у них стрелка четко указывает. Поэтому не конструктор металлический с гайками, винтами и гаечным ключом выбирают, а «Лего». Я слышал, что рекламировать плохо что-то, подробностей таких не знаю, но на всякий случай напишу: «не в целях рекламы», а для разъяснения. Там развиваешься быстрее, закономерности постигаешь, считать учишься, чувство вкуса, меры, пропорций – все сразу работает. Они понимают, что башню надо строить с фундамента, а не с маячка на крыше. А мы все маячок этот – то так развернем, то по-другому, то цвет стеклышка поменяем, то два фонарика сделаем. – Глупые люди взрослые. Я бы даже сомнительное слово употребил тут: «дураки», прости, Господи! А «платформу» тебе предлагают ЕЖЕСЕКУНДНО! Можно начать строить на ней прямо СЕЙЧАС новое красивое здание! (я только вот покурить выйду...). Каждому кубу, каждой детальке значение придавать и месту, и размеру, и цвету. И слушать стариков, если

говорят, что вот в этом месте у тебя не надежно, рухнет эта часть, а в этом - больше другой цвет подходит. А деталей вокруг – пруд пруди, на любой вкус, только выбирай ПО СЕБЕ, по сердцу, по стрелке!

Ну вот, не понимает читатель про любовь в моей трактовке. Мол, это духовная категория, тебе не понять, ты все к Марксу тянешься по привычке, к материализму его... Да задолго до Маркса думающие люди поняли, что все высоко духовное начинается здесь и сейчас, на «грубом», физическом плане! Что кроме «Стрелки» нет у нас НИКАКИХ инструментов для измерения степени духовности. Изначально, нам даны только органы чувств. Всё! И детали вокруг разбросаны красивые. И эти органы в одном случае на верхнюю половину синусоиды работают, а в другом – сам знаешь на что. А мне говорят, что хорошо и плохо – это категории относительные. Ага, относительные. От курса могут отнести.

30

Как на «грубом плане» говорить о любви? – с помощью ЯЗЫКА! (Ну, в смысле, речи, колебаний акустических). Проявлять с помощью ОРГАНОВ разных: ног, которые можно сбить в кровь, спеша к любимой, или давить на педаль экскаватора, зарабатывая на жизнь; рук, на которых можно носить любимую, а можно теревить струны гитары, чем ее и «достать».

Струны – тонкая вещь. Струны надо периодически «топтать», иначе пальцы забудут, кожа станет нежной и неприспособленной к этому действию. И им обидно – зря, что ли свисты? А уж, какой звук извлечешь – от тебя зависит. Однако, КРАТНОСТЬ – сестра таланта. Гитару в кофре вообще вредно держать, она на глазах должна быть, как в той миниатюре эстрадной: «Ну, возьмите меня!». Она всем своим видом к действию призывать должна, активизировать, вдохновлять, правда? А кто нужен для этого? – Барбадос. Свой барбадос! Гитара вообще инструмент коллективный и передают его по кругу всегда с улыбкой все, кроме хозяина гитары. А так, вообще на ней любой кашевар может и лучше сыграет, чем орденоносец – времени у него больше на работу с инструментом. (Так и хочется здесь две веселые скобочки поставить, как в ВК принято).

А недавно я на выступление другого автора-исполнителя попал. (Вообще, слово «исполнитель» тридцать седьмым отдает, нет?) Так он уже на высокую ступень поднялся, на ту, когда дипломы уже не главное. И что интересно:... Здесь я убрал все пять строчек описания и анализа его выступления потому, что ничего «интересно». Дай ему Бог здоровья и творческих, так сказать, успехов! И побед! По всем направлениям! (Над собой).

Долго мялся, терпел и вот,
Прошмыгнул, окаянный идол.
Это старый бардовский кот.
Он действительно много видел.

Коту 14,5 лет. Его произвела на свет кошка Литератора. Наш кот тоже талантлив – он понимает и умеет все, но ничего не показывает из этого арсенала – убежденно скромно. Сразу видно породу – сын кошки литератора имеет все качества необходимые бардовскому коту и, самое главное из них – достоинство. А то, что он умеет исчезать в никуда и потом оттуда внезапно возникать, так это шалости просто. «Административный доступ», да? Иногда сомневаешься, кто к кому прилагателен. Такое впечатление, что это он выбрал меня на литераторской кухне, а не я из возможных двух кандидатов-котят. Он меня осчастливил и теперь я должен за ним ухаживать, иначе он из этого «никуда» будет сна мне посылать, как сегодня. Будто записка мне из зала пришла о том, что пора мне покинуть свое кресло. Лучше послушаюсь, на всякий случай...

«На палубу вышел, а палубы нет!» Ладно, вот «палуба»: Помело, Ты, Кот, Я, Собака, Любовь... – созданы Мировым Устройством, которое можно назвать любым красивым Словом. Гитара, машина, книжка, АК, компьютер... – созданы человеком из рассыпанных Им деталей. Собирая их, человек может быть автором-исполнителем, кашеваром, кассиршей, барбадосом... Курс указывает Стрелка, которой нет у Помело (с точки зрения человека). ТАК?

Про дружбу это я нарочно так написал, чтоб задумался кто-то, дружба это или другое что-то. А встретить эти строчки на бескрайних просторах Сети мне бы очень не хотелось. Спасибо!

31

Нет. Во-первых, я все-таки допишу строчку, которую произношу ЛИЧНО каждому, к кому попадают эти записи. Звучит она так: «Но. Каждое помело мечтает стать сказочником. Андерсеном». (Можешь считать, что это я о себе). Во-вторых: я упорно уходил от традиционных разговоров о границах жанра. Уходил сознательно. Всегда. На этих страницах, у костра, за кулисами, на заседаниях жюри, за столом и на клубных посиделках. Почему? Потому, что вопрос неверно поставлен. Верно поставленный вопрос уже содержит ответ.

Нет жанра авторской песни. По сути, любая песня является авторской. То, о чем мы говорили, безусловно, является одной из многочисленных ФОРМ интеллектуального и духовного ОБЩЕНИЯ достаточно подготовленных к нему людей, имеющих представление о стихосложении и музыке. Людей, связанных общим пониманием непреходящих ценностей и глубоким взаим-

ным уважением. Как только прозвучало слово «жанр» - знай, речь идет о работе на сцене, в студии звукозаписи или перед видеокамерой. Да, на сцене, в телепрограммах, при любых попытках систематизировать и упорядочить, эта форма будет обозначаться, как жанр. Других инструментов у желающих втиснуть «нечто» в строчки афиш и ведомостей нет.

Но. «Вечер авторской песни» – вполне корректное название встречи, на которой автор исполняет песни своего сочинения. (По крайней мере, форма соответствует содержанию).

Многие серьезные авторы, имеющие богатый опыт работы на сцене и достаточный авторитет в упомянутых кругах, призывают к созданию «Союзов АП», разного рода объединений, ассоциаций и т.д. по аналогии с Союзом писателей и Союзом композиторов. А кто-нибудь из них задавал себе вопрос, ЗАЧЕМ? Я знаю, зачем, но не скажу. Я сделал для жанра мало. Более того, я ничего не сделал для ЖАНРА. Все мои попытки создания самодеятельной песни были направлены на то, чтобы поделиться своим взглядом на очевидные вещи. Чем -то восхититься, чем -то возмутиться, на что-то просто обратить внимание слушателя. Порой, для того, чтобы заинтересовать конкретного человека, удивить своими навыками владения инструментом и словом. Честно. А как же фестивали, клубы, арткафе? А вы спросите, как моему другу удалось организовать фестиваль без спонсоров, своими силами, который активно действует уже 5 лет? Как он без баннеров и расставленных по углам коробок с минералкой умудряется собрать очень известных авторов и исполнителей наравне с молодежью? И даже из других городов! А сколько открытий, сколько новых имен, сколько талантов! А как удастся проводить фестиваль клубу песни в Красном Селе? А бесплатные концерты для всех желающих, независимо от возраста и популярности? А вечера авторской песни в библиотеках? Их организаторы всегда корректно извиняются: «Если, конечно, Вы не избалованы гонорами...». Нет, не избалованы!

На Петаккорде 2002 года я впервые познакомился с устойчивой позицией питерских авторов: авторская песня – это, прежде всего стихи, если кто-то считает иначе – вам с нами не по пути. Еще раз повторю: питерских. Авторы из других городов не столь категоричны. Ребята, а вам не приходило в голову, что песенный ритм предъявляет совершенно иные требования к тексту? Что он не позволяет завершать фразу посреди следующей строки и начинать новую с середины? Да, существует достаточно хороших СТИХОВ, которые могут стать словами песни, но это не значит, что песенное искусство - это побочный продукт поэзии. Стихотворение можно перечитать, перевернув страницу назад. У автора-исполнителя нет права «на второй выстрел», как у снайпера! Он вынужден быть кратким в выражении замысла.

32

У исполнителя песни есть иная степень свободы – возможность усилить впечатление от слова с помощью гитары, распределяя информационную и эмоциональную нагрузку между музыкой и текстом. Конечно, хорошо, если автор слов песни в совершенстве владеет стихосложением, но это совершенно не значит, что он может быть музыкально безграмотным! Я не вижу ничего страшного в профессиональном музыкальном образовании автора, точно так же, как и в литературном. Очень сомневаюсь, что какой – либо барбадос согласится оставить гитару в палатке (или за кулисами) в расчете на силу своего поэтического слова. Это все равно, что развивать авиацию за счет флота! Песня – это всегда синтез взаимодополняющих компонентов. Именно поэтому я обращаю внимание на обязательное следование аккомпанемента развитию событий в тексте. Река не может течь вверх по нотному стану! «Два башмачка» не должны зависнуть, как в эстрадном варианте, без движения в воздухе, они обязаны ПАДАТЬ на пол и аккомпанемент, в этом случае, должен быть нисходящим. Музыка должна двигаться за листом, который «парит», т.е. то поднимается воздушным потоком, то устремляется к земле, постоянно при этом, перемещаясь в плоскости полета... Все эти условия неукоснительно соблюдаются в песнях, которые «просто нравятся», мы зачастую не отдаем себе отчета, чем именно, порой, даже сами авторы.

Но. Можно следовать всем перечисленным правилам, а так и остаться на уровне «составителя». Сам знаешь, к чему мы вернулись, правда? К стрелке вернулись. У слушателя твоей песни тоже стрелка есть. Если ты этого не учитываешь, то никакая мимика, жестикуляция, сценическое искусство, грамотное изложение материала и виртуозный аккомпанемент не пробьют искрой этот пространственный промежуток между тобой и зрителем. Какая радость - услышать несмелый смешок в середине песни сначала от одного, потом от другого, потом по ряду, потом по залу, когда твое чувство юмора оценили без всяких предпосылок к этому, без подсказок и ужимок, когда песня исполнялась с непроницаемым выражением лица! И наоборот, не смотря на внешнее безразличие исполнителя, подачу с полуулыбкой, как рассказ о чем-то давно пережитом, увидеть блеск глаз и почувствовать оставившееся дыхание зала!

Я не знаю, как этому научиться. Видимо, просто надо говорить правду. Чтобы правду не стыдно было сказать, надо жить по стрелке (у слушателя она ведь тоже на месте не стоит, пошаливает иногда, верно?!). Вот такие дела. И еще. Если когда-нибудь у входа в метро ты увидишь поющего барабадос, не проходи, отвведя глаза – у тебя ведь есть немного в кармане? – Зачтется!

* * *

Представь простую фанерную советскую шахматную доску. Представь простые деревянные, лакированные пешки. На каждой клетке. Шестьдесят четыре клетки – шестьдесят четыре пешки. Блестят. Молча. Через полтора часа – та же доска, но на ней – ФИГУРЫ. Перешептываются, улыбаются... А ты и не заметил превращения. Бывают и такие чудеса!

Когда мне предложили выступить в тюрьме, я согласился сразу. А я не знаю, почему. Потом спрашивали: «Ну, как там?». Вы еще подводника спросите, ну, как там?... Разве можно это объяснить? После гибели АПЛ «Курск», в день официального сообщения начальника штаба КСФ, я сразу написал песню. Она называется «Наверху». – Ни слова о них. Только драма осознания непоправимого у телеэкранов. Нельзя описать ЭТО, находясь ВНЕ! Есть такие ситуации. Но правду говорить надо. Правду СВОЕГО потрясения.

* * *

33

Перед песней «Наверху» обычно я читаю эти строчки:

Туман услужливо стелился, скрывая пройденные мили.
Ара-губа. От этих пирсов и мы когда-то уходили.
Образчик северной природы – пейзаж бесцветный и печальный...
Чуть в стороне – атомоходы, еще окутанные тайной.
Их силуэты отличались мистической, зловещей грацией,
А мы в Видяево пытались сдать бабушкины облигации...
И грянул пир, и рассыпалась по сопкам клюква и брусника,
И тундра больше не казалась нам неприветливой и дикой,
И ни черта мы не боялись, и вдохновенно рисковали...

В те годы, все мы возвращались. (По крайней мере, так считали).

* * *

Это невозможно. Она должна, все же, закончиться когда-то, книжка эта! Эта «форма общения» не отпускает вовсе. Подбрасывает новые эпизоды, без размышлений о которых мои скромные попытки что-то немножко привести в порядок, хотя бы в мыслях, просто обречены.

Я перестаю понимать, какое вообще отношение к тому, о чем мы говорим, имеют слова «авторская песня». Нет, ребята, я, правда, перестаю понимать. Вот два вечера подряд я посещаю клубы с традиционными названиями. Сегодня, судя по всему, будет третий опыт ПОДРЯД. Да, «клубы АВТОРСКОЙ песни». Послушайте, товарищи, дорогие, не маловато ли : ОДИН АВТОР на восемь выступающих членов клуба? А на семнадцать присутствующих членов? А на восемьдесят слушателей?

А мне это зачем, да? – Все эти разговоры, да?

Я вспоминаю слова прекрасной, позитивной, жизнеРАДОСТНОЙ женщины о первых встре-

чах у нее на кухне тогда, в шестидесятых: «Среди нас не было слушателей и исполнителей, это были встречи АВТОРОВ!» (С.М.). Авторы стихов и песен. Какие «минусовки»? Какие «комполиторы»? Хотя бы давайте тематику концертов разделять на «вечер композитора ...» и «вечер исполнителей популярных песен», что ли. Хоть клуб «Барбадос» открывай, честное слово. Да, не сердитесь вы – правда, ведь так?!

Каждый человек втайне надеется найти сокровище. С детства. Пиратское или «принца на белом коне». Такое сокровище Мирowego Устройства я принял недавно из рук жизнеРАДОСТНОЙ женщины в день рождения. Просто так, бесплатно и «случайно». Это пачка таких же листочков – её дневниковые записи 1961 года. Толщина пачки и даже шрифт, как у меня. И титульный лист. Я читаю эти бесценные строки утром, после зарядки с чашечкой кофе, когда никто не мешает. Эти пачки лежат рядом – моя и Её. Знаешь, в чем разница? – У меня такое чувство, что её пачка лежит на крыше вагона, доверху наполненного живыми ощущениями, картинками, звуками песен, запахами тех лет! Теперь этот виртуальный вагон всегда со мной, но, что удивительно: прицепив его к своему «составу», я испытал такую легкость, как будто меня избавили от необходимости возить за собой десять вагонов с лесом! Я понял: это не вагон, это – локомотив Доброй Поддержки! Свое сокровище я не выпущу из рук, это подарок. А содержимым поделюсь с друзьями. Кто-то сказал, что только дурак, получив орден, носит его в кармане.

* * *

34

А, все же, был один автор вчера, был! И мне было о чем с ним поговорить. И на одном языке. И я его слушал с огромным интересом. И песни у него хорошие. И вообще, классный мужик! Вот так!

Где это я нахватался? - В Петербурге и области ежегодно проходит порядка полутора десятков фестивалей авторской песни. Я участвовал в большинстве из них с 2000-го года. С 2004-го – в составе жюри. Если считать, что только в номинации «автор» участвует в каждом минимум 20 человек, даже если только по две песни... Это только по городу и области! А еще Соловки, Валдай, Архангельск... А первую песню я придумал в 1975 году.

Кто я по специальности? - Инженер-электрик. Что убивает, ток или напряжение? – Убивает Бог.

Для того, чтобы лишить человека жизни, надо выполнить работу. Реальную. (Как и подарить, впрочем). Для ее выполнения нужна совокупность огромного количества факторов. Кроме

того, что надо (НЕ надо) быть в нужном месте и в нужное время, на результаты электрического воздействия влияют : пол (биологический), пол (покрытие), влажность воздуха, возраст, степень опьянения и голода, настроение, вес, здоровье, одежда и еще масса факторов. Чтобы все это собрать воедино, надо очень постараться! Очень! Кому это под силу? – Мировому Устройству. Схеме, которая не дает сбоев, по которой ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРАВИЛЬНО. На все вопросы ответил? А стаж работы на инженерных должностях у меня 32 года. И 15 лет преподавательского.

Слишком много сомнений, правда? Не согласен ты со всем этим, да? А зачеркнуть все написанное на этих листочках очень просто, я сам же это и сделаю вполне элегантно! На «стеночке» ВК у своего старого (по времени общения, а не по возрасту) друга, уже всемирно известного гитарного Мастера я прочитал: *«Когда покупаешь что-то у художника/мастера, ты покупаешь не просто вещь/картину. Ты покупаешь дни, недели, месяцы разочарований и поисков и моменты ЧИСТОЙ РАДОСТИ. Ты покупаешь не просто вещь. Ты покупаешь частицу сердца, души и мгновения чьей-то жизни. И, что самое важное, ты покупаешь для художника время, чтобы он смог делать то, чем он так увлечен».*

Я не знаю, кому принадлежат эти слова, но я с ними согласен (отчасти). По крайней мере, вид заработанных купюр в некоторой степени оправдывает твои ночные бдения в глазах близких, обделенных твоим вниманием в процессе творчества.

Смотрел телевизор. Взгляд упал на пустую вазу – что-то не понравилось. Оделся, пошел за цветами. У подъезда молодежь пила пиво, видно давно - весна... На обратном пути встретились – они шли в магазин. Один меня остановил: «Подождите!». Я был уверен в том, что им не хватает... А он дальше: «Цветы даме – это всегда прекрасно, это – весна, праздник! Успеха Вам!» (дословно) - и дальше пошел. Я с улыбкой поблагодарил. Ваза наполнилась смыслом.

Вчера купил помело. Еще раз повторить? Да, да, ПОМЕЛО. ВЧЕРА. Мягкое. С семечками. У помело семечки, как у тыквы – белые и большие. Дал попробовать внуку – он не стал есть, сказал, горько. Его (помело) видно сняли слишком поздно, состарилось помело. А мне и такое подойдет, перезревшее. Не скажу, что очень вкусно, но терпимо. А семечки я выбрасывал в пакет с мусором. Выбрасывал с жалостью – ведь можно и посадить на балконе, земля есть, горшки всякие... Но, хлопотно – поливать надо, привязанность какая-то, утрата маленькой доли свободы... И, все же, с жалостью выбрасывал. Съел – и забыл.

35

Как снарядить магазин к АК-47 зависит от бойца. Можно 36 боевых запихнуть, а можно и холостые. Холостые, хоть и не предполагают серьезных последствий, но шуму много и держаться от дульного среза лучше подальше – обжечь вспышкой может. Здорово может обжечь. Вспышкой. На всю жизнь щербатым можно остаться. Одно слово - холостые!

Если загрузилась операционная система, это еще ничего не значит. Можно потом десять лет на компьютере в карты играть или печатать накладные.

Что у гитары внутри? – пружины. Это такие деревянные реечки для прочности корпуса. И воздух – всё! Её можно купить, украсть, сделать, найти – все равно: пружины и воздух.

Еще можно купить, украсть, сделать, выиграть автомобиль. Заправить «под завязку» и поставить в гараж. Навсегда.

Я даже обобщать ничего не стану, и так все ясно. Конечный результат зависит только от Автора, кем бы он ни был – помелЬщиком, бойцом, систадином, музыкантом или автолюбителем ... Главное – наполнить вазу смыслом. «Никто, кроме нас!».

Саквояж... Пригодилось многое. Почти все. Из того, чем поделился, кое-что вернули. Кто-то с благодарностью, кто-то с возмущением. Некоторые использовали содержимое не по назначению – я ведь инструкций не прилагал. Некоторые спросили, можно ли оставить себе на память? – Конечно можно! Радостно сознавать, что мои уважаемые, ставшие близкими, попутчики, сами предложили мне множество необходимых в пути, полезных вещей, о существовании которых я не догадывался, спасибо, друзья!

ТИТРЫ

/Впишите имя здесь/

АВТОР-ИСПОЛНИТЕЛЬ

БАРБАДОС

ПОМЕЛО

Любые случайные совпадения прошу считать закономерными. Случайностей не бывает!

Информацию о мероприятиях
литцентра можно узнать на сайте

www.litcenterspb.com

и через группы в соцсетях

[litcenterspb](https://www.litcenterspb.com) [cslik](#)

Дамы и господа!

Приглашаем прогуляться по нашему интернет-магазину!

www.artlitmix.com

